

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Акунченко Евгений Андреевич

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность: 12.00.08 – «Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
профессор Щедрин Н.В.

Красноярск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Коррупционная преступность в избирательном процессе как объект криминологического исследования	15
§ 1. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе.....	15
§ 2. Показатели коррупционной преступности в избирательном процессе	50
§ 3. Типы коррупционной преступности в избирательном процессе.....	62
§ 4. Субъективные и объективные детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе	108
Глава 2. Предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе	128
§ 1. Общая характеристика системы предупреждения коррупционной преступности.....	128
§ 2. Меры социальной профилактики в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе	143
§ 3. Меры безопасности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе	157
§ 4. Меры восстановления в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе	180
§ 5. Меры ответственности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	222
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	265
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	266
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	267

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Обеспечение безопасности общества от проблем и угроз, порождаемых коррупцией, входит в число приоритетных задач любого демократического государства. В преамбуле Конвенции ООН против коррупции¹ подчеркивается, что «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² коррупция упоминается в одном ряду с такими опасными явлениями, как деятельность террористических и экстремистских организаций, радикальных общественных объединений, преступных группировок и др. Отнесение коррупции к числу основных угроз национальной безопасности обосновано крайне негативными последствиями ее существования.

Коррупция обостряет противоречия между частными и общественными интересами, препятствует справедливому распределению социальных благ, усиливает социальную напряженность в обществе и превращает публичное управление в объект экономических отношений. К числу значимых негативных последствий коррупции относится ее деструктивное воздействие на процессы формирования государственной власти и местного самоуправления. Существование реальной возможности коррупционного влияния на результаты выборов и иных демократических процедур под видом законной политической борьбы и легального волеизъявления граждан может привести к захвату власти не только в конкретном регионе, но и в государстве в целом. Таким образом, коррупция в избирательном процессе представляет опасность как для внутреннего, так и внешнего суверенитета, в связи с чем обеспечение охраны избирательных отношений от коррупционных посягательств является задачей особой государственной важности.

¹ См.: Конвенция ООН против коррупции : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 окт. 2003 г. № 58/4 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780

² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.

Анализ отклонений электорального поведения свидетельствует о широком распространении противоправных деяний, в основе которых лежит подкуп («продажность») различных участников избирательного процесса, злоупотребление ими своим служебным положением или специальным правовым статусом, а также незаконное финансирование избирательных кампаний. Указанные проявления коррупции в избирательном процессе не только нивелируют значение политической конкуренции, снижают уровень легитимности представительной власти, формируют недоверие граждан к избирательной системе, но и детерминируют политизацию организованной преступности и криминализацию публичного управления.

Исследование коррупции в российском избирательном процессе как самостоятельного объекта криминологического познания началось сравнительно недавно. В научной литературе произошла первичная систематизация знаний об основных формах и видах коррупционных деяний различной степени общественной опасности, часть из которых нашла свое отражение в составах административных правонарушений и уголовных преступлений. Вместе с тем реалии современного избирательного процесса свидетельствуют о том, что многие проявления коррупции в указанной сфере еще не получили надлежащей уголовно-правовой оценки. Существующий механизм охраны избирательных отношений от преступных посягательств, обусловленных корыстной и (или) иной личной заинтересованностью соответствующих субъектов преступлений в достижении определенного политического результата на выборах, остается малоэффективным.

Коррупционная преступность в избирательном процессе на сегодняшний день является слабо изученным социально-политическим криминологическим явлением. Ни установленные в уголовном законе запреты, ни практика их применения в деятельности правоохранительных органов не могут обеспечить антикоррупционную безопасность избирательного процесса. Редкие случаи выявления крайне латентных преступлений, а также ощутимое противоречие в показателях официальной статистической отчетности последних лет – явное тому подтверждение. Сказанное позволяет утверждать, что назрела необходимость комплексного изучения состояния коррупционной преступности в избирательном процессе, выявления и обобщения ее

типичных проявлений, а также анализа субъективных и объективных детерминант. Полученные в результате исследования указанных криминологических характеристик знания позволят сформировать научно обоснованные предложения по совершенствованию сложившейся системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе.

Тем самым изучение коррупционной преступности в избирательном процессе как самостоятельного системно-структурного явления и совершенствование системы ее предупреждения является актуальной и перспективной исследовательской задачей, на решение которой направлено настоящее исследование.

Степень научной разработанности темы исследования. Феномен коррупции является одним из драйверов современной уголовно-правовой и криминологической мысли. Исследованию проблем коррупции посвящены труды известных российских криминологов и криминалистов: В.В. Астанина, Т.Б. Басовой, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, Ю.В. Голика, О.В. Дамаскина, Г.В. Дашкова, А.И. Долговой, Н.А. Егоровой, В.Б. Здравомыслова, С.М. Иншакова, А.И. Коробеева, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, П.А. Кабанова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, И.М. Мацкевича, З.А. Незнамовой, В.А. Номоконова, В.С. Овчинского, А.Л. Репецкой, П.А. Скобликова, А.Н. Сухаренко, М.В. Талан, Е.Е. Тонкова, И.В. Шишко, Н.В. Щедрина, В.Е. Эминова, П.С. Яни и др.

Проявления коррупции в политической сфере общественной жизни (в том числе в отношениях по формированию органов народного представительства и избранию выборных должностных лиц) предметно исследовали В.В. Астанин, А.Ю. Бузин, Б.Л. Вишневецкий, М.Б. Горный, И.А. Дамм, Э.И. Девицкий, С.А. Дулов, Д.В. Жмуров, А.П. Забайкалов, О.В. Зайцева, С.К. Илий, Е.П. Ищенко, П.А. Кабанов, М.М. Какителашвили, Е.И. Колюшин, Н.Ю. Климова, Ю.Г. Коргунюк, А.Н. Кругленя, В.В. Красинский, Е.А. Лазарев, Ю.А. Нисневич, Е.А. Панфилова, Г.И. Райков, Т.Б. Рамазанов, В.Л. Римский, Г.А. Сатаров, С.Г. Соловьев, А.П. Свигузова, Д.К. Чирков, А.Е. Чуклинов, С.М. Шапиев, С.Н. Шевердяев, Н.В. Щедрин и др.

Изучению вопросов уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан посвящены следующие диссертационные исследования: Н.Г. Мажинская «Уголовная

ответственность за нарушение избирательных прав граждан» (Ростов-на-Дону, 2002); Г.А. Станкевич «Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» (Кисловодск, 2002); Н.В. Терещенко «Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Ставрополь, 2002); Т.Н. Елисеева «Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации» (Москва, 2004); А.С. Колышницын «Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме» (Рязань, 2004); И.Н. Толстикова «Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах» (Красноярск, 2005); Г.Н. Шевченко «Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан» (Ростов-на-Дону, 2006); Н.Ю. Турищева «Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме: уголовно-правовой анализ и перспективы совершенствования законодательного описания (по материалам Краснодарского края)» (Краснодар, 2007); Чжоу Хэн «Преступления против избирательных прав в уголовном законодательстве Китая и России: сравнительно-правовое исследование» (Владивосток, 2010); И.А. Бутяйкин «Уголовная ответственность за фальсификацию избирательных документов, документов референдума и итогов голосования» (Москва, 2011); А.В. Торопов «Правовое регулирование ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий: современное состояние и перспективы» (Тюмень, 2011); И.С. Щербина «Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме» (Екатеринбург, 2012); А.Н. Кругленя «Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме» (Москва, 2013); И.И. Вист «Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» (Екатеринбург, 2015) и др.

Уголовно-процессуальные аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений против избирательных прав граждан исследовали в своих трудах О.Ю. Антонов «Теория и практика выявления и расследования электоральных

преступлений» (Москва, 2008) и Д. Ганзориг «Расследование преступлений против избирательных прав: по материалам Монголии» (Москва, 2017).

Вместе с тем ни в одной из указанных научных работ коррупционная преступность в избирательном процессе не рассматривалась в качестве объекта криминологического познания. Первое комплексное исследование по данной теме осуществила И.А. Дамм в своей диссертационной работе «Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие» (Красноярск, 2006). Однако стоит отметить, что данное исследование проводилось в условиях практически полного отсутствия нормативно-правового регулирования вопросов противодействия коррупции в Российской Федерации и не учитывает социально-политические изменения за прошедший период времени. Поскольку коррупция, как и общество, находится в состоянии непрерывного развития, необходимо проведение нового криминологического исследования с учетом достижений современной науки и практики.

Объект и предмет исследования. Объектом настоящего исследования являются закономерности развития общественных отношений, возникающих в связи с совершением коррупционных преступлений в избирательном процессе и деятельностью по их предупреждению.

Предмет исследования составляют:

- положения действующего российского законодательства, регулирующие избирательные правоотношения;
- общепризнанные принципы и нормы международного права в сфере противодействия коррупции, положения действующего антикоррупционного законодательства и иных подзаконных актов Российской Федерации;
- нормы, устанавливающие юридическую ответственность за совершение коррупционных правонарушений (в том числе преступлений) в избирательном процессе;
- практика судебных и иных правоохранительных органов по применению мер предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе;
- данные официальной правовой статистики;
- результаты опроса членов избирательных комиссий Красноярского края;
- научные публикации по исследуемой проблематике;

– материалы, опубликованные в средствах массовой информации, а также электронные ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является обоснование коррупционной преступности в избирательном процессе в качестве самостоятельного системно-структурного явления, а также разработка системы мер ее предупреждения.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

– изучить социально-правовую природу коррупционной преступности в сфере избирательного процесса, выделить ее существенные признаки и сформулировать определение понятия данного явления;

– оценить показатели коррупционной преступности в избирательном процессе и выявить проблемы формирования официальной статистической отчетности в указанной сфере;

– провести типологизацию коррупционной преступности в избирательном процессе и охарактеризовать каждый из выделенных типов;

– рассмотреть субъективные и объективные детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе;

– дать общую характеристику системе предупреждения коррупционной преступности, рассмотреть ее особенности применительно к сфере избирательных отношений;

– определить место социально-профилактических и принудительных мер в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, а также изучить их характерные особенности.

Методологическая, теоретическая и нормативно-правовая основа исследования. В основу методологии настоящего исследования положен общенаучный метод диалектического материализма. Кроме того, в процессе диссертационной работы использован ряд частнонаучных методов: историко-юридический, формально-логический (дедукции, индукции, определения и деления понятия и др.), системно-структурный, сравнительно-правовой и др. В целях осуществления эмпирической части исследования применены методы статистического наблюдения (анкетный

опрос, анализ документов, включенное наблюдение), сводки и группировки, а также математический анализ полученных статистических данных.

Теоретическую основу исследования составили труды специалистов в области теории и методологии науки, философии, социологии, политологии, экономики, криминологии и права: С.А. Авакьяна, Ю.М. Антоняна, В.В. Астанина, И.И. Бикеева, А.Ю. Бузина, Б.Л. Вишневого, И.А. Дамм, А.И. Долговой, О.В. Зайцевой, В.В. Игнатенко, С.К. Илия, Е.П. Ищенко, П.А. Кабанова, М.М. Какителашвили, Н.Ю. Климовой, Е.И. Колюшина, Ю.Г. Коргунюка, В.В. Красинского, А.Н. Круглени, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Ю.А. Нисневича, В.А. Номоконова, Е.А. Панфиловой, Т.Б. Рамазанова, В.Л. Римского, Г.А. Сатарова, С.Г. Соловьева, А.П. Свигузовой, А.Е. Чуклинова, С.М. Шапиева, С.Н. Шевердяева, Д.А. Шестакова, Н.В. Щедрина и др.

Нормативно-правовая основа исследования – международные правовые акты, Конституция Российской Федерации, законодательные и подзаконные акты в сфере уголовного, административного, гражданского, избирательного и других отраслей права.

Эмпирическую основу исследования составили данные статистической отчетности, предоставленные ГИАЦ МВД России; результаты опроса 536 членов территориальных и участковых избирательных комиссий, Избирательной комиссии Красноярского края; результаты мониторинга официальных сайтов 85 избирательных комиссий субъектов Российской Федерации; материалы судебной и иной правоприменительной практики; личный опыт работы автора в Избирательной комиссии Красноярского края в период организации и проведения выборов с 2014 по 2018 г.

Научная новизна исследования. Впервые представлена криминологическая характеристика коррупционной преступности в избирательном процессе как самостоятельного системно-структурного явления, а также разработана комплексная система мер его предупреждения.

В исследовании сформулировано понятие коррупционной преступности в избирательном процессе, рассмотрены показатели и выявлены некоторые закономерности развития данного явления, описаны и охарактеризованы основные типы

коррупционной преступности в избирательном процессе, а также рассмотрен механизм ее социальной детерминации.

С учетом данных элементов криминологической характеристики предложена нестандартная модель системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, которая основана на функциональном взаимодействии социально-профилактических и принудительных мер правового воздействия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коррупционная преступность в избирательном процессе представляет собой общественно опасное, социально-политическое, исторически изменчивое, относительно массовое и уголовно-правовое явление, выраженное в совокупности коррупционных преступлений, совершаемых субъектами избирательного процесса путем незаконного использования своего служебного положения или специального правового статуса, обусловленных корыстной и (или) иной личной заинтересованностью в достижении определенного политического результата на выборах вопреки интересам общества и государства.

2. Анализ зарегистрированных преступлений против избирательных прав граждан за последние 25 лет позволяет выявить только две закономерности коррупционной преступности в избирательном процессе: устойчивость и цикличность. Это, в первую очередь, связано с высоким уровнем латентности, который обусловлен рядом факторов: недооценка характера и степени общественной опасности, неэффективность оперативно-следственных мероприятий, казуистичность законодательства, скоротечность избирательного процесса, несовершенство официального статистического учета преступлений.

3. Основными типами коррупционной преступности в избирательном процессе являются: а) подкуп («продажность») участников избирательного процесса; б) злоупотребление административным ресурсом; в) незаконное финансирование избирательной кампании. Выделение указанных типов и объяснение функциональных связей между ними имеет важное криминологическое значение для систематизации и оптимизации уголовно-правовых запретов, поскольку существующий механизм охраны избирательных отношений от коррупционных посягательств не в полной

мере отражает системно-структурный характер коррупционной преступности в избирательном процессе.

4. Причинный комплекс коррупционной преступности в избирательном процессе включает разнообразные группы детерминант, структурировать которые в общем виде можно по содержанию и природе происхождения.

К основным субъективным детерминантам коррупционной преступности в избирательном процессе относятся: широкое распространение коррупциогенных стереотипов, основанных на многовековых традициях мздоимства и лихоимства; недооценка участниками и организаторами выборов общественной опасности своего коррупционного поведения, а также готовность последних к выполнению незаконных распоряжений и указаний; общее недоверие граждан к избирательной системе.

В числе основных объективных детерминант коррупционной преступности в избирательном процессе следует выделить: неразвитость институтов гражданского общества и ограничение политической конкуренции; недостатки деликтолизации и криминализации основных проявлений коррупции в избирательном процессе; противоречивость практики применения норм законодательства о выборах; низкий уровень антикоррупционной компетентности членов территориальных и участковых избирательных комиссий.

5. Для описания системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе может быть адаптирован механизм, в соответствии с которым все используемые меры воздействия разделены на две группы:

- а) не связанные с принуждением (социальная профилактика);
- б) связанные с принуждением.

В основе первой группы мер лежит позитивное стимулирование, в основе второй – ограничение. Среди мер, связанных с принуждением, в зависимости от механизма правового воздействия выделяются: меры безопасности, меры восстановления и меры ответственности.

6. К основным социально-профилактическим мерам предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, не связанным с принуждением, относятся антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование. Анализ

избирательного законодательства и подзаконных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что в рамках деятельности избирательных комиссий по повышению правовой культуры участников избирательного процесса сформирована организационно-правовая основа для активизации антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования.

7. Потенциал принудительных мер может быть использован для совершенствования деятельности по предупреждению коррупционных преступлений в избирательном процессе. Конкретные предложения по реформированию отраслевого законодательства состоят в следующем:

7.1. Распространить основные антикоррупционные стандарты поведения, представляющие собой общие антикоррупционные правила безопасности в избирательном процессе, на членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих не на постоянной (штатной) основе.

7.2. Вернуть в электоральную практику институт избирательного залога, при помощи которого возможно эффективное предупреждение участия в выборах лиц, заведомо не имеющих достаточной поддержки избирателей и использующих свой статус в корыстных и (или) иных личных целях, не связанных с институтом демократических выборов.

7.3. Восполнить недостатки криминализации основных проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе путем внесения изменений в понятие «должностное лицо», изложенное в прим. 1 к ст. 285 УК РФ, которые позволят признать в качестве таковых избирателей и кандидатов как лиц, имеющих специальный правовой статус и выполняющих публичную функцию.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при дальнейшем теоретическом исследовании коррупционной преступности и ее основных типов; при совершенствовании действующего избирательного, административного и уголовного законодательства, а также нормотворческой деятельности органов власти; в работе правоохранительных органов, избирательных комиссий по выявлению и устранению причин и условий коррупционной преступности в избирательном процессе; для

обучения студентов юридических специальностей при проведении занятий по криминологии, уголовному, административному, конституционному праву и другим учебным дисциплинам.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается:

- использованием данных, полученных ведущими учеными в ходе многолетних научных исследований в области криминологии, уголовного и избирательного права, а также правовой теории мер безопасности;
- применением комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания, соответствующих объекту и предмету исследования, а также его целям и задачам;
- проведением анализа судебной и иной правоприменительной практики, сложившейся по поводу привлечения виновных лиц к юридической ответственности за совершение общественно опасных коррупционных деяний в избирательном процессе;
- данными, полученными в результате опроса 536 членов территориальных и участковых избирательных комиссий, Избирательной комиссии Красноярского края;
- данными, полученными в результате мониторинга официальных сайтов 85 избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации, отражены в 25 публикациях, восемь из которых опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Результаты научных исследований докладывались и обсуждались на ежегодных всероссийских научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых Юридического института Сибирского федерального университета (2011–2018 гг.); Международной научной студенческой конференции «Актуальные проблемы реформирования современного законодательства» (Саратов, 2012 г.); Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов «Эволюция российского права» (Екатеринбург, 2013 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Томск, 2014 г.);

Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (Москва, 2014 г.); Международном научном форуме «Наука будущего – наука молодых» (Севастополь, 2015 г.); Межрегиональной научно-практической конференции «Власть. Народное представительство. Федерализм» (Томск, 2015 г.); Межрегиональной научной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей «Российское правоведение: трибуна молодого ученого» (Томск, 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации» (Казань, 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции в России и за рубежом» (Омск, 2017 г.); Сибирском антикоррупционном форуме с международным участием «Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы» (Красноярск, 2017 г.); Евразийском антикоррупционном форуме «Конфликт интересов: право и этика» (Москва, 2018 г.).

Кроме того, результаты диссертационного исследования послужили основой для проведения автором соответствующих учебных занятий по дисциплинам «Криминология», «Противодействие коррупции», «Правовая статистика» и «Правовые аспекты мер безопасности» (для обучающихся по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» Юридического института Сибирского федерального университета), а также чтения им лекций в рамках курсов повышения квалификации для лиц, замещающих государственные (муниципальные) должности, и государственных (муниципальных) служащих в Кадровом центре при Губернаторе Красноярского края по темам «Противодействие коррупции» и «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в 2013–2018 гг.

Структура диссертации определена поставленными целями и задачами исследования, логикой последовательного изложения изучаемой проблемы. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Коррупционная преступность в избирательном процессе как объект криминологического исследования

§ 1. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе

Теоретическое осмысление коррупции в избирательном процессе в течение новейшей истории российского государства происходит достаточно интенсивно. Данный феномен выступил в качестве объекта исследования для нескольких десятков научных работ отечественных специалистов в области политологии, социологии, истории и права¹. Однако вопрос об исчерпывающем перечне форм и видов коррупции в избирательном процессе, равно как и об эффективных средствах ее предупреждения, не решен и остается открытым. Исследования коррупционной преступности как наиболее опасного проявления коррупции в избирательном процессе во все имеют эпизодический и несистемный характер.

Как элемент социальной действительности коррупция при проведении выборов сопровождает российское общество с момента зарождения в стране институтов современной демократии. В историко-правовых исследованиях отмечается, что на муниципальных выборах в Российской Империи после городской реформы 1870 г., в результате которой городская общественная служба стала престижной, широкое распространение получили различные избирательные технологии, связанные с подкупом избирателей. Так, например, в 1888 г. в г. Остер Черниговской губернии перед выборами в третьем избирательном разряде «агенты купцов Цилюриков» ходили по домам избирателей, подкупами и угощением водкой склоняли их избирать в гласные сторонников Цилюриков. В связи с поступившими жалобами губернское присутствие впоследствии отменило результаты состоявшихся выборов². Помимо прямого подкупа избирателей широкое распространение получили злоупотребления

¹ Кабанов П.А. Электоральная коррупция: осмысление научных подходов к явлению // Политические партии и выборы: проблемы современности. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. С. 400.

² См.: Горбачев В.П. Муниципальная коррупция и избирательные технологии в Российской Империи // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. Т. 3. № 4. С. 15–17.

административным ресурсом: «Исполнительная власть, вмешиваясь в электоральный процесс, была озабочена не столько развитием "начал представительства", сколько созданием в Думе проправительственного большинства для законодательного обеспечения проводившейся политики»¹. По словам С.В. Лобачева, «занимая центральное место в системе управления выборным производством и непосредственно подчиняясь Министерству внутренних дел, губернатор выполнял прямые, связанные с избирательным процессом распоряжения и указания главы этого ведомства, направленные не только на обеспечение четкого хода выборов, но и на повсеместный контроль избирательной кампании, начиная от составления избирательных списков и заканчивая политическим характером состава выборщиков на избирательных собраниях»².

Не отрицается также существование коррупции в избирательном процессе и в советские времена. Однако в условиях тоталитарного режима она «находилась в "одних руках", была регулируемой, партсоворганы определяли, кто должен представлять народ в органах власти... Все, что начертано партией, исполнялось без всяких инцидентов. Других форм электоральной коррупции, характерных современному периоду, в те годы не существовало»³. Вместе с тем при детальном анализе советской государственной литературы мы можем встретить более характерные и не потерявшие своей актуальности признаки коррупции в избирательном процессе. Как смело для своего времени писал А.И. Ким, итоги выборов в 1923–1924 гг. выявили серьезные недостатки «в развертывании советского демократизма», поскольку в ряде случаев «советские работники на местах не изменили методов и форм работы периода военного коммунизма, нередко нарушали принципы социалистического демократизма и революционную законность». Это привело к тому, что «такие работники оторвались... от избирателей, чувствовали зависимость лишь сверху, но не снизу, а отсюда бесконтрольность, самоуправство, произвол правителей». Как

¹ *Кирьянов И.К., Чугайнова Е.В.* Административный ресурс на выборах в Государственную Думу Российской Империи четвертого созыва: пермский вариант // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 203.

² *Лобачев С.В.* Административный ресурс губернатора на выборах в дореволюционную Государственную Думу (по материалам Владимирской губернии) // История государства и права. 2010. № 23. С. 20.

³ *Рамазанов Т.Б.* Особенности современной электоральной коррупции // Право и политика. 2010. № 5. С. 876.

следствие – значительное снижение явки (28,9 %), в условиях которой сами выборы в Советы представляли собой «пустую канцелярскую процедуру протаскивания в депутаты людей, не пользующихся доверием»¹.

Нельзя не согласиться с утверждением Е.П. Ищенко о том, что «коррупция резко активизируется в периоды коренных преобразований правовых и экономических устоев, политической нестабильности, слабости властных структур, дезорганизации общественной жизни»². В очередной раз избирательные отношения подверглись эскалации коррупционных процессов в конце XX в. Как отмечается в политологической литературе, электоральная коррупция «стала нормой политических процессов во всех странах СНГ. За нею стоят как "серые" схемы вливания денежных средств крупного бизнеса в предвыборные кампании, так и использование "административного ресурса" для манипулирования электоральными процессами»³. Кроме того, для данного периода времени характерно массовое проникновение представителей организованной преступности во власть посредством процедуры демократических выборов: «Слом старой государственной машины социалистического типа, прекращение действия прежних законов и, соответственно, ослабление режима законности, повлекли объективные условия для насильственного подчинения властных структур представителями организованной преступности»⁴. Как пишет В.В. Красинский, «анализ материалов избирательных кампаний свидетельствует, что все политические партии (и их региональные отделения) включали и продолжают включать в свои списки кандидатов из числа представителей криминалитета»⁵.

Все это говорит о том, что основные формы коррупции, такие как подкуп («продажность») и злоупотребление властью, были хорошо известны и находили широкое применение в избирательном процессе с давних времен. Вместе с тем научные

¹ См.: *Ким А.И.* Первая Конституция СССР и советское всеобщее избирательное право для трудящихся // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск: Изд-во Томского университета, 1957. С. 8–9.

² *Ищенко Е.П.* Коррупция и грязные избирательные технологии: пути преодоления [Электронный ресурс] // Коррупция – коррозия общества и государства. Екатеринбург, 2000. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1224687>.

³ *Лазарев Е.А.* Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 108.

⁴ *Рамазанов Т.Б.* Особенности электоральной коррупции в полиэтнических регионах России // Диалектика противодействия коррупции. Казань: Познание, 2013. С. 149.

⁵ *Красинский В.В.* Организованная преступность на выборах и в российских органах власти : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 13.

публикации, посвященные проблемам познания и предупреждения данного вида коррупции, стали появляться лишь в начале XXI в.¹

Существенное значение при проведении криминологического исследования имеет выделение его объекта, представленного в виде относительно целостной системы, поскольку именно от этого «зависит полнота видения проблемы, выделение составляющих объект элементов, их связей между собой и вовне»². Принимая в качестве такового закономерности развития общественных отношений, которые возникают в связи с совершением коррупционных преступлений в избирательном процессе и деятельностью по их предупреждению, мы не можем оставить в стороне рассмотрение родового явления. Коррупционная преступность представляет собой один из элементов вышестоящей системы, который находится в непрерывном функциональном взаимодействии с иными коррупционными девиациями электорального поведения. Изучение подходов к пониманию и анализ существенных признаков коррупции в избирательном процессе являются необходимыми для ответа на открытый до настоящего времени вопрос о том, «какие близкие между собой по содержанию деяния включает в себя коррупционная преступность и какие преступления следует считать коррупционными»³.

Одним из первых к изучению проявлений коррупции в избирательном процессе приступил П.А. Кабанов. Используя термин «электоральная коррупция», данный автор, в частности, указывает, что в узком политико-криминологическом смысле под ним следует понимать «особую разновидность политической коррупции, которая проявляется и выражается как в массовом подкупе избирателей, так и подкупе избираемых лиц на выборные государственные или муниципальные должности либо иных участников избирательных процессов во время проведения избирательных кампаний различного уровня»⁴. Данное определение логично вытекает из

¹ Противодействие коррупции в Российской Федерации : указатель литературы на русском языке (1991–2012 гг.) / Сост.: Е.А. Панфилова, М.И. Савинцева; под ред. Ю.А. Нисневича. М.: Трансперенс Интернешнл – Р, 2013. С. 112.

² Кардополов Ю.Ф. Методы криминологических исследований : учеб. пособие. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. С. 69.

³ Газимзянов Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 20.

⁴ Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение : монография. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. С. 62.

общей теории политической преступности, к видам которой также относятся бунтовская, международная, тоталитарная преступность, криминальный политический рэкет, криминальный политический вандализм, политический терроризм, политическая коррупция, злоупотребление властью в политических целях, информационная (массово-коммуникативная) политическая преступность¹ и др.

Отмечая высокий научный уровень данного определения, необходимо обратить внимание на то, что оно сформулировано в рамках узкого подхода к пониманию коррупции, который исключает из объема понятия любые коррупционные деяния, не связанные с подкупом («продажностью») должностных лиц. Как пишет Н.А. Лопашенко, «именно подкуп, который оборачивается продажностью подкупаемых, характеризует содержание коррупции. Подкуп является стержнем коррупции, присутствует в ней всегда, в обязательном порядке. Злоупотребления должностных лиц и иных служащих, даже носящие корыстный характер, с подкупом не связанные, на мой взгляд, не могут расцениваться как коррупционные»². Несмотря на строгий подход к терминологии (слово *corruptio* в переводе с латинского означает «порча, оболыщение, особ. подкуп»³) и последовательность в аргументации, узкий подход не соответствует действующим нормативным правовым актам Российской Федерации, в том числе ратифицированным международным договорам в сфере противодействия коррупции, а также встречает обоснованную критику в научной среде.

На сегодняшний день значительная часть ученых придерживается широкого подхода к пониманию коррупции, включающего, помимо подкупа и продажности должностных лиц («коррупционной сделки»), также различные злоупотребления должностным положением, совершаемые в целях извлечения как материальной, так и иной личной выгоды. Данный подход в полной мере соответствует законодательному определению коррупции. По смыслу легальной дефиниции, приведенной в п. 1

¹ См.: Кабанов П.А. Российская политическая криминология: спорные вопросы и неоднозначные ответы // Право и политика. 2013. № 7. С. 860.

² Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. С. 22.

³ Петрученко О.А. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г. М.: Эксмо, 2017. С. 152.

ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹, значительный массив коррупционных деяний представляет собой различного рода злоупотребления, которые выражаются в «незаконном использовании должностного положения» и не связаны с подкупом или продажностью. Следуя положениям Конвенции ООН против коррупции, к числу проявлений коррупции, подлежащих криминализации в рамках национального законодательства, помимо подкупа публичных должностных лиц относятся хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 17), злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 18), злоупотребление служебным положением (ст. 19), незаконное обогащение (ст. 20) и др.

Вместе с тем очевидным преимуществом приведенного выше определения П.А. Кабанова является акцент на системном характере рассматриваемого феномена: «Электоральная коррупция как социально-политическое явление не может сводиться лишь к элементарному (примитивному) подкупу участников избирательных процессов. Она, скорее всего, более сложное, многоликое и многогранное негативное социальное политико-правовое явление, связанное с противоправной коррупционной деятельностью не только в условиях избирательного процесса, но и после него, которое обязательно должно быть логически связано с электоральным поведением»².

Аналогичную терминологию, но практически противоположный подход к пониманию предлагает Ю.А. Нисневич. Согласно его позиции, электоральная коррупция – это «противоправное использование в ходе избирательного процесса властных полномочий и прав, положения и статуса должностных лиц публичной власти для предоставления посредством подавления политической конкуренции и искажения свободного волеизъявления граждан неправомерного преимущества представителям аффилированных политических сил и групп с целью извлечения в их пользу

¹ См.: О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

² Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия) : монография / Под ред. П.А. Кабанова. М.: Граница, 2012. С. 20.

политической выгоды в виде результатов несвободных и нечестных выборов»¹. В данном случае также следует сделать вывод об использовании узкого понимания коррупции, который отражает только один из аспектов этого социально-политического явления.

Изучение коррупционных проявлений в избирательном процессе сквозь призму злоупотребления различными ресурсами публичной власти, несомненно, имеет важное теоретико-прикладное значение. Вместе с тем, как отмечает Ю.Г. Коргунок, отождествление электоральной коррупции с применением административного ресурса как инструмента, почти целиком принадлежащего исполнительной власти, фактически исключает из числа субъектов коррупционной деятельности оппозицию: «Ведь если свести электоральную коррупцию к злоупотреблению административным ресурсом, то получится картина борьбы "белой и пушистой" оппозиции против погрязшей в пороке власти, а затем останется только удивляться, почему "белые и пушистые", взяв в свои руки рычаги управления страной, так быстро становятся подобными своим прежним оппонентам»².

Развивая данную идею, В.С. Ковин, П.В. Панов и О.Б. Подвинцев предлагают определять электоральную коррупцию не через административный ресурс, который связан с действиями определенной категории акторов («правительственных»), а через способы воздействия акторов-участников выборов на избирателей, среди которых выделяются три идеальных типа: убеждение, поощрение (вознаграждение) и принуждение³. В рамках данного подхода убеждение как способ воздействия на избирателей лежит в основе легальной предвыборной агитации. Поощрение (вознаграждение) выражается в распространении различных материальных благ в период избирательной кампании и потенциально может выражать подкуп избирателей. Принуждение к голосованию за того или иного кандидата (партию) носит очевидный противоправный характер и тем самым определяет сущность электоральной коррупции.

¹ Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах : монография. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. С. 4.

² Коргунок Ю.Г. Электоральная коррупция: история болезни // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 183.

³ См.: Ковин В.С., Панов П.В., Подвинцев О.Б. К вопросу о содержании понятия «электоральная коррупция» // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2016. С. 146–148.

Одно из первых фундаментальных исследований коррупции в избирательном процессе провела И.А. Дамм. По результатам обобщения положений принятых на тот период времени международных, иностранных и российских правовых актов, опубликованных научных и публицистических источников, а также на основе полученных эмпирических данных указанным автором было сформулировано следующее определение: «Коррупция в избирательном процессе – это социально-негативное явление, искажающее реальную политическую конкуренцию, заключающееся в использовании субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения в личных или групповых интересах с целью противоправного извлечения выгод материального и (или) нематериального характера в ходе подготовки и проведения выборов, референдумов, а также в предоставлении или обещании таких выгод»¹.

При конструировании этого определения использован широкий подход к пониманию коррупции. В своем исследовании И.А. Дамм неоднократно подчеркивает, что подкуп и продажность лежат в основе большинства коррупционных отношений в избирательном процессе, однако не исчерпывают их содержания: «Злоупотребление служебным или должностным положением лицами, замещающими выборные государственные или муниципальные должности, либо находящимися на государственной или муниципальной службе, либо являющимися членами органов управления организаций независимо от формы собственности в условиях избирательного процесса (использование административного ресурса) является, по нашему мнению, распространенной формой коррупции в избирательном процессе. Коррупционным будет использование должностным лицом в ходе выборов своего служебного положения как в целях собственного избрания, так и в результате получения выгод материального или нематериального характера от заинтересованных лиц в целях осуществления содействия избранию определенного кандидата (списка кандидатов)»².

Необходимо обратить внимание на иной подход к терминологии, используемой для обозначения рассматриваемого явления. Термин «электоральная преступность»

¹ Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 8.

² Там же. С. 51.

применительно к совокупности преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса, впервые предложен в 2000 г. А.П. Свигузовой и получил широкое распространение в научной литературе¹. Некоторое время спустя различные коррупционные проявления в избирательном процессе аналогичным образом стали обозначать термином «электоральная коррупция». Вместе с тем, как отмечает И.А. Дамм, этимология слова «электорат» (от лат. *elector* – избиратель) не позволяет называть данным термином всю совокупность коррупционных отношений, возникающих в период проведения выборов и в связи с ними: «Электоральная коррупция – это подкуп избирателей... Весть спектр коррупционных проявлений в условиях избирательного процесса охватывает термин "коррупция в избирательном процессе"»². В качестве компромисса часть авторов отмечает, что указанные терминологические конструкции можно рассматривать как синонимы³. Однако полагаем, что победитель в этом споре вряд ли может быть определен.

Рассуждая о понятийно-категориальном аппарате современной криминологии, Г.Н. Горшенков пишет, что «термин, как правило, имеет авторство, он является продуктом индивидуального либо коллективного осмысления предмета исследования, поэтому не может быть исключен из терминологической лексики. Уступить же "пальму первенства" конкуренту, т.е. отказаться от собственного убеждения в справедливом притязании на "терминологическое" преимущество, способен далеко не каждый исследователь»⁴. С подобным утверждением трудно не согласиться. Но для целей настоящего исследования мы примем за основу термин «коррупция в избирательном процессе», поскольку посредством его использования читателю, не вовлеченному в проблематику вопроса, станут доступны как существенные признаки изучаемого явления, так и его «ареал обитания» в системе общественных отношений.

¹ См.: Кабанов П.А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: возникновение и становление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 139.

² Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 51.

³ См.: Климова Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 42; Ковин В.С., Панов П.В., Подвинцев О.Б. Указ. соч. С. 149 и др.

⁴ Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации : монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009. С. 181.

В литературе предложены и другие авторские подходы к пониманию коррупции в избирательном процессе, содержание которых в целом не противоречит рассмотренным выше¹. Проведенный анализ демонстрирует разобщенность научного сообщества по ключевым вопросам понимания коррупционных проявлений в избирательном процессе. Однако данный факт, по нашему мнению, следует воспринимать позитивно, поскольку палитра представленных, порой взаимоисключающих, мнений свидетельствует о многоаспектном характере рассматриваемого явления, к изучению которого необходимо подходить системно и с использованием интегративного метода.

Коррупцию в избирательном процессе как видовое проявление коррупции, по мнению И.А. Дамм, отличает набор следующих признаков, имеющих самостоятельное содержательное наполнение: сфера существования; перечень субъектов; использование субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения; определенная цель². Последовательно рассмотрим каждый из них.

Определение сферы существования позволяет установить осязаемые границы и выявить первоочередные характерные черты явления, с помощью которых его можно отличить от иных однородных, что называется, невооруженным глазом. Сфера существования данного вида коррупции – непосредственно избирательный процесс³. Несмотря на кажущуюся очевидность приведенного тезиса, считаем, что он нуждается в пояснении.

Во-первых, в науке конституционного права существует как минимум четыре разных подхода к определению понятия «избирательный процесс», при этом в

¹ См.: *Вишневский Б.Л.* Электоральная коррупция: формы, проявления, методы борьбы // Гражданское общество против коррупции в России / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. С. 238–239; *Дулов С.А.* Проблемы коррупции в избирательном процессе. Технологии подкупа избирателей и борьба с ними. Практика отмены регистрации кандидатов судебными и иными уполномоченными органами // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. С. 260; *Зайцева О.В.* Избирательные технологии и коррупция : отчет о научно-исследовательской работе [Электронный ресурс]. Саратов, 2004. URL: http://sartracc.ru/print.php?print_file=explore_yung.htm; Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / Отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 108; *Римский В.Л.* Коррупция как системный фактор российских выборов // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. С. 283 и др.

² См.: *Дамм И.А.* Понятие и признаки коррупции в избирательном процессе // Политическая криминология : сборник научных трудов / Под ред. П.А. Кабанова. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2006. С. 21.

³ См.: *Зырянова (Дамм) И.А.* Общая характеристика коррупции и ее негативных последствий в избирательном процессе // Юридическая мысль. 2014. № 2. С. 77.

рамках каждого из них существуют те или иные вариации, отстаиваемые отдельными учеными¹. Кроме того, окончательно не решен вопрос о соотношении категорий «избирательный процесс» и «избирательная кампания»². В самом широком смысле избирательный процесс, помимо деятельности по приданию выборам легитимного характера³, может включать в себя иные субъектные, технологические и институциональные компоненты⁴, а также принципы избирательной системы, нормы избирательного права, избирательные права граждан и их реализацию, правосознание участников избирательного процесса⁵ и др.

Во-вторых, указание на избирательный процесс в качестве сферы существования исследуемого вида коррупции не означает, что институциональные особенности данного явления автоматически распространяются на референдумные отношения. Референдум выступает в качестве самостоятельного института прямой демократии и, «несмотря на заметное сходство процедурных аспектов организации голосования и определения его результатов на выборах и референдумах, нельзя не видеть, что избирательное право отделено от юридического опосредования референдума, преследующего совершенно иные, нежели выборы, цели... Данное обстоятельство не позволяет сделать вывод о необходимости отнесения референдумных отношений к предмету избирательного права, основываясь только на аналогичности электорального и плебисцитного процесса»⁶.

¹ См.: *Худолей Д.М.* Понятие избирательного процесса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 18–20.

² Так, отмечается, что в широком смысле термин «избирательный процесс» поглощает содержание термина «избирательная кампания» как периода со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов. В свою очередь, в узком смысле их следует рассматривать как синонимы. См.: *Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации* : учебник / Отв. ред. А.А. Вешняков. М.: Норма, 2003. С. 278–279.

³ См.: *Хрусталева Е.Н.* Избирательный процесс в России: понятие и стадии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2. С. 35.

⁴ См.: *Князев С.Д.* Избирательный процесс: понятие, особенности и структура // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 3. С. 50–52.

⁵ См.: *Серков С.В.* Конституционно-правовое регулирование голосования на выборах в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 8.

⁶ *Арановский К.В., Игнатенко В.В., Князев С.Д.* Избирательное право России : учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2007. С. 13.

В-третьих, в литературе справедливо указывается на то, что иногда «расплата» за коррупционное поведение между участниками избирательного процесса может происходить как до, так и после выборов или во время их проведения¹. С одной стороны, достижение политических целей участниками избирательного процесса нередко связано с получением различных коррупционных обязательств, исполнение которых приходится на период профессиональной деятельности избранного должностного лица. В связи с чем коррупция в избирательном процессе получает логичное продолжение посредством коррупционного лоббизма. Как пишет С.Н. Швердяев, «лоббистские практики по существу означают, что помимо воли избирателей на решения народных представительств могут оказывать влияние различные группы интересов. Также и в системе исполнительных органов власти вместо того, чтобы реализовывать выраженную в законе как акте народного представительства волю народа, они могут идти на поводу у различных частных лоббистов»². С другой стороны, задолго до старта очередной избирательной кампании политические деятели могут обеспечить ее финансирование за счет продажи мест в партийных списках при пропорциональной избирательной системе. Предвыборный период, по мнению И.А. Дамм, следует отнести к наиболее опасным, «поскольку в это время среди нечистоплотных политиков осуществляется торг за место в списке партии, незаконное привлечение финансовых средств для проведения выборов мероприятий, переговоры о содействии с действующими федеральными и региональными властями и т.п.»³. Всем этим подчеркивается системно-структурный характер коррупции в избирательном процессе и ее функциональная связь с иными видами политической коррупции.

Второй существенный признак коррупции в избирательном процессе – это перечень ее субъектов, содержание которого является дискуссионным. По мнению О.В. Зайцевой, субъектам коррупции в избирательном процессе присущи властные полномочия. Поэтому к ним следует относить: должностных лиц государственных органов Российской Федерации; лиц, зарегистрированных в качестве кандидатов в федеральные органы власти, органы власти субъектов Российской Федерации либо

¹ См.: Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства ... С. 20.

² Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. С. 62.

³ Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 55.

органы местного самоуправления; членов избирательных комиссий. Как отмечает указанный автор, избиратели не относятся к субъектам коррупции в избирательном процессе даже когда продают свой голос: «Подкуп избирателей является одной из коррупционных избирательных технологий, субъектами же в этом случае выступают с одной стороны кандидаты, использующие данный способ прихода к власти, с другой – лица, которые их финансируют»¹.

Более широкий круг субъектов коррупционных действий в сфере избирательных правоотношений предлагает Т.Б. Рамазанов, полагающий, что к ним могут быть отнесены не любые лица, а лишь те, которые участвуют в избирательных правоотношениях в том или ином качестве – это «должностные лица государственных органов, члены избирательных комиссий, кандидаты на выборные должности, представители политических партий, избирательных объединений, другие лица по их поручению, избиратели, выступающие в роли посредников при осуществлении подкупа-продажности в ходе избирательного процесса»². Несомненно, каждый из указанных субъектов потенциально может стать участником коррупционных отношений в связи с наличием у него специального правового статуса (служебного положения). Однако трудно себе представить, как именно правовой статус избирателя обуславливает коррупционное поведение граждан при посредничестве в подкупе других избирателей. Роль посредника могут успешно осуществлять лица, которые, например, еще не обладают активным избирательным правом в силу возраста.

Наиболее полный перечень субъектов коррупции в избирательном процессе на основе анализа правового положения участников избирательного процесса сформирован И.А. Дамм, по мнению которой к числу таковых относятся: избиратели; кандидаты; избирательные объединения и их представители; доверенные лица и уполномоченные представители кандидатов и избирательных объединений; наблюдатели; избирательные комиссии и их члены с правом решающего голоса; члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса; организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации; лица, замещающие государственные

¹ См.: Зайцева О.В. Указ. соч.

² Рамазанов Т.Б. Особенности современной электоральной коррупции. С. 880.

должности или выборные муниципальные должности, либо находящиеся на государственной или муниципальной службе, либо являющиеся членами органов управления организаций независимо от формы собственности (в организациях, высшим органом управления которых является собрание, – членами органов, осуществляющих руководство деятельностью этих организаций), за исключением политических партий, либо служащие таких организаций; лица, предоставляющие субъектам избирательного процесса выгоды материального и (или) нематериального характера, а также лица, «торгующие влиянием»¹; избирательный штаб кандидата². Признавая высокий научный уровень и логическую завершенность приведенного перечня, отметим, что данным автором не предложены основания для классификации субъектов коррупции в избирательном процессе. Полагаем, что с учетом рассмотренных выше подходов таковые могут быть объединены в следующие группы.

Традиционно субъекты коррупции подразделяются на субъектов *активного* и *пассивного* подкупа. Подобная классификация, терминология для которой была предложена в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию³, отражает многосторонний характер коррупционных отношений. Субъект пассивного подкупа незаконно использует свое должностное положение в целях извлечения выгоды для себя или третьих лиц, а субъект активного подкупа, напротив, незаконно данную выгоду предоставляет. Соответственно, с одной стороны, участником «коррупционной сделки» является специальный субъект, обладающий особым публичным статусом, а с другой – общий субъект, статус которого является универсальным. Данное деление полностью применимо и к субъектам коррупции в избирательном процессе. Субъекты активного подкупа в данном случае – это лица, предоставляющие субъектам избирательного процесса выгоды материального и (или) нематериального характера, а также лица, «торгующие влиянием»⁴. В свою очередь, к субъектам пассивного

¹ См.: Зырянова (Дамм) И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 33–38.

² См.: Зырянова (Дамм) И.А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 32–37.

³ См.: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию : Договор Совета Европы от 27 янв. 1999 г. № 173 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

⁴ В отличие от взяточничества, торговля влиянием – это трехстороннее отношение, когда лицо, имеющее реальное или предполагаемое влияние на других лиц, торгует этим влиянием в обмен на материальную выгоду от лица,

подкупа дихотомически относятся субъекты избирательного процесса, незаконно принимающие подобные выгоды.

В зависимости от *функции*, выполняемой в рамках избирательной системы, к субъектам коррупции в избирательном процессе относятся:

– лица, деятельность которых связана с реализацией активного избирательного права граждан (избиратели);

– лица, деятельность которых связана с реализацией пассивного избирательного права граждан и права участвовать в выдвижении кандидатов (кандидаты, избирательные объединения, их доверенные лица и уполномоченные представители, члены их избирательного штаба);

– лица, деятельность которых связана с организацией и проведением выборов (избирательные комиссии и их члены с правом решающего голоса; лица, замещающие государственные должности или выборные муниципальные должности, либо находящиеся на государственной или муниципальной службе);

– лица, деятельность которых связана с реализацией права граждан участвовать в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий (наблюдатели, в том числе иностранные и международные, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса);

– лица, деятельность которых связана с информационным обеспечением выборов (организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, и их представители).

Коррупционные отношения между названными группами, а также внутри них, могут выстраиваться в различных вариациях с учетом классификации субъектов активного и пассивного подкупа. Так, например, один кандидат может осуществить подкуп другого с целью не допустить его участия в избирательной кампании. В данном случае первый будет выступать в качестве субъекта активного подкупа, а второй – субъекта пассивного подкупа.

нуждающегося в таком влиянии. См.: *Спекбахер К.* Обзор деятельности Совета Европы в области борьбы с коррупцией, организованной преступностью и легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // *Коррупция и экономические преступления* / Под ред. А.Н. Тарбагаева. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2000. С. 39.

Также по степени общности среди субъектов коррупции в избирательном процессе необходимо выделить *индивидуальные* (кандидаты, их доверенные лица и уполномоченные представители; члены избирательных комиссий с правом решающего и совещательного голоса; избиратели; наблюдатели и др.) и *коллективные* (избирательные объединения; избирательные комиссии; собрания избирателей по месту жительства; организации, осуществляющие выпуск средств массовой информации, и др.).

Третьим существенным признаком, характеризующим коррупцию в избирательном процессе, является использование субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения в личных или групповых интересах. Большинство из указанных выше субъектов коррупции в избирательном процессе обладают специальным правовым статусом или служебным положением, использование которых под влиянием различных коррупционных выгод искажает ординарное развитие электоральных процедур, а также причиняет материальный и (или) нематериальный вред как иным участникам избирательного процесса, так и всему институту выборов.

Использование специального правового статуса характерно для такой категории субъектов коррупции в избирательном процессе, как кандидаты (избирательные объединения), их доверенные лица и уполномоченные представители, избирательный штаб кандидата в целом, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса, наблюдатели и избиратели. К примеру, на практике имеют место случаи подкупа общественных наблюдателей за выборами, совершаемого с целью обеспечить бездействие последних при противоправном вмешательстве в процесс голосования и подведения его итогов. Молчание о нарушениях, как отмечает М.Ю. Куликов, «приносит вред не только конкретным кандидатам, избирательным объединениям, но и обществу, подрывая доверие последнего к честности и справедливости выборов, а также наносит вред устоям демократического государства»¹, хотя

¹ Куликов М.Ю. Злоупотребление избирательными правами избирателями, наблюдателями и иными участниками избирательного процесса // Избирательное право. 2015. № 2. С. 30.

формально представляет собой субъективное усмотрение наблюдателя в процессе реализации специального правового статуса.

Напротив, использование служебного положения характерно для членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, представителей организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации, лиц, замещающих государственные (выборные муниципальные) должности, лиц, находящихся на государственной (муниципальной) службе, лиц, являющихся членами органов управления организаций. Детальная регламентация их деятельности, наличие установленной законом системы запретов и ограничений во многом предопределяет противоправный характер возможных злоупотреблений служебным положением. Однако даже в подобных условиях существует некий правовой «люфт», посредством которого удается придать противоправному действию формально законный характер и вывести коррупционное деяние «из-под удара» юридической ответственности¹.

Четвертым существенным признаком коррупции в избирательном процессе является специальная цель. По мнению П.А. Кабанова, основным криминологическим признаком, характеризующим сущность политической коррупции, является «преследование субъектами коррупционных правонарушений политических целей»². Развивая данный тезис, Т.Б. Рамазанов отмечает, что «коррупционные процессы в сфере избирательных правоотношений преследуют политические цели – получение, укрепление или утрату государственно-властных полномочий»³. В свою очередь, И.А. Дамм пишет, что для цели коррупционных деяний, совершаемых участниками избирательного процесса, характерно стремление к извлечению выгод материального и нематериального характера⁴. Ее содержание может варьировать в зависимости от статуса субъекта коррупционных отношений, существующих коррупционных рисков, но при этом она всегда будет лежать в основе коррупционных

¹ См.: Акунченко Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе // Мониторинг правоприменения. 2017. № 1. С. 37.

² Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. С. 237.

³ Рамазанов Т.Б. Особенности современной электоральной коррупции. С. 880.

⁴ См.: Зырянова (Дамм) И.А. Коррупция в избирательном процессе: понятие и признаки // Уголовная юстиция. 2014. № 1. С. 99.

действий, в том числе возникающих в избирательном процессе. Полагаем, что каждая из приведенных точек зрения заслуживает внимания и дополняет друг друга.

Принимая во внимание тот факт, что коррупция в избирательном процессе представляет собой видовое проявление политической коррупции, направленность на достижение политических целей является ее существенным признаком. Вместе с тем системность коррупции в избирательном процессе, сложность и многоуровневость коррупционных связей, возникающих между ее различными субъектами, только подчеркивают комплексный характер мотивации коррупционного поведения. Так, в большинстве случаев приоритетной целью кандидатов и выдвинувших их избирательных объединений является избрание таковых на соответствующую должность. Аналогичные цели могут преследовать и представители действующей власти, заинтересованные в победе определенных политических сил. В то же время кандидаты, играющие в данной избирательной кампании «техническую» роль, фактически не преследуют каких-либо политических целей и посредством своего участия в выборах могут извлечь материальную (оплата услуг его участия в кампании) или иную личную выгоду (покровительство или попустительство по службе со стороны избранного лица). Избиратели как непосредственные участники «коррупционной сделки» преследуют преимущественно корыстные цели, равно как и должностные лица различных избирательных комиссий, совершающие корыстные должностные преступления в рамках финансового обеспечения выборов. Следовательно, коррупционные деяния в избирательном процессе, преследующие политические цели, составляют ядро данного вида коррупции, но не исчерпывают его содержание в полном объеме.

Девиации электорального поведения, обладающие рассмотренными выше признаками коррупции в избирательном процессе, разнообразны и могут выражать отклонения как от правовых, так и иных социальных норм. Это, в первую очередь, обусловлено ролью выборов в жизни общества. Как пишет Ю.А. Веденеев, «в рамках демократической политической системы выборы обеспечивают конкурентный политический процесс, через который, собственно, и проявляет себя народный

суверенитет и гражданское представительство интересов»¹. Стремление оказать противоправное воздействие на процесс волеформирования и волеизъявления избирателей объективно возникает и пропорционально возрастает тогда, когда всеобщее голосование становится действительным инструментом передачи политической мандата органам народного представительства. Развитие электоральных отношений в условиях реальной, а не декларируемой политической конкуренции предполагает, с одной стороны, усложнение избирательного процесса в целях гарантирования свободы и равенства участвующих в нем лиц, а с другой стороны, неминуемо влечет за собой развитие и распространение способов получения разнообразных преимуществ, обозначаемых специальным термином «избирательные технологии».

Оценка подобных технологических решений на предмет правомерности и допустимости варьируется. В политологической литературе их принято разделять на «белые», «серые» и «черные», «чистые» и «грязные» избирательные технологии². Полагаем, что криминологическое значение в данном случае имеют такие отклонения от принятых в обществе норм электорального поведения, воплощение которых в состоянии существенно исказить результаты голосования и тем самым обеспечить формирование органов представительной власти из лиц, не имеющих необходимой политической поддержки граждан. Подкуп («продажность») участников избирательного процесса, злоупотребление административным ресурсом, незаконное финансирование избирательной кампании многократно упрощают достижение нужного политического результата. В ситуации, когда подобная деятельность не встречает надлежащего противодействия со стороны правоохранительной системы, высоковероятно причинение критического вреда основам конституционного строя российского общества.

Девиации электорального поведения, обладающие признаками коррупции, можно классифицировать по различным основаниям. Традиционно в рамках современной девиантологии принято выделять два основных вида девиаций: негативные

¹ Веленеев Ю.А. Развитие избирательной системы российской федерации: проблемы правовой институционализации // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 47.

² Никитин А.А. Классификация избирательных технологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №1.1. С. 150-153.

и позитивные¹. Вместе с тем подобная классификация в нашем случае неприменима, поскольку, несмотря на встречающиеся в литературе редкие попытки оправдания коррупции, существование данного явления по определению противоречит общественным интересам и может иметь полезный эффект только для удовлетворения корыстных и (или) иных личных устремлений отдельных участников избирательного процесса.

По виду нарушаемых норм необходимо выделить *коррупционные морально-этические отклонения* и *коррупционные правонарушения* в избирательном процессе. Первая группа девиаций предстает как нарушение правил добросовестной политической конкуренции в условиях избирательного процесса, когда участники выборов используют гарантии своего электорального статуса в целях извлечения материальной и (или) иной личной выгоды вопреки законным интересам общества и государства, но при этом не нарушают установленный законом порядок проведения избирательных процедур. Так, например, деятельность кандидата, не преследующего целей избрания и служения народу, может быть основана на использовании ресурсов косвенного государственного финансирования его избирательной кампании для повышения собственной узнаваемости среди жителей населенного пункта, или, скажем, для популяризации своей компании или продукта, который она производит. Вторая группа девиаций выражается в нарушениях правовых норм, влекущих предусмотренные законом санкции.

В свою очередь, по характеру и степени общественной опасности коррупционные правонарушения в избирательном процессе можно подразделить на *коррупционные проступки*, *коррупционные деликты*, *коррупционные преступления*. Изучение последнего вида коррупционных девиаций имеет ключевое значение для достижения целей настоящего исследования, поскольку обоснование коррупционной преступности в избирательном процессе в качестве самостоятельного системно-структурного явления требует определения характерных черт и перечня коррупционных

¹ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 194–199.

преступлений в избирательном процессе, на основе которого может быть образована соответствующая совокупность.

В литературе неоднократно высказывались мнения о том, что понятие коррупционного преступления необходимо закрепить на законодательном уровне¹. В настоящий момент в рамках подзаконного правотворчества предложены только признаки и перечень таковых. Совместное указание Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»² содержит перечень № 23 преступлений коррупционной направленности (далее – перечень № 23), к числу которых относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершение преступления только с прямым умыслом.

Кроме того, в указанный перечень также включены преступления, которые хотя и не отвечают перечисленным признакам, но относятся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международными правовыми актами и национальным законодательством, а также связаны с подготовкой условий для получения надлежащим субъектом выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды.

¹ См.: *Артемова М.В.* Коррупция и коррупционные преступления // *Юридическая наука*. 2011. № 1. С. 43–47; *Букалева Л.А., Копылов М.Н.* К вопросу о понятии «коррупционные преступления», // *Общество и право*. 2012. № 1. С. 105–109; *Зырянова (Дам) И.А.* Проблема определения понятия и перечня коррупционных правонарушений // *Вестник Владимирского юридического института*. 2014. № 2. С. 105–108; *Илий С.К.* Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2010. № 6. С. 38–42; *Щедрин Н.В.* О совершенствовании законодательного определения коррупции // *Право и политика*. 2009. № 7. С. 1448–1452 и др.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс] : Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 дек. 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

Следует обратить внимание на то, что в рамках данного указания использована иная терминология. В частности, преступления, обладающие признаками коррупции, предложено обозначать термином «преступления коррупционной направленности». Ряд исследователей использует его как синоним для термина «коррупционные преступления», что, по мнению С.В. Складорова, представляется неверным. Как пишет указанный автор, под коррупционными преступлениями целесообразно понимать преступления, которые совершаются лицом с использованием служебного положения в целях получения каких-либо ненадлежащих преимуществ для себя или других лиц, либо преступления, связанные с подкупом лица, занимающего определенное служебное положение, в целях получения каких-либо ненадлежащих преимуществ для себя или других лиц. В свою очередь, «преступления коррупционной направленности можно определить как преступления, не относящиеся к коррупционным, но предшествующие коррупционному преступлению, являющиеся необходимым условием для его совершения, облегчающие его совершение, способствующие его совершению, либо преступления, направленные на сокрытие коррупционных преступлений и их последствий, легализацию полученного в результате совершения коррупционных преступлений имущества»¹. Отмечая правильную постановку проблемы, а также высокий научный уровень аргументации авторской позиции, полагаем, что в рамках нашего исследования допустимо использовать термины «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» как взаимозаменяемые.

Сопоставление признаков и составов коррупционных преступлений, указанных в данном перечне, вызывает критику его содержания. Например, обязательность признаков надлежащего субъекта и наличия у него корыстного мотива формально исключает из числа коррупционных преступлений дачу взятки. И если в отношении данного состава преступления мы презюмируем коррупционный характер в связи с ратификацией международных правовых актов (п. «а» ст. 15 Конвенции ООН против коррупции, ст. 2 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию), то ряд других преступлений, включенных в перечень № 23, могут быть отнесены к числу коррупционных

¹ См.: Складоров С.В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 6. С. 36–37.

на основе указанных признаков с большой долей условности. Применительно к настоящему исследованию наибольший интерес вызывают преступления, предусмотренные п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ст. 141¹ и ч. 2 ст. 142 УК РФ¹. Мы не оспариваем обоснованность отнесения данных составов к числу коррупционных, однако критерии, по которым они причислены к таковым, вызывают разумные сомнения.

Отступая от дискуссии по вопросу уголовно-правовой характеристики субъекта коррупционных преступлений, рассмотрим корыстный мотив сквозь призму субъективной стороны упомянутых выше составов. В основе практически каждого из них (за исключением п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ) лежит незаконная и целенаправленная передача материальных ценностей. Вместе с тем обусловленность преступных действий стремлением к личному обогащению в данном случае не выглядит очевидной. Рассмотрим ст. 141¹ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума» УК РФ. Исходя из диспозиции уголовно-правовой нормы, мотив не является обязательным признаком состава данного преступления. Напротив, как отмечается в литературе, важнейшим криминообразующим признаком преступлений против избирательных прав граждан является специальная цель, «состоящая в достижении определенного результата (промежуточного или конечного) в ходе избирательной кампании»².

В науке уголовного права под мотивом традиционно понимают порожденное системой потребностей, осознанное и оцененное побуждение, которое является идеальным основанием и оправданием общественно опасного деяния, а под целью — идеальный образ желаемого будущего результата, к которому стремится преступник, совершая общественно опасное деяние³. При этом, как пишет Д.П. Котов, «мотив и цель преступления тесно связаны между собой и всегда взаимно детерминированы. Но они в подавляющем большинстве случаев не совпадают друг с другом, так как

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Турищева Н.Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме : монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С. 88.

³ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 180.

мотив характеризует субъективную необходимость преступного деяния, а цель – его направленность»¹.

В результате исследования, проведенного И.И. Вистом, установлено, что особенностью мотивов преступлений против установленного порядка финансирования избирательной кампании кандидата является их разнообразный характер. В частности, к числу наиболее распространенных мотивов относятся: желание занять определенную должность – 56 %; получение имущественных прав и выгод для себя и третьих лиц – 36 %; иные побуждения, к числу которых следует отнести получение привилегий, иммунитетов, лоббирование интересов третьих лиц, – 12 %². И если корысть как мотив совершения преступления означает, что «в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-либо материальную выгоду, пользу»³, то признать его в качестве обязательного признака данного преступления не представляется возможным, так как корыстная мотивация встречается лишь в трети случаев. Очевидно, что побуждения к преступному нарушению порядка финансирования избирательной кампании кандидата детерминированы целью достижения определенного результата, но вместе с тем не могут быть сведены исключительно к личному обогащению и отражают иную личную заинтересованность.

Аналогично воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, а также подделка подписей избирателей или заведомое заверение подделанных подписей (подписных листов), сопряженные с подкупом (п. «а» ч. 2 ст. 141 и ч. 2 ст. 142 УК РФ), не могут быть мотивированы корыстно, поскольку оферент в рамках «коррупционной сделки» вряд ли отчуждает материальные ценности для личного обогащения. В основе его поведения лежат иные личные мотивы, которые формируются по мере того, как субъект преступления осознает стоящую перед ним цель – достижение определенного результата в ходе избирательной кампании. В свою очередь, передача предмета подкупа выступает лишь средством ее достижения.

¹ Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. С. 26.

² См.: Вист И.И. Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 145.

³ Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. С. 45.

Подход к определению признаков преступлений коррупционной направленности, принятый в совместном указании Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации, отражает логику легального определения коррупции, исходя из которого коррупционные преступления могут быть направлены только на получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав, то есть объекты материального мира. Поэтому незаконное использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения иной личной (нематериальной) выгоды с точки зрения Федерального закона «О противодействии коррупции» не может быть отнесено к числу коррупционных деяний.

Не меньше вопросов вызывает логика, в соответствии с которой те или иные составы преступлений были включены или, наоборот, не включены в перечень № 23. В частности, к данному перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом отнесен состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий, совершенное с использованием своего служебного положения), и не отнесен состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 141 УК РФ (вмешательство с использованием должностного или служебного положения в осуществление избирательной комиссией ее полномочий с целью повлиять на ее решение, а равно неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»). Кроме того, к числу коррупционных (также при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом) отнесен служебный подлог (ст. 292 УК РФ), но не отнесена фальсификация избирательных документов, если это деяние совершено членом избирательной комиссии (ч. 1 ст. 142 УК РФ).

Отдельный учет коррупционных преступлений осуществляется и в системе следственных органов. Приказом Следственного комитета Российской Федерации утвержден статистический отчет «Сведения о деятельности следственных органов

Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции»¹, в котором к числу коррупционных также отнесены только преступления, предусмотренные п. п. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ст. 141¹ и ч. 2 ст. 142 УК РФ. Вместе с тем данный правовой акт не содержит указаний на признаки коррупционных преступлений.

В связи с изложенным полагаем, что перечни коррупционных преступлений, предложенные на сегодняшний день в актах правоохранительных органов, не следует воспринимать как непреложную истину. Однако их все же следует принять за основу при дальнейшем исследовании, поскольку изучение состояния, динамики и структуры коррупционной преступности в избирательном процессе может быть построено преимущественно на показателях официальной статистической отчетности. Признаки коррупции в избирательном процессе, рассмотренные нами ранее, позволяют выделить в объеме уголовно-правовых запретов три группы составов коррупционных преступлений в избирательном процессе.

Первая группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан. Данные преступления совершаются в условиях избирательного процесса и в силу особенностей объекта посягательства всегда направлены на достижение политических целей. Условно назовем ее «специальные коррупционные преступления в избирательном процессе». В их числе:

- п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий, соединенное с подкупом или совершенное лицом с использованием своего служебного положения);
- ч. 3 ст. 141 УК РФ (вмешательство с использованием должностного или служебного положения в осуществление избирательной комиссией ее полномочий с целью повлиять на ее решение, а равно неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»);

¹ Об утверждении статистического отчета «Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции» [Электронный ресурс] : Приказ Следственного комитета РФ от 28 мар. 2011 г. № 41 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>.

- ст. 141¹ УК РФ (нарушение порядка финансирования избирательной кампании);
- ч. 1 ст. 142 УК РФ (фальсификация избирательных документов, если это деяние совершено членом избирательной комиссии, уполномоченным представителем избирательного объединения, группы избирателей, а также кандидатом или уполномоченным им представителем);
- ч. 2 ст. 142 УК РФ (подделка подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), соединенные с подкупом);
- ст. 142¹ УК РФ (фальсификация итогов голосования);
- ч. 1 ст. 142² УК РФ (незаконная выдача членом избирательной комиссии избирательного бюллетеня).

Вторая группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают иные общественные отношения (отношения, направленные на обеспечение нормального функционирования органов власти, интересы службы в коммерческих и иных организациях и др.). Отличительной чертой данной группы коррупционных преступлений является их общий по отношению к избирательному процессу характер, несмотря на наличие специальных субъектов (участников избирательного процесса) и направленность на достижение политических целей. Условно назовем ее «общие коррупционные преступления в избирательном процессе». В их числе:

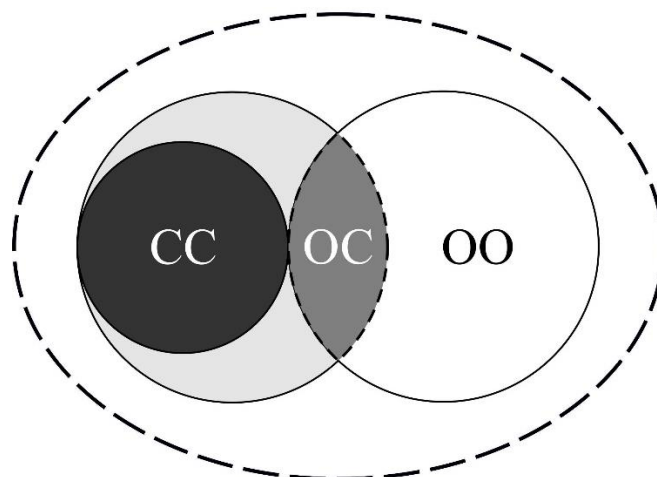
- ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями);
- ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп);
- ст. 204¹ УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе);
- ст. 204² УК РФ (мелкий коммерческий подкуп);
- ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями);
- ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий);
- ст. 290 УК РФ (получение взятки);

- ст. 291 УК РФ (дача взятки);
- ст. 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве);
- ст. 291² УК РФ (мелкое взяточничество).

Третья группа представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых также выступают иные общественные отношения. Но несмотря на их совершение в условиях избирательного процесса, коррупционные преступления данной группы не направлены на достижение политических целей. Условно назовем ее «преступления коррупционной направленности в избирательном процессе». В их числе:

- ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения);
- ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение и растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения);
- ст. 292 УК РФ (служебный подлог).

Схематически соотношение трех групп коррупционных преступлений в избирательном процессе можно представить следующим образом (см. рисунок 1).

*Рисунок 1 – Соотношение коррупционных преступлений
в избирательном процессе*

Область, находящаяся внутри внешнего контура, который обозначен пунктиром, представляет собой всю совокупность девиаций электорального поведения.

Левая окружность, заполненная светло серым цветом, обозначает всю совокупность преступлений против избирательных прав граждан. Расположенная внутри нее и обозначенная «СС» область отражает первую группу преступлений. Они, как мы уже сказали, имеют *специальный* коррупционный состав, *специальную* коррупционную цель и поэтому относятся к числу коррупционных преступлений в избирательном процессе без дополнительных условий. Каждое из них опосредовано достижением определенного результата на выборах в силу обязательных признаков состава и представляет общественную опасность для избирательной системы государства.

Область, расположенная на пересечении двух окружностей и обозначенная «ОС», отражает вторую группу преступлений, которые имеют *общий* коррупционный состав, но направлены на достижение *специальной* коррупционной цели, которая должна иметь политическое содержание. Деяния, указанные во второй группе, могут быть отнесены к числу коррупционных преступлений в избирательном процессе только при совершении в условиях избирательного процесса, наличии специальной (политической) цели и специального субъекта преступления (участника избирательного процесса). Общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, будут выступать в качестве дополнительного непосредственного объекта преступления.

Правая окружность, незаполненная цветом и обозначенная «ОО», отражает третью группу преступлений, которые имеют *общий* коррупционный состав и *общую* коррупционную цель. Деяния, указанные в третьей группе, могут быть отнесены к числу коррупционных преступлений в избирательном процессе только при совершении в условиях избирательного процесса и наличии специального субъекта преступления (участника избирательного процесса). Направленность на достижение специальной (политической) цели в данном случае не требуется.

Таким образом, мы выделили три группы коррупционных преступлений, посредством которых может быть образована совокупность под названием «коррупционная преступность в избирательном процессе». Использование термина «совокупность» подчеркивается, что преступность как социальное явление представляет собой не механическую сумму отдельных элементов, а их органическое единство:

«Это должно означать, что между всеми признаками и свойствами преступности, ее основными показателями существует диалектическая взаимосвязь»¹. Совокупность от множества в данном случае отличает образование нового качества. Сочетая конечное число индивидуальных актов преступного поведения, преступность вместе с тем обладает собственным набором признаков и представляется в виде самостоятельного явления.

Понятие коррупционной преступности в избирательном процессе нельзя признать в достаточной степени разработанным. Отдельные авторы предпринимали попытки его определения, но ни одно из них, несмотря на высокий научный уровень, не может быть принято нами в качестве рабочего. По мнению А.Н. Круглени, вербальная формула уголовно наказуемой коррупции в избирательном процессе может быть представлена в следующем виде: незаконное использование субъектом избирательного процесса своего правового статуса в целях получения имущественных выгод для себя или третьих лиц в ходе подготовки и проведения выборов либо предоставление (обещание, предложение) таких выгод указанному лицу². Необходимо отметить, что проведенное указанным автором исследование посвящено вопросам уголовно-правовой квалификации преступлений против избирательных прав граждан и практически не затрагивает криминологические аспекты коррупционных преступлений в избирательном процессе.

По определению Ю.Н. Климовой, под коррупционной преступностью в условиях избирательного процесса следует понимать «преступность, проявляющуюся в уголовно-наказуемых деяниях, связанных с предоставлением физическими и юридическими лицами, преступными группировками и сообществами незаконных материальных и нематериальных выгод участникам избирательного процесса, в связи с противоправным использованием последними возможностей своего правового статуса в рамках избирательного процесса в политических, корыстных или иных целях, а также в ответных уголовно-наказуемых деяниях коррумпированных лиц в предоставлении

¹ Соколов Д.И. О понятии преступности как социального явления // Вопросы борьбы с преступностью. 1984. № 41. С. 19.

² См.: Кругленя А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 146.

указанных возможностей физическим и юридическим лицам, преступным группам и сообществам»¹. Мы разделяем рассмотренные данным автором признаки деяний, отражающие содержание элементов состава коррупционных преступлений. Вместе с тем полагаем, что коррупционную преступность в избирательном процессе необходимо изучать через свойства, которыми она обладает, будучи самостоятельным системно-структурным явлением. Как отмечала Н.Ф. Кузнецова, «соотношение преступности и преступлений – конкретных и групп <...> – это диалектическая связь единичного, особенного и общего... Преступность, как общее, отражает наиболее существенные закономерные черты отдельных преступлений, а не случайные признаки, которые имеют значение лишь для конкретного преступления»².

Традиционно к признакам преступности относятся общественная опасность, социальная обусловленность, историческая изменчивость, массовость, уголовно-правовой и системно-структурный характер явления. Полагаем, что каждый из них характерен для коррупционной преступности в избирательном процессе и применительно к видовому явлению приобретает содержательные особенности.

Коррупционная преступность в избирательном процессе представляет высокую *общественную опасность*. Выборы в органы государственной власти не являются личным делом участвующих в них лиц, поскольку при искажении результатов волеизъявления граждан происходит фактический захват инструментов публичного управления. Бизнес и криминалитет заинтересованы в избрании «нужных» людей, которые впоследствии будут создавать режим максимального экономического благоприятствования и защищать патронов от возможного преследования со стороны правоохранительных органов. Имея неограниченную материальную поддержку, кандидаты, представляющие интересы финансово-промышленных групп или криминального сообщества, посредством использования коррупционных технологий в избирательном процессе легко компенсируют непопулярность среди избирателей и после избрания представляют не голосовавший за него электорат, а узкокорпоративные интересы своих непосредственных спонсоров. Утрата представительных начал

¹ Климova Ю.Н. Предупреждение коррупционных преступлений в сфере формирования представительной власти. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 18.

² Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Московского университета, 1968. С. 175.

может привести к превращению государственного аппарата в средство социального и политического насилия. Ситуация усугубляется и тем, что объективная неразвитость демократических традиций российского общества в ситуации регулярных коррупционных скандалов в период организации и проведения выборов способствует проявлению индифферентности избирателей к происходящему, что кратно повышает вероятность успеха при осуществлении коррупционных деяний. Масштабное распространение коррупционных отношений в период выборов в итоге может привести к вмешательству иностранных государств в процесс формирования органов государственной власти, что, в свою очередь, будет означать потерю национального суверенитета. Все это говорит о том, что степень общественной опасности коррупционной преступности в избирательном процессе должна получить надлежащую оценку в рамках государственной уголовной политики.

Социальная природа коррупционной преступности в избирательном процессе выражается в ее происхождении. Если преступность проявляется только в обществе и не может существовать за его рамками, то коррупционная преступность в избирательном процессе обусловлена возникновением институтов демократии и за пределами процедур формирования органов представительной власти, а также избрания высших должностных лиц немислима. Историко-правовые исследования доказывают распространение коррупционных деяний и появление соответствующих мер правовой охраны избирательных отношений со времен Древнего Рима¹. В истории российского государства запрет на совершение подкупа в процессе избирательной кампании в качестве ответной реакции на широкое распространение противоправных избирательных технологий нашел свое отражение в тексте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.² Вместе с тем коррупционная преступность в избирательном процессе – это не только социальное, но и политическое явление, поскольку стремление стать полноправным субъектом публичного управления посредством противоправного приобретения и (или) удержания государственной

¹ См.: *Александровская С.В.* Антикрупционная концепция в праве Древнеримской Республики: V–I вв. до н.э. : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 30–96.

² См.: *Астанин В.В.* Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 48.

власти выражает основную цель коррупционных деяний в период организации и проведения выборов. Влияние множества политических факторов на процесс генезиса коррупционной преступности в избирательном процессе объясняет ее качественные особенности в различных политических системах.

Социально-политическая обусловленность коррупционной преступности в избирательном процессе проявляется в ее *исторической изменчивости*. Развитие институтов демократии, расширение политической конкуренции, усложнение электоральных процедур динамично связаны с появлением и усложнением противоправных деяний, направленных извлечение из института выборов материальных и иных личных выгод вопреки законным интересам общества и государства. Эволюция коррупционной преступности в избирательном процессе напрямую связана с достижениями научно-технического прогресса. Информатизация процедур голосования и подсчета голосов, внедрение в деятельность по осуществлению общественного контроля за ходом волеизъявления и установления его итогов средств объективного наблюдения, с одной стороны, обуславливают перенос основного числа нарушений на иные стадии избирательного процесса, а с другой – усиление средств обеспечения информационной и компьютерной безопасности.

Коррупционная преступность в избирательном процессе представляет собой *относительно массовое* явление, которое вместе с тем остается достаточно латентным. Данные правовой статистики не позволяют сделать однозначный вывод о фактических показателях этого вида преступности. Однако количество обращений граждан и представителей различных политических сил, циклично поступающих в правоохранительные органы и избирательные комиссии, а также число материалов средств массовой информации о выявленных фактах коррупционного поведения участников избирательного процесса, регулярно публикуемых после завершения федеральных и региональных избирательных кампаний¹, дают основания утверждать о массовом характере коррупционных проявлений в рассматриваемой сфере общественной жизни. Подробнее указанный вопрос будет рассмотрен во втором параграфе настоящей главы.

¹ См.: Центризбирком получил почти 500 жалоб на административный ресурс // Ведомости. 2018. 16 мар.

Уголовно-правовой характер коррупционной преступности в избирательном процессе выражен в системе норм, установленных в Уголовном кодексе РФ и запрещающих совершение наиболее типичных проявлений коррупции в избирательном процессе под угрозой наказания. Появившийся в конце XVIII в. и сформулированный П. Фейербахом¹ принцип *nullum crimen sine lege* – «нет преступления без указания о нем в законе» – в данном случае предполагает соблюдение правовой определенности и законности при установлении уголовно-наказуемого поведения. Вместе с тем криминологические проблемы криминализации общественно опасных деяний необходимо рассматривать в несколько ином ракурсе: в какой степени действующий уголовный закон отражает содержание негативного социального явления и предусматривает запрет на реализацию его общественно опасных форм. История уголовной политики имеет множество примеров тому, когда объективно опасные деяния оправдывались в качестве социально полезных и, наоборот, безвредные осуждались как представляющие угрозу общественным отношениям. Нам представляется прогрессивным подход, согласно которому преступность образуют не только криминализованные, но и иные деяния, сопоставимые по характеру и степени общественной опасности с преступлениями, однако в настоящий момент не отнесенные уголовным законом к числу таковых.

В отношении коррупционной преступности в избирательном процессе недостатки механизма уголовно-правовой охраны избирательных отношений наиболее ярко проявляются при рассмотрении системно-структурного характера данного негативного явления. Для того чтобы обосновать системно-структурный характер преступности, необходимо не только выделить отдельные подструктуры (элементы), но и выявить объективные связи между ними². Функциональные связи между коррупционными преступлениями и их группами важны, но неочевидны. Как отмечает И.М. Мацкевич, «их выявление, по сути, является главной задачей криминологии как науки, поскольку на этом пути лежит ответ на вопрос о действенности

¹ См.: Тихонравов Е.Ю. Принцип *nullum crimen sine lege* в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 550.

² См.: Долгова А.И. Системно-структурный характер преступности // Вопросы борьбы с преступностью. 1984. № 41. С. 10.

профилактических мер против преступности, как в целом, так и отдельных преступлений»¹. В условиях системного подхода, т.е. при рассмотрении обусловленности предмета как части системы, внимание фиксируется на зависимости его поведения от связей внутри той системы, куда он входит. Знание полной структурной обусловленности качества предмета, очевидно, предполагает знание взаимодействия его внутренней структуры со структурой включающей его системы. Таким образом, на уровне познания предмета как системы выясняется, что в число необходимых и достаточных условий, определяющих его качество, входят не только элементы состава, но и отношения между элементами, а также отношения между отношениями².

Поэтому обоснование коррупционной преступности в избирательном процессе в качестве самостоятельной криминологической категории требует выделения функциональных связей как между элементами внутри данной системы, так и по отношению к элементам системы вышестоящего уровня. Поскольку коррупционная преступность в избирательном процессе – это элемент политической преступности, то в указанной сфере наиболее очевидна ее функциональная связь с практикой коррупционного лоббизма, различными формами организованной преступности и стремлением ряда иностранных государств подорвать суверенитет Российской Федерации. В свою очередь, выявить внутрисистемные функциональные связи между элементами коррупционной преступности в избирательном процессе гораздо сложнее. Данное обстоятельство отчасти вызвано тем, что внутренняя структура этого общественно опасного явления не соответствует логике, в которой изложены составы преступлений против избирательных прав граждан. Если обратиться к предложенному нами соотношению трех групп коррупционных преступлений в избирательном процессе, то мы увидим, что рассматриваемый вид преступности образуют составы преступлений, не связанные единым родовым объектом охраны. Для решения указанной проблемы необходимо провести типологизацию и выделить типы

¹ Мацкевич И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации // Lex Russica. 2006. № 3. С. 525.

² См.: Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Изд-во Томского университета, 1973. С. 329–330.

коррупционной преступности в избирательном процессе. Об этом предметно пойдет речь в третьем параграфе настоящей главы.

Таким образом, коррупционная преступность в избирательном процессе – это самостоятельное социально-политическое явление, которое представляет повышенную опасность не только для развития демократических основ государства, но и для его национальной безопасности. Обладая всеми признаками рода, коррупционная преступность в избирательном процессе имеет и видовые отличия. Проведенное нами исследование позволило сформулировать рабочее определение коррупционной преступности в избирательном процессе¹. Под ней следует понимать *общественно опасное, социально-политическое, исторически изменчивое, относительное массовое и уголовно-правовое явление, выраженное в совокупности коррупционных преступлений, совершаемых субъектами избирательного процесса путем незаконного использования своего служебного положения или специального правового статуса, обусловленных корыстной и (или) иной личной заинтересованностью в достижении определенного политического результата на выборах вопреки интересам общества и государства.*

§ 2. Показатели коррупционной преступности в избирательном процессе

Криминологическая характеристика любого вида преступности предполагает количественное измерение показателей с целью выявления ее качественных признаков и закономерностей развития. Как отмечал И.И. Карпец, «преступность – социально-правовое и исторически обусловленное явление. Но преступность – и собирательное понятие, ибо включает в себя совокупность (сумму) конкретных преступлений, совершенных в определенный период в данном обществе (государстве). Поэтому преступности, как всякому социальному явлению, можно дать количественную и качественную характеристики»². Однако при исследовании количественных

¹ См.: Акунченко Е.А. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе // Право и политика. 2018. № 8. С. 28–42.

² Криминология : учебник / Под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. М.: Манускрипт, 1992. С. 41.

и качественных показателей коррупционной преступности в избирательном процессе неминуемо возникают значительные трудности.

Во-первых, как справедливо отмечает П.А. Кабанов, «статистические данные об электоральной преступности, как правило, не отражают реального положения дел в этом секторе политической сферы жизнедеятельности. Они являются лишь "вершиной айсберга", большая часть которого неизвестна или лишь смутно нам представляется»¹. Показатели преступлений против избирательных прав граждан, действительно, существенно уступают иным криминальным проявлениям, так как доля данной категории преступлений в общем объеме регистрируемой преступности в Российской Федерации на протяжении последних десяти лет составляет менее 0,00002 % (см. приложение 1).

Показатели электоральной преступности не отличаются однородностью и содержат области резкого роста и снижения уровня зарегистрированных преступлений. Значительную долю в общем объеме занимают составы преступлений, предусмотренные в ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» УК РФ, – почти 70 %. Второй по объему элемент структуры электоральной преступности – составы преступлений, предусмотренные в ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» УК РФ, – 23,3 %. Совокупный объем преступлений, составы которых закреплены в ст. 141¹, 142¹ и 142² УК РФ, составляет менее 7 %. Как отмечается, данное обстоятельство может объясняться тем, что силу относительной «молодости» указанных составов практика их применения еще не сложилась.

В 2012 году небезосновательно указывалось на то, что «со временем российские правоохранительные органы наберутся необходимого опыта фиксации, регистрации, расследования и направления в суд уголовных дел данной категории», в связи с чем в ближайшей перспективе следует ожидать увеличения регистрации соответствующих преступлений². Однако за прошедшие шесть лет указанный прогноз не подтвердился. Отчасти это связано с тем, что конструкции рассматриваемых

¹ Кабанов П.А. Криминологическая характеристика электоральной преступности в условиях формирования в России демократического правового государства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 19. С. 70.

² См.: Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства ... С. 17.

уголовно-правовых норм отличаются крайне высокой казуистичностью и тяжело применимы на практике. Вместе с тем подобные показатели позволяют говорить об устойчивом характере электоральной преступности.

Также при анализе показателей зарегистрированных преступлений против избирательных прав граждан наглядно прослеживается одна из характерных особенностей электоральной преступности – цикличность. Пиковые значения регистрируемых преступлений приходятся на годы проведения выборов Президента РФ (1996 и 2008 гг.). Использование метода укрупнения временных интервалов позволяет более точно проследить динамику электоральной преступности. В период с 1993 по 1996 г. зарегистрировано 429 электоральных преступлений, в период с 1997 по 2000 г. – 208 (– 51,5 % по отношению к аналогичному предшествующему периоду (далее – АПП)), в период с 2001 по 2004 г. – 363 (+ 74,5 % по отношению к АПП), в период с 2005 по 2008 г. – 834 (+ 229,8 % по отношению к АПП), в период с 2009 по 2012 г. – 212 (– 74,6 % по отношению к АПП), в период с 2013 по 2017 г.¹ – 129 (– 39,2 % по отношению к АПП). Здесь на фоне роста показателей преступности против избирательных прав граждан в третьем – четвертом периодах бросается в глаза резкое снижение числа регистрируемых преступлений начиная с 2009 г. Ученым еще предстоит найти этому объяснение, поскольку после долгого перерыва в 2011 г. в национальную электоральную практику части субъектов Российской Федерации были возвращены прямые выборы высших должностных лиц регионов.

Во-вторых, латентность преступлений против избирательных прав граждан возрастает, особенно если речь идет о тех из них, которые обладают признаками коррупции. Также в силу того, что согласно указанию Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации «О введении в действие перечней статей уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» к числу коррупционных отнесены только три состава преступлений, затрагивающих сферу избирательных отношений, адекватно

¹ В связи с принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» сроки полномочий Президента РФ и Государственной Думы Федерального Собрания РФ увеличены до 6 и 5 лет соответственно, что, на наш взгляд, необходимо учитывать при использовании метода укрупнения временных интервалов.

оценить официальные данные о состоянии коррупционной преступности в избирательном процессе достаточно сложно (см. приложение 2).

Анализ приведенных данных не позволяет установить качественные характеристики данного вида преступности, так как доля коррупционных преступлений в структуре электоральной преступности находится в пределах допустимой статистической погрешности. Вместе с тем полагаем, что фактический уровень коррупционной преступности в избирательном процессе значительно выше, и общие закономерности развития данного явления в целом должны отвечать качественным характеристикам электоральной преступности в силу родо-видовых отношений. Как пишет О.В. Зайцева, официальная правовая статистика не дает полного, всестороннего и объективного представления о состоянии современной преступности в избирательной сфере, поскольку латентность таких деяний составляет около 600 %¹. В сложившейся ситуации единственным возможным вариантом изучения количественных и качественных показателей коррупционной преступности в избирательном процессе представляется применение методов исследования латентной преступности.

Одно из наиболее актуальных и отвечающих современным тенденциям развития данного явления определение предложено Ю.В. Торопиным, согласно которому латентная преступность представляет собой «совокупность преступлений, ранее неизвестных правоохранительным органам, в том числе и тех, о совершении которых граждане и организации в государственные, в том числе правоохранительные и судебные органы, в средства массовой информации не обращались, так и ставших фактически известными правоохранительным органам уголовно-наказуемых деяний, но не нашедшими отражения в официальной уголовно-правовой статистике о преступности в силу незаконных, необоснованных или ошибочных действий должностных лиц правоохранительных и судебных органов и несовершенства существующего механизма учета преступлений»².

¹ См.: Зайцева О.В. Уголовная ответственность участников избирательного процесса и принципы криминализации общественно опасных деяний // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2013. С. 324.

² Торопин Ю.В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел : по материалам Центрального федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 145.

Латентная преступность как составляющая фактической преступности не является непознаваемым феноменом. Задача криминологии как науки состоит в том, чтобы разработать одновременно точный и приемлемо ресурсоемкий инструментарий для его изучения. Это вызвано, в первую очередь, тем, что познание преступности невозможно без информации о состоянии, характерных особенностях и закономерностях развития ее скрытой или скрываемой части, которая по сравнению с известной нам долей имеет многократно больший объем. Как отмечается, многолетний мониторинг латентной преступности на основе комплексной исследовательской методики позволяет утверждать: «уровень фактической преступности более чем в 7 раз выше уровня зарегистрированной»¹.

Актуальность разработки научно обоснованной методики измерения латентной преступности, а также определения состояния латентности отдельных видов преступлений выражается в необходимости совершенствования деятельности правоохранительных органов на основе изучения действительных масштабов преступности и развитием самой криминологии, в которой всякое исследование, как и в других областях научных изысканий, должно опираться на фундамент из достоверных статистических источников². Следует согласиться с В.В. Лунеевым в том, что «эффективность контроля над преступностью зависит от реалистичности предпринимаемых усилий, которая возможна на основе объективного знания фактического состояния преступности и реальных достижений правоохранительных органов»³.

С.М. Иншаков пишет, что «сущность познания латентной преступности заключается в частичном или полном восстановлении нарушенных каналов информации и получении сведений о неизвестных ранее преступлениях (иногда в неофициальной, но приемлемой для научных целей форме)»⁴. Поэтому определение каналов информации о состоянии латентной преступности является важным компонентом исследования различных ее проявлений.

¹ *Иншаков С.М.* Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 4. С. 8.

² См.: *Муслов Б.В.* Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 110.

³ *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 300.

⁴ *Иншаков С.М.* Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 112.

По мнению А.А. Ковалкина, информацию о латентных преступлениях, в зависимости от источников ее получения, можно разделить на:

– *объективную*, нашедшую отражение в различных документах (информация, полученная при помощи материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, жалоб и заявлений граждан, материалов периодической печати и др.);

– *субъективную*, исходящую от лиц, которым стали известны фактически совершенные, но незарегистрированные преступления (информация, полученная с помощью методов экспертной оценки, опроса потерпевших, шкалирования и др.)¹.

Кроме того, как отмечает указанный автор, информация о латентных преступлениях может быть *прямой* и *косвенной*: «Прямую исследователи получают посредством опросов (в форме анкетирования, интервьюирования и пр.) различных категорий населения в определенных регионах. <...> К числу источников, косвенно свидетельствующих о последствиях латентных преступлений, относятся данные, полученные из материалов судебно-медицинских и технических экспертиз о причинении телесных повреждений или смерти потерпевших, контрольно-ревизионных управлений, финансовых органов, кредитных учреждений и т.д. Сюда же можно включить и данные о латентной преступности, полученные с помощью методов экспертной оценки, экономического анализа, шкалирования и т.п.»².

Полагаем, что для измерения уровня латентности коррупционных преступлений в избирательном процессе могут быть использованы все указанные выше виды информации. К числу объективных источников информации о данном виде преступности следует отнести данные о явке избирателей, результатах голосования на конкретных участках, обращения граждан о нарушении их избирательных прав в избирательные комиссии и правоохранительные органы. Субъективная информация о состоянии коррупционной преступности в избирательном процессе может быть получена посредством экспертного опроса членов избирательных комиссий, работников правоохранительных органов, аккредитованных международных наблюдателей и др.

¹ См.: Ковалкин А.А. Латентная преступность и ее выявление органами внутренних дел : учеб. пособие. Киев: КВШ МВД СССР, 1985. С. 46.

² Там же. С. 46–47.

Прямая информация о латентных коррупционных преступлениях в избирательном процессе может быть получена путем опроса кандидатов, их уполномоченных представителей, избирателей и других участников выборов, которые потенциально могли являться субъектом невыявленного коррупционного преступления или потерпевшим от него. К числу косвенных свидетельств совершения коррупционных преступлений в избирательном процессе следует отнести результаты работы контрольно-ревизионных служб избирательных комиссий, а также состояние и динамику иных коррупционных правонарушений, устанавливаемую в соответствии с данными официальной правовой статистики.

Как полагает Р.М. Акутаев, все приемы и способы измерения латентных преступлений с учетом их специфики и сфер возможного применения могут быть представлены в двух группах. В первую, условно названную автором социологической, следует отнести социологические приемы и способы измерения и определения состояния латентности отдельных видов преступлений (наблюдение, опросы, экспертные оценки, обзоры виктимизации населения, контент-анализ материалов прессы и др.). Во вторую, условно названную оперативно-следственной, – совокупность приемов и способов выявления скрытых преступлений, применяемых в оперативной и следственной деятельности правоохранительных органов (например, анализ хозяйственной деятельности предприятий)¹. Каждая из указанных групп одновременно имеет как преимущества, так и недостатки. Их реализация в целях изучения латентной преступности не может происходить изолированно. Данные, полученные в результате применения этих групп методов, верифицируют и дополняют друг друга. Однако в силу теоретизации настоящего исследования подробно остановимся на социологических методах.

Проблема выявления скрытых и скрываемых электоральных преступлений на сегодняшний день как никогда актуальна. Наряду с изучением прямых источников информации о преступных деяниях (в первую очередь, опроса непосредственных участников избирательного процесса) активно развивается направление математического анализа электоральной статистики, посредством которого выявляются

¹ См.: Акутаев Р.М. Криминологический анализ латентной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999. С. 74.

«подозрительные» отклонения от идеальной модели поведения избирателей. Наиболее характерным в данном случае является несоответствие параметров явки и результатов голосования закону больших чисел, при соответствии которому неизбежно проявляется нормальное (гауссово) распределение.

Кривая распределения Гаусса представляет собой симметричный «колокол». Она описывает, как распределяются события, которые могут произойти с разной вероятностью, относительно среднего значения¹. По словам С.А. Шпилькина, относительно выборов хорошим параметром для построения гистограмм распределения оказывается явка – доля зарегистрированных избирателей, пришедших на выборы. «Во-первых, это важный отчетный показатель для избирательных комиссий. Во-вторых, явка чувствительна к ручному вмешательству в результаты голосования – например, если число голосов за кандидата увеличивается искусственно, участки, где это происходит, смещаются в сторону больших явок (участки, где в результаты не вмешивались, остаются на месте)»². Начиная с 2004 г. указанный автор и ряд других исследователей активно используют данный метод для выявления потенциальных фальсификаций в ходе федеральных и региональных выборов. Рассмотрим один из примеров (см. рисунок 2).

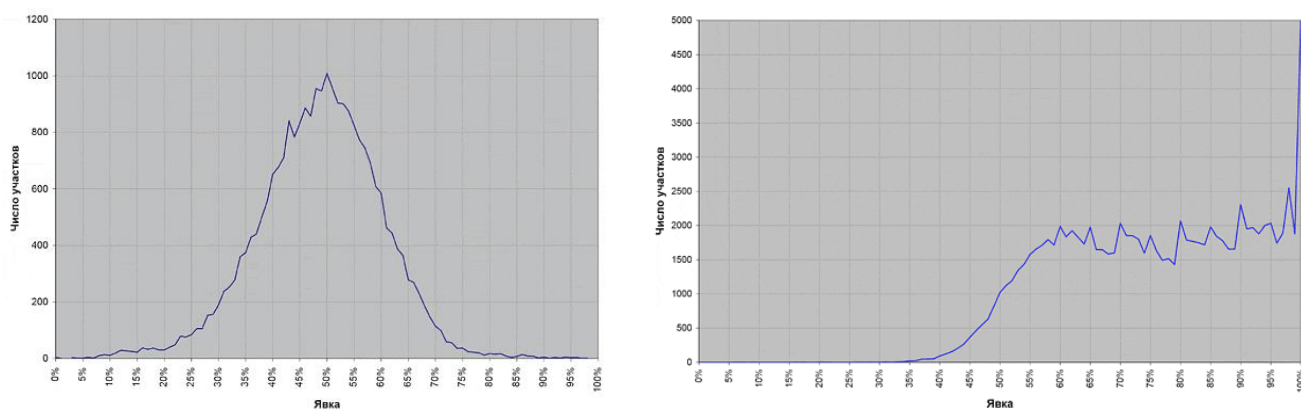

Рисунок 2 – Распределение избирательных участков по явке на выборах Президента Польши в 2005 г. (слева) и Президента РФ 2008 г. (справа)

¹ См.: Центризбирком призывает не оценивать выборы «по Гауссу» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Meduza». URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/13/tsentribirkom-prizyvaet-ne-otsenivat-vybory-po-gaussu-eto-i-pravda-ne-luchshiy-metod>.

² Физик, политолог и политгеограф о фальсификациях на выборах [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Esquire». URL: <https://esquire.ru/articles/2195-elections>.

По оси абсцисс отложена явка в процентах, по оси ординат – количество избирательных участков, показавших такую явку (с округлением вниз, до ближайшего целого числа процентов). Логика кривой распределения явки на графике слева соответствует здравому смыслу, так как отражает закон больших чисел (избирательных участков со стопроцентной явкой существенно меньше, чем участков со средним показателем явки). На правом графике заметны аномалии нормального распределения: это необычная форма распределения в целом и показатели пиковых значений в частности. Как пишет С.А. Шилькин, пики на значениях явки 60, 70, 75, 80, 85, 90, 95 % нелегко объяснить статистическими механизмами, но очень просто – человеческой психологией и стремлением показать «красивые» цифры в отчете. Их наличие «означает, что явка на выборах была предметом манипуляций и отчетным параметром, а сами результаты выборов по крайней мере частично сформированы административным воздействием»¹.

Сделанные автором выводы косвенно подтверждаются также показателями зарегистрированных преступлений, предусмотренными в ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» УК РФ, в 2008 г. – рекордные 505. Более того, по мнению С.А. Шпилькина, «манипуляции не возникают сами по себе "снизу" – значит, было как минимум "молчаливое согласие" между теми, кто их непосредственно реализовал (на уровне избирательных участков), и теми, кто их принимал (на уровне территориальных избирательных комиссий и выше)»².

С критикой указанного подхода выступают представители Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее – ЦИК России). В аналитическом докладе В.Е. Чурова, В.Л. Арлазарова и А.В. Соловьева отмечается, что, во-первых, сам процесс выборов отнюдь не случаен, так как на него влияет слишком много факторов, а во-вторых, сам массив, как избирателей, так и участковых избирательных комиссий, отнюдь не однороден. Поэтому вывод о том, что результаты выборов являются недостоверными, поскольку распределение (например, числа УИК в зависимости от явки) не соответствует нормальному закону распределения, является

¹ Шпилькин С.А. Статистическое исследование результатов российских выборов 2007–2009 гг. // Троицкий вариант – Наука. 2009. 27 окт.

² Там же.

неверным. Аргументы авторов доклада основываются на разделении всего множества избирателей на однородные подмножества, для каждого из которых характерны определенные тенденции электоральных предпочтений. Построение идеальных функций факторов, влияющих на эти предпочтения, и их сравнение с реальной картиной для каждого подмножества избирателей демонстрирует отсутствие очевидных аномалий нормального распределения. В связи с чем применение закона больших чисел к анализу электоральной статистики в Российской Федерации контрпродуктивно ввиду неоднородности множества избирателей¹.

Действительно, построение кривой Гаусса рассчитано на обработку массива данных о случайных величинах и не учитывает в достаточной степени осознанный выбор на разных в смысле политических предпочтений населении территориях. Поэтому слепо использовать данные электоральной статистики как прямое доказательство уровня латентности преступлений против избирательных прав граждан не следует.

Повышению достоверности результатов анализа электоральной статистики может способствовать применение метода аналогии, состоящего в сравнении состояния преступности в регионах со сходными социально-экономическими и политическими условиями. Как пишет Н.В. Сазонова, «в основе такого сравнения лежит гипотеза о социально-правовом характере преступности, в силу чего регионы, сходные по основным социально-правовым параметрам, должны иметь "одинаковую преступность" – число зарегистрированных преступлений, их распределение в общей структуре преступности»². Поиск однородных регионов – непростая задача, решение которой создаст фундамент для применения этого относительно простого метода изучения латентной преступности, основанного на уравнении с одной неизвестной.

Другим немаловажным методом измерения действительного уровня коррупционной преступности в избирательном процессе является определение экспертных оценок. «С одной стороны, для полного и всестороннего исследования латентной преступности необходимо опираться на опыт, знания и интуицию специалистов,

¹ См.: Чуров В.Е., Арлазаров В.Л., Соловьев А.В. Итоги выборов. Анализ электоральных предпочтений [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/29380>.

² Сазонова Н.В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 114.

основанные на их профессиональном, научном и практическом опыте <...>. С другой стороны, минусы данного метода состоят в том, что он нередко основан на интуиции и носит субъективный характер. Поэтому основное внимание при применении данного метода надо уделить достоверности экспертных оценок», – справедливо отмечает П.А. Кривенцов¹. Вместе с тем латентность всего объема коррупционных преступлений в избирательном процессе на сегодняшний день еще не стала предметом экспертных оценок.

В результате масштабного исследования проблем латентной преступности в Российской Федерации, проведенного под руководством С.М. Иншакова, представлена информация о коэффициенте латентности некоторых коррупционных преступлений в избирательном процессе. В частности, по состоянию на 2009 г. данный показатель для составов преступлений, предусмотренных в ст. 141 УК РФ, составлял 3.6, для ст. 141¹ УК РФ – 11.0, для ст. 142 УК РФ – 5.9, для ст. 142¹ УК РФ – 11.0². При этом важно подчеркнуть, что из числа указанных выше норм только ст. 141¹ УК РФ объединяет составы полностью коррупционных преступлений в избирательном процессе, в то время как в структуре других статей составы преступлений против избирательных прав граждан, содержащие признаки коррупции, занимают незначительную часть, которая варьируется от 0 до 30 % (см. приложения 1 и 2).

Кроме того, приведенные данные опровергают расхожее мнение о высоком уровне латентности электоральных преступлений. Так как некоторые исследователи рассматривают незаконное оказание кандидатам, избирательным объединениям финансовой и иной материальной поддержки как элемент активного подкупа, а использование ими таких средств – как элемент пассивного подкупа³, отметим, что коэффициент латентности ст. 290 «Получение взятки» и 291 «Дача взятки» УК РФ превышает аналогичный показатель ст. 141¹ УК РФ почти в семь раз (75.0 и 70.0 соответственно⁴). Отчасти такое расхождение показателей связано с тем, что

¹ Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 90.

² См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / Под ред. С.М. Иншакова. М.: Юнити-Дана, 2012. С. 197–204.

³ См.: Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 71.

⁴ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. С. 521–523.

деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию классических коррупционных составов преступлений является менее ресурсоемкой по сравнению со схожими преступными деяниями в период организации и проведения выборов. М.М. Какителашвили справедливо отмечает, что «нужно учитывать еще и недостаточно высокий уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов, что влечет за собой трудность в раскрытии данной категории уголовных дел, отрицательно влияющих на современную избирательную систему в целом, а также несовершенство контроля и надзора за ее деятельностью. Все это приводит к тому, что надзорные органы в настоящий момент не имеют возможности максимально эффективно бороться с правонарушениями в области избирательного законодательства»¹.

Таким образом, исследованные нами показатели не позволяют выявить каких-либо научно обоснованных закономерностей развития коррупционной преступности в избирательном процессе, кроме устойчивости и цикличности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, вызвано высоким уровнем латентности коррупционных преступлений в избирательном процессе, который является следствием ряда факторов.

В частности, ввиду скоротечности избирательных кампаний, на практике достаточно сложно выявить коррупционные преступления и установить подозреваемых в их совершении лиц. Зачастую непосредственные исполнители коррупционных преступлений в избирательном процессе (пиар-менеджеры, политтехнологи, электоральные юристы и др.) приезжают для ведения избирательной кампании из отдаленных территорий и сразу после ее окончания возвращаются обратно. Определить их причастность к совершению преступления затруднительно, поскольку работа избирательного штаба кандидата находится за рамками правового поля.

Также, в силу того, что подавляющая часть коррупционных преступлений в избирательном процессе по степени общественной опасности относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести, проведение оперативно-разыскных мероприятий с точки зрения правоохранительных органов выглядит нецелесообразным из-за их высокой ресурсоемкости. Полагаем, что для решения указанной проблемы

¹ *Какителашвили М.М.* К вопросу об основаниях привлечения к уголовной ответственности за нарушения порядка финансирования избирательных кампаний // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4. С. 53.

необходимо повышать эффективность оперативно-следственной работы, а также совершенствовать систему учета преступлений.

Исходя из выдвинутого нами понимания коррупционной преступности в избирательном процессе, необходимо также указать на одну из важных проблем изучения ее фактических показателей, которая непосредственно связана с действующей системой официального учета правовой статистики. Мы уже акцентировали внимание на том, что указание Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел Российской Федерации «О введении в действие перечней статей уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» предусматривает учет лишь трех специальных составов коррупционных преступлений в избирательном процессе: п.п. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ст. 141¹ и ч. 2 ст. 142 УК РФ. Общие составы коррупционных преступлений в избирательном процессе подлежат статистическому учету не применительно к сфере совершения преступных деяний. Установить, что, например, получение взятки было совершено членом избирательной комиссии можно только путем фабульного анализа статистических карточек (форма № 1, признак № 12). В связи с чем на практике обработка показателей коррупционной преступности в избирательном процессе связана со значительными трудностями. Поэтому в целях совершенствования официального статистического учета показателей коррупционной преступности в избирательном процессе считаем необходимым, во-первых, дополнить перечень № 23 иными составами коррупционных преступлений в избирательном процессе (ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 142² УК РФ) и, во-вторых, внести изменения в содержание справочника № 1 «Классификатор видов экономической деятельности», а именно включить в него код деятельности, связанной с организацией и проведением выборов.

§ 3. Типы коррупционной преступности в избирательном процессе

Как мы уже отметили ранее, выделение групп коррупционных преступлений в избирательном процессе в соответствии с логикой построения Особенной части Уголовного кодекса РФ не позволяет в должной мере объяснить системно-

структурный характер этого общественного опасного социально-политического явления. Для решения указанной проблемы необходимо провести типологизацию коррупционной преступности в избирательном процессе.

Анализ подходов к пониманию коррупции в избирательном процессе дает возможность выделить как минимум три группы типичных с точки зрения объективной стороны общественно опасных деяний: подкуп («продажность») участников избирательного процесса, злоупотребление административным ресурсом и незаконное финансирование избирательной кампании.

Соотнесем указанные группы деяний с приведенным ранее перечнем коррупционных преступлений в избирательном процессе:

– преступления, в основе которых лежит подкуп («продажность») участников избирательного процесса (п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 204, ст. 204¹, ст. 204², ст. 290, ст. 291, ст. 291¹, ст. 291² УК РФ);

– преступления, в основе которых лежит злоупотребление административным ресурсом (п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 142², ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 201, ст. 285, ст. 286, ст. 292 УК РФ);

– преступления, в основе которых лежит незаконное финансирование избирательной кампании (ст. 141¹ УК РФ).

Примечательно, что внутри данных типов, как в «плавильном котле», смешиваются различные виды преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают избирательные права граждан, порядок проведения выборов, правоотношения собственности, интересы службы в коммерческих или иных организациях, нормальное функционирования органов власти и др. Это объясняется тем, что на сегодняшний день уголовный закон не учитывает специфику коррупционных отношений в избирательном процессе и реализуемые на практике избирательные технологии. Важно также подчеркнуть, что представленные типы коррупционной преступности в избирательном процессе далеко не всегда проявляются в чистом виде, и зачастую отдельные уголовно-наказуемые деяния находят объективное выражение в результате их взаимодействия. Графически представить соотношение указанных типов можно следующим образом (см. рисунок 3).

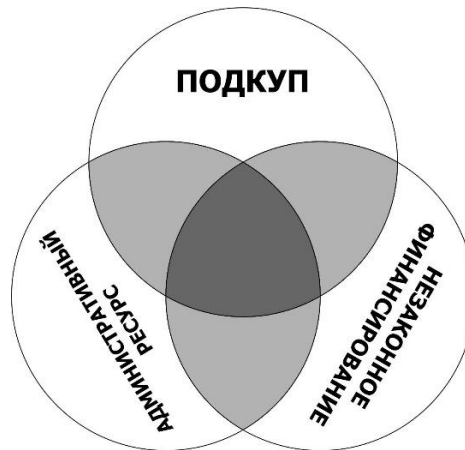

Рисунок 3 – Типы коррупционной преступности в избирательном процессе

Подкуп в чистом виде может проявляться в отношении субъектов пассивного подкупа, поскольку объективная сторона данного деяния не зависит от происхождения материальных средств, при помощи которых осуществляется подкуп участника избирательного процесса (например, получение взятки членом избирательной комиссии с правом решающего голоса).

Административный ресурс в чистом виде может проявляться как элемент административного давления на избирателей, когда в отношении подчиненных сотрудников проводится настойчивая агитация либо прямое принуждение к голосованию за нужного кандидата или политическую партию (например, формулировки «не проголосуешь за кандидата – уволим», либо «не допустим к сдаче экзаменационной сессии» и т.д.¹).

Незаконное финансирование избирательной кампании в чистом виде может проявляться тогда, когда использование материальных средств за пределами избирательного фонда происходит за личный счет кандидата (например, когда в определенной избирательной кампании участвует один из лидеров российского рейтинга журнала Forbs).

Сопересечение административного ресурса и подкупа избирателей происходит тогда, когда должностное лицо распоряжается вверенными ему ресурсам

¹ См.: Зайцева О.В. Административный ресурс в избирательных кампаниях как форма проявления коррупции // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 19–24.

публичной власти в целях стимулирования своих подчиненных к определенному электоральному поведению (например, когда выдвижение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на очередной срок сопровождается внеочередной выплатой премий, повышением заработной платы и т.д. за счет средств соответствующего бюджета).

Сопересечение подкупа и незаконного финансирования избирательной кампании очевидно в аспекте активного подкупа участников избирательного процесса, поскольку материальные средства, с помощью которых осуществляется подкуп, используются за рамками правового режима избирательного фонда. Кроме того, связь подкупа и незаконного финансирования избирательной кампании опосредованно прослеживается в ситуации, когда представители финансово-промышленных групп предоставляют кандидату материальные средства для проведения избирательной кампании в обмен на лоббирование своих интересов в случае его избрания.

Сопересечение незаконного финансирования избирательной кампании и административного ресурса происходит тогда, когда ресурсы публичной или корпоративной власти используются для изготовления печатных материалов агитационного содержания (например, проведения широкомасштабной рекламной акции, приуроченной к юбилею основания административного центра региона, с использованием высказываний и изображений высшего должностного лица этого региона в период его участия в избирательной кампании).

Сопересечение всех трех типов возможно тогда, когда ресурсы публичной или корпоративной власти используются для организации культурно-массовых мероприятий, формально не связанных с текущей избирательной кампанией, но воздействующих на процесс волеформирования избирателей (например, после публичного агитационного мероприятия, организованного правящей политической силой, проводится и транслируется в региональных средствах массовой информации благотворительный концерт с участием звезд эстрады, расходы на проведение которого оплачены одной из финансово-промышленных групп, действующих в регионе).

Приведенное описание типов коррупционной преступности не является исчерпывающим и может быть дополнено в рамках развития научных представлений об

объекте настоящего исследования. Кроме того, представляется необходимым подробно рассмотреть каждый из выделенных типов, поскольку «типологическая процедура предполагает не только количественное измерение различий между выделенными типами, но и качественное описание каждого из них»¹.

Первым и, пожалуй, древнейшим типом коррупционной преступности в избирательном процессе является **подкуп («продажность») участников избирательного процесса**. *Ambitus* как одно из первых коррупционных проявлений первоначально представляло собой предвыборную агитацию (от лат. *ambio* – обхаживать, выпрашивать, стараться снискать благоволение) и не имело негативного оттенка, но со временем стало пониматься как избирательный подкуп, при котором кандидаты давали избирателям деньги или предоставляли иные блага в обмен на их голоса. Как пишет Л.А. Рогачевский, в связи с этим стали необходимы «законодательное обозначение *ambitus* как общественно опасного деяния – преступления (*crimen de ambitu*), совершаемого с целью подрыва позиций политического противника и оказания влияния на результаты выборов путем прямого подкупа или других форм воздействия на избирателей, и издание специальных уголовных законов по борьбе с коррупцированной избирательной практикой»².

Технология подкупа стара как мир и по праву составляет ядро коррупционных отношений. Слово «подкупить» по основному значению предполагает склонение на свою сторону деньгами, подарками³. Негативная коннотация данного термина обусловлена нечестным поведением индивида по отношению к другим членам социальной общности. В условиях обладания излишками материальных ресурсов он использует их для достижения личных целей, тем самым несправедливо получая преимущество с точки зрения нравственности и иных социальных норм. Взятничество как уголовно-правовое проявление подкупа отличается особой общественной опасностью, что подтверждает содержание уголовных санкций за получение и дачу взятки.

¹ Григорян В.А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения // Lex Russica. 2007. № 1. С. 168.

² Рогачевский Л.А. AMBITUS: электоральная коррупция в Римской Республике и ранней Римской Империи (практика выборов и законодательство) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 1. С. 176.

³ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов. М.: Русский язык, 1988. С. 434.

Вместе с тем взяточничество как вид должностных преступлений отличает наличие специальных, в частности субъективных, признаков состава, которым не соответствует большинство форм подкупа участников избирательного процесса. В целях уголовно-правовой охраны избирательных отношений от противоправных посягательств, основанных на отношениях подкупа-продажности, в Уголовном кодексе РФ закреплены два специальных состава преступлений (п. «а» ч. 2 ст. 141 и ч. 2 ст. 142). На основе их диспозиций Н.Ю. Климова предлагает понимать под подкупом в избирательном процессе «склонение стимулирующими актами к предоставлению возможностей, вытекающих из использования правового статуса участников избирательного процесса, обладающих конституционными активным и пассивным избирательными правами; правами по подготовке, организации, проведению избирательной кампании, а также ответных деяниях коррумпированных лиц в предоставлении указанных возможностей в личных или групповых интересах в политических, корыстных или иных целях»¹. Несмотря на высокий научный уровень представленного определения, отметим, что его содержание не соответствует разнообразию форм объективного выражения данного преступного деяния в условиях избирательного процесса.

В науке предложено несколько классификаций подкупа в избирательном процессе. Наиболее распространенная из них построена по признаку субъекта коррупционных отношений. Таким образом, выделяются следующие виды подкупа в избирательном процессе: подкуп избирателей; подкуп кандидатов, а также их уполномоченных представителей и доверенных лиц; подкуп членов избирательных комиссий; подкуп наблюдателей; подкуп представителей средств массовой информации.

Подкуп избирателей представляет собой наиболее распространенную и наименее латентную форму коррупционной преступности в избирательном процессе². На практике встречается множество различных по своей эффективности способов незаконного материального стимулирования граждан к определенному электоральному поведению.

¹ Климова Н.Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей // Уголовное право. 2008. № 1. С. 51.

² См.: Кабанов П.А., Райков Г.И. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа // Следователь. 2008. № 10. С. 21.

Одним из первых деление подкупа избирателей в зависимости от способа его организации предложил Б.Л. Вишневский. По его мнению, к наиболее распространенным формам подкупа относятся:

- «прикормка», то есть материальная поддержка избирателей со стороны кандидата до момента начала избирательной кампании;
- «договор», то есть заключение фиктивных гражданско-правовых соглашений с потенциальными избирателями на незначительную денежную сумму, предметом которых могут выступать разнообразные работы или услуги (например, распространение агитационных печатных материалов);
- «карусель», то есть передача избирателю предварительно заполненного бюллетеня для голосования в обмен на чистый экземпляр, вынесенный из избирательного участка, и денежное вознаграждение;
- «автобус», то есть организованный подвоз избирателей к избирательному участку для досрочного голосования за нужного кандидата на возмездной основе;
- «демпинг», то есть оказание бесплатных услуг от имени кандидата или поддерживающей его организации, продажа товаров по сниженным ценам или вообще бесплатная раздача, вручение подарков избирателям и т.д.¹

Особое внимание технологии «договор» уделяет С.Г. Соловьев, который выделяет два ее вида. Первый вид представляет собой выполнение условной работы со стороны избирателей, наиболее характерной для каждой избирательной кампании: размещение листовок на общедомовой территории, проведение агитации в пределах своей семьи и знакомых. Второй вид предусматривает выполнение кандидатом (если он станет депутатом) определенных работ или услуг избирателям: установка железных дверей в подъездах, освещение улиц, асфальтирование дворов и др.²

Иллюстрируя данные виды подкупа избирателей, В.В. Полуэктов приводит пример первого в своем роде избирательного договора, который на выборах в Государственную Думу ФС РФ 1995 г. предлагала Е.А. Мавроди. Как было указано в

¹ См.: Вишневский Б.Л. Пять технологий подкупа избирателей // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. С. 251–254.

² См.: Соловьев С.Г. Денежный подкуп избирателей на муниципальных выборах: проблемы теории и практики // Современное право. 2007. № 1. С. 55–56.

данном «документе», кандидат «с целью преодоления традиции безответственных обещаний кандидатов в органы представительной власти, не выполняемых после избрания их депутатами» дает обещание добросовестно выполнять обязанности депутата и отстаивать интересы избирателей соответствующего округа, за что избиратели должны проголосовать за названного кандидата. В случае победы каждому подписавшему этот договор было гарантировано участие в практически беспроигрышной лотерее по отрывному талону¹.

Отдельно отметим технологию «сетевого подкупа», которую также иногда называют покупкой голосов через «пирамиду». Ее самое яркое и наиболее опасное применение связано с избирательной кампанией политической партии «Союз правых сил» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ 2007 г. По аналогии с принципом многоуровневого маркетинга, в регионах создавались сети агитаторов, заработная плата которых складывалась, исходя из общего числа голосов, полученных по результатам выборов, и количества привлеченных к работе «младших» агитаторов. По утверждению ряда средств массовой информации, «зарплата рядового агитатора составляла 1,5 тыс. рублей в неделю, районного "бригадира" – 2,5 тыс., "городского" – 5 тыс. рублей. Только по одному району [Саратовской области] смета на содержание сети за 1 месяц составляла 354 тысячи рублей»².

Уголовно-правовая квалификация противоправных деяний, направленных на подкуп избирателей, сопряжена с рядом сложностей. Во-первых, анализ доктрины и правоприменительной практики не позволяет сделать однозначный вывод о критериях разграничения преступного (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) и административно-наказуемого (ст. 5.16 КоАП РФ³) подкупа избирателей. Как указывает А.Н. Кругленя, ни один из предложенных в литературе вариантов демаркации указанных составов, «преследуя благую цель, не способен, вместе с тем, привести к благому

¹ См.: *Полужтков В.В.* Полевые и манипулятивные технологии: настольная книга менеджера избирательных кампаний. М.: Русская панорама, 2003. С. 355–357.

² СПС «погорел» на подкупе избирателей [Электронный ресурс] // Национальная безопасность. URL: <http://www.nacbez.ru/akmonitor/article.php?id=2347>.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

результату – последовательному и полному отграничению уголовной ответственности от административной в вопросе подкупа участников выборов»¹.

Несмотря на широкое распространение подкупа избирателей в период проведения выборов, практика привлечения виновных в воспрепятствовании осуществлению избирательных прав граждан посредством подкупа показывает неэффективность уголовно-правового запрета. По мнению Н.Ю. Турищевой, это вызвано отсутствием или трудной доказуемостью причинно-следственной связи между «подкупом избирателя и воспрепятствованием в осуществлении его избирательных прав. Зачастую даже в случае установления фактов подкупа не происходит привлечения виновных к уголовной ответственности, поскольку в момент голосования избиратель осуществлял свое право свободно и без всякого давления»². Полагаем разумным поддержать позиции тех ученых, которые настаивают на выделении подкупа избирателей в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния, а также на исключении аналогичных положений из предмета административно-правового регулирования³.

Во-вторых, отсутствие юридической ответственности лиц, реализующих активное избирательное право под воздействием коррупционной выгоды, свидетельствует о незавершенности механизма охраны избирательных прав граждан. Необходимость правоохранительной реакции на «продажу» голосов все чаще становится предметом научной дискуссии и в целом отражает общемировые тренды антикоррупционной политики⁴. Избиратель как объект подкупа обладает специальным правовым статусом, а именно активным избирательным правом, реализация которого при получении «избирательной взятки» находится под влиянием коррупционной выгоды. Исходя из положений Конвенции ООН против коррупции, субъектом коррупционных

¹ Кругленя А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 2. С. 28.

² Турищева Н.Ю. Признаки, дифференцирующие уголовную ответственность за преступления против избирательных прав // Государство и право. 2011. № 1. С. 73.

³ См.: Багмет А.М., Бычкова Е.И. Особенности квалификации подкупа избирателей как вида электоральной коррупции // Юридический мир. 2014. № 2. С. 9–12; Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания : монография. Нижнекамск: Нижнекамский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 1998. С. 47; Турищева Н.Ю. Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав // Юристы-Правоведь. 2008. № 3. С. 47–52 и др.

⁴ См.: Забайкалов А.П. Процедуры голосования в избирательном процессе: современное состояние и перспективы развития : монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 62–75.

отношений может являться любое лицо, «выполняющее публичную функцию» (пп. «ii» п. «а» ст. 2). В свою очередь, публичный статус избирателей как представителей учредительной власти проистекает из положений ст. 3 Конституции Российской Федерации¹, согласно которым единственным источником власти в стране выступает многонациональный народ, а ее высшим проявлением – свободные выборы и референдум. Следует согласиться с Н.В. Щедриным в том, что «продажа голосов "загрязняет" всю систему публичной власти в самом ее истоке»².

Отнесение данной категории участников избирательного процесса к субъектам коррупции основано на том, что в Российской Федерации именно граждане являются носителями учредительной власти и в результате продажи голоса они используют свой статус в целях извлечения материальной выгоды. «Личность выступает одновременно в двух ипостасях – субъекта права и ассоциированного носителя государственной власти. Такое понимание позволяет под законодательное регулирование избирательных отношений подвести не предвзятые подходы, а принцип общего блага и предупредить опасный для государства "фанатизм формальной демократии", традиционно отдающий осуществление этой функции на усмотрение самого избирателя. Конституция не предусматривает его ответственности перед государством за осуществление активного избирательного права, но гражданин не может быть свободен от ответственности за государство, сочленом которого он является»³.

Подкуп и продажность избирателей как двуединый преступный акт имеет высокую общественную опасность, поскольку в результате его совершения отдельным субъектам избирательных отношений, а также всему избирательному корпусу причиняется существенный вред, который может иметь материальное и нематериальное выражение. Здесь речь идет не столько об экономических последствиях необходимости повторных выборов, сколько о конкуренции конституционных ценностей, возникающей при принятии судебных решений – в случае признания результатов

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Щедрин Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 91.

³ Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования : монография. М.: Проспект, 2014. С. 199–200.

голосования недействительными ввиду организации массового подкупа, права избирателей «если и не нарушаются напрямую, то, по крайней мере, становятся трудно реализуемы: гражданам, подавшим свои голоса правомерно (а таких, как правило, большинство), требуется повторно и сформировать, и выразить свое волеизъявление»¹. Тем самым, в результате подкупа происходит воспрепятствование избирательным правам не отдельных граждан, «продавших» свои голоса, а тех граждан, которые изъявили свои политические предпочтения свободно и беспрепятственно, но по причине выявленных фактов подкупа («продажности») они не были учтены. Поэтому безответственность коррумпированных избирателей (в прямом и переносном смысле) не может оставаться без внимания.

Подкуп кандидатов – не менее распространенная, однако более латентная форма коррупционной преступности в избирательном процессе. Это вызвано тем, что каждый из участников преступной сделки не заинтересован в ее огласке, тем более, если путем подкупа достигнута желаемая обеими сторонами цель. «При этом размер материального вознаграждения за подобное поведение, – как пишет П.А. Кабанов, – должен быть больше, чем тот, который предполагал получить "продавшийся" или "купившийся" кандидат в результате победы на выборах»².

На практике можно выделить два основных вида подкупа кандидатов: связанный с участием или отказом от участия в избирательной кампании. Подкуп, направленный на отказ гражданина от участия в избирательной кампании, может осуществляться до, во время и после процедуры регистрации и, по сути, представляет собой воспрепятствование осуществлению пассивного избирательного права. Чем ближе ко дню голосования коррумпированный кандидат откажется от участия в выборах, тем выше степень общественной опасности данного поведения, поскольку реализация электоральных процедур непосредственно связана со значительными затратами из средств государственного (муниципального) бюджета, которые в данном случае окажутся потраченными впустую.

¹ Белов С.А., Мелихова Ю.А. Признание выборов недействительными: конфликт правовых ценностей в судебной практике // Петербургский юрист. 2016. № 2. С. 82.

² Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков : монография. М.: Дружба народов, 2008. С. 54.

Подкуп, направленный на стимулирование определенного электорального поведения, является деятельной основой для большинства «грязных» избирательных технологий, направленных как на обман избирателей или введение их в заблуждение, так и на дезорганизацию и дискредитацию работы политических конкурентов. Примеры подобного поведения подробно описаны в политтехнологической литературе. Наиболее распространенным из них является введение в избирательную кампанию так называемых «кандидатов-двойников». Как пишут Е.Б. Малкин и Е.Б. Сучков, кандидаты-однофамильцы выдвигаются, чтобы «оттянуть часть голосов у "заказанного" кандидата: если в бюллетене два или более кандидатов с одинаковыми фамилиями, часть избирателей перепутает и проголосует не за "настоящего" кандидата, а за двойника... Зафиксированы случаи, когда под "заказанного" кандидата выдвигалось до четырех двойников»¹. Кандидатов, которые вступают в избирательную кампанию не с целью собственного избрания, а для содействия или противодействия избранию другого («основного» или «заказанного») кандидата, обобщенно принято называть «техническими»².

Процедура регистрации кандидата призвана обеспечить надлежащую реализацию пассивного избирательного права граждан, в связи с чем установление каких-либо ограничений данного права, основанных только на содержании персональных данных или иных социально-демографических особенностях граждан, вряд ли будет соответствовать Конституции Российской Федерации. Однако на практике достаточно часто возникают ситуации, когда потенциальные кандидаты-двойники за несколько месяцев до начала избирательной кампании изменяют фамилию, имя, отчество и (или) регистрируются на территории избирательного округа и тем самым намеренно стремятся ввести избирателей в заблуждение в целях достижения определенного политического результата³. Полагаем, что подобные действия на сегодня следует квалифицировать в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, т.е. как воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав,

¹ Малкин Е.Б., Сучков Е.Б. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2012. С. 525.

² См.: Зырянова (Дамм) И.А., Акунченко Е.А. О предупреждении участия в выборах технических кандидатов при помощи избирательного залога как меры безопасности // Закон и право. 2013. № 12. С. 82.

³ См.: Антонов О.Ю., Елинский В.И. Функционирование преступной деятельности, связанной с проведением избирательных кампаний и референдумов // Российский следователь. 2011. № 9. С. 15–20.

соединенное с обманом. Кроме того, если деятельность кандидата-двойника основана на получении материальной выгоды от третьих лиц, действия последних также надлежит квалифицировать в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, т.е. как воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, только теперь соединенное с подкупом.

В число распространенных проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе также входит подкуп уполномоченных представителей или доверенных лиц кандидата. Коррупционное поведение данной категории участников избирательного процесса «может позволить его политическим противникам получать достоверные сведения о средствах и методах ведения избирательной кампании, источниках ее финансирования и другие сведения»¹. Кроме того, посредством подкупа уполномоченных представителей кандидата (избирательного объединения) становится возможным стимулирование таковых к совершению иных преступных деяний, какими, например, являются подделка подписей избирателей или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), предусмотренные ч. 2 ст. 142 УК РФ².

Подкуп членов избирательных комиссий с правом решающего голоса – одно из самых опасных проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе. В соответствии с п. 3 ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ именно на систему избирательных комиссий возложены обеспечение реализации и защита избирательных прав граждан Российской Федерации, а также осуществление подготовки и проведение выборов. Коррупционирование отдельных членов избирательных комиссий, наделенных правом влиять на принятие коллективных решений (правом решающего голоса), открывает дорогу для большинства иных общественно опасных деяний, таких как фальсификация избирательных документов и итогов голосования. Массовый подкуп указанных участников избирательного процесса может быть успешно использован для продвижения решений, направленных

¹ Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. С. 59.

² См.: Круглень А.Н. Фальсификация избирательных документов и итогов голосования: о практических проблемах установления субъекта преступления // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 12. С. 95–96.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня. 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

на создание существенных препятствий или устранение политических конкурентов в ходе избирательной кампании. Тем самым фактически основная функция данного органа власти – охрана избирательных прав граждан и обеспечение принципов демократии в рамках избирательного процесса – подвергается закономерной инфляции.

В литературе существует дискуссия по вопросу о том, каким образом надлежит квалифицировать подкуп и продажность членов избирательных комиссий с правом решающего голоса. Уже неоднократно рассмотренный в рамках настоящего исследования состав преступления, закрепленный п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ, по мнению ученых, не соответствует целям уголовно-правового воздействия на данную область общественных отношений. Как отмечает Н.В. Терещенко, «при подкупе должностного лица избирательной комиссии совершается и другое более тяжкое преступление – дача взятки, то есть имеет место совокупность преступлений»¹. Аналогична точка зрения П.А. Кабанова: противоправные деяния (действия или бездействие) членов избирательной комиссии должны полностью охватываться нормой, предусматривающей уголовную ответственность за получение взятки, и не могут квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ². Поддерживая приведенные позиции, отметим, что не все члены избирательных комиссий могут быть признаны субъектами взяточничества в соответствии с прим. 1 к ст. 285 УК РФ. Например, к числу должностных лиц нельзя отнести членов избирательной комиссии с правом совещательного голоса, которые, по существу, выполняют наблюдательные функции и не участвуют в принятии решений, имеющих юридическое значение или влекущих юридические последствия. Вместе с тем особенности должности, занимаемой указанными лицами, на наш взгляд, могут стать основой для признания таковых в качестве субъектов коррупционной преступности в избирательном процессе.

Как пишет И.А. Дамм, целью подкупа лиц, ответственных за обеспечение открытости и публичности избирательного процесса, является предотвращение разглашения ими увиденных фактов фальсификации избирательных документов, итогов

¹ Терещенко Н.В. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 128.

² Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Указ. соч. С. 57.

голосования¹. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, если в процессе избирательной кампании происходит подкуп иностранных (международных) наблюдателей, принимающих участие в наблюдении за избирательными процессами на законных основаниях, то есть аккредитованными ЦИК России, «то можно говорить о проявлении другого негативного социально-политического и правового феномена – международной или транснациональной электоральной коррупции»². Но, несмотря на заявления политтехнологов о том, что подкуп наблюдателей имеет широкое распространение, практика привлечения субъектов таких коррупционных сделок к ответственности на сегодняшний день отсутствует.

Последним видом подкупа в предложенном нами перечне, но далеко не последним по степени общественной опасности, является подкуп представителей средств массовой информации (далее – СМИ). В современном мире масс-медиа выступают важнейшим инструментом социальной и, как следствие, политической коммуникации³. О степени их влияния на процесс формирования политических предпочтений избирателей высказываются противоположные точки зрения. Проведенный А.М. Паликовой обзор наглядно демонстрирует существующую палитру мнений, однако в одном исследователи единодушны: отрицать влияние СМИ на содержание электоральных установок граждан не представляется возможным⁴.

Информационное обеспечение выборов, осуществляемое в виде информирования и агитации, направлено на полноценную реализацию конституционного права граждан на свободный доступ и распространение информации в рамках избирательного процесса. Установленные законом жесткие правила участия СМИ в избирательной кампании призваны гарантировать объективность и свободу волеформирования избирателей. Данное обстоятельство продиктовано тем, что деятельность масс-медиа в период подготовки и проведения выборов имеет значительный девиантогенный потенциал и под влиянием различных коррупционных выгод приобретает

¹ См.: Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 60.

² Кабанов П.А., Райков Г.И. Указ. соч. С. 23.

³ See: Gurevitch, M., & Blumler, J. (2000) Political Communication Systems and Democratic Values. In Doris A. Graber (Ed.), *Media Power in Politics*, pp. 24–35. Washington DC: Congressional Quarterly.

⁴ См.: Паликова А.М. Влияние средств массовой информации на формирование электоральных предпочтений российских избирателей : дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 46.

самостоятельное криминологически значимое содержание. Но существующие средства реагирования на противоправное поведение представителей СМИ не способны обеспечить безопасность электоральных отношений. Как справедливо отмечает И.А. Дамм, «некоторые представители медийного сообщества грубо и систематически нарушают предписания избирательного законодательства», поскольку «зачастую в размер оплаты очевидно агитационных публикаций под видом информационных или аналитических уже заложены риски привлечения к административной ответственности»¹. Подчеркнем, что максимальный размер штрафа, предусмотренного КоАП РФ за нарушение порядка участия СМИ в информационном обеспечении выборов, не превышает 100 000 рублей, в то время как стоимость 30 секунд эфирного времени может достигать 1 500 000 руб.² В подобных условиях актуальной представляется проблема уголовной ответственности за подкуп и «продажность» представителей СМИ в период избирательной кампании.

Деяния представителей коммерческих и государственных СМИ, направленные на причинение вреда общественным отношениям, которые складываются в связи с формированием и обновлением органов государственной и местной власти, на практике квалифицируются как преступления в сфере экономики либо как преступления против государственной власти, без оглядки на принципиально иное качество рассматриваемого объекта охраны³. В литературе неоднократно высказывались предложения о совершенствовании действующего уголовного закона путем специальной криминализации подкупа («продажности») представителей СМИ в ходе избирательной кампании, криминализации злоупотребления свободой массовой информации, выделения отдельной главы, посвященной охране избирательных отношений⁴. Каждый из предложенных вариантов необходим и может быть

¹ Зырянова (Дамм) И.А. Основные формы коррупции в избирательном процессе // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 50.

² См.: Первый канал оценил прайм-тайм по будням для предвыборной агитации дорожке «России-1» [Электронный ресурс] // Газета.RU. URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/09/28/n_2029286.shtml.

³ См.: В отношении главреда ивановского телеканала возбудили уголовное дело [Электронный ресурс] // Коммерсант.RU. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060493>.

⁴ См.: Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 15–16; Климова Ю.Н. Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 175; Толстикова И.Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 179 и др.

реализован в интегрированном виде. Но на сегодня никаких подвижек по совершенствованию механизма уголовно-правовой охраны избирательных отношений от противоправного и основанного на подкупе информационного воздействия, к сожалению, не происходит¹.

Таковы основные формы подкупа как типа коррупционной преступности в избирательном процессе. Приведенный обзор общественно опасных девиаций электро-рального поведения позволяет сделать вывод о несоответствии механизма уголовно-правовой охраны избирательных отношений текущему уровню развития противоправных избирательных технологий. Очевидно, что одной уголовно-правовой нормы, сформулированной с точки зрения объективной стороны состава преступления как воспрепятствование осуществлению избирательных прав, недостаточно, чтобы охватить весь объем коррупционных деяний в избирательном процессе. В контексте избирательных отношений воспрепятствование предполагает нарушение прав граждан на ознакомление со списками избирателей, неисполнение решения избирательной комиссии, несоблюдение порядка предоставления сведений об избирателях и принципов участия СМИ в информационном обеспечении выборов и т.д.² Полагаем, что проникновение коррупции в избирательный процесс и непрерывное развитие данного негативного социального явления на протяжении более чем 25 лет существования современных демократических институтов в Российской Федерации в полной мере подготовило криминологическую основу для выделения подкупа участников избирательного процесса в качестве отдельного состава преступления.

Следующим типом коррупционной преступности в избирательном процессе является **злоупотребление административным ресурсом**. В рамках избирательных отношений термин «административный ресурс» имеет специальное и в большей степени отрицательное значение, несмотря на изначально нейтральную окраску исходных языковых единиц («административный» от лат. глагола *administrare* – управлять,

¹ См.: Акунченко Е.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности представителей СМИ за совершение коррупционных деяний в период избирательной кампании // Енисейские правовые чтения : сб. науч. статей. Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2017. С. 444–446.

² См.: Шевченко Г.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 157.

руководить и «ресурс» от франц. *ressources* – вспомогательное средство¹). Фактически означая совокупность тех или иных управленческих возможностей, «административный ресурс» благодаря высказыванию Д.В. Ольшанского в августе 1995 г. приобрел статус электорального штампа, характеризующего уровень поддержки различных политических сил со стороны госаппарата и региональных властей².

Злоупотребление властью для достижения определенных политических целей также не является новшеством в рамках современного избирательного процесса. Как пишет видный советский историк С.Л. Утченко, в январе 55 г. до н.э. в ходе консульских выборов для того, чтобы не допустить избрания своего непримиримого врага и ставленника олигархической сенатской группировки Луция Домиция Агенобарба, Цезарь вывел на Марсово поле своих солдат. В ходе вооруженного столкновения Агенобарбу пришлось спасаться бегством, а победу на выборах одержали сторонники Цезаря, которые сразу после своего избрания добились продления его полномочий по управлению провинциями еще на пять лет³.

В отечественной науке до настоящего времени не выработан общепризнанный подход к пониманию административного ресурса в избирательном процессе, не сформирована система основных признаков и наиболее типичных форм данного явления, продолжают споры вокруг эффективности существующего механизма его предупреждения. Кроме того, приходится констатировать отсутствие единого терминологического аппарата и наличие различных трактовок коррупционной сущности административного ресурса в силу междисциплинарности последнего. Анализ специальной литературы позволяет выделить как минимум три относительно самостоятельных доктринальных подхода: социально-политический, политико-экономический и формально-юридический.

В рамках первого (социально-политического) подхода административный ресурс рассматривается как инструмент публичного управления, направленный на достижение целей политической системы в условиях ее нестабильности. Он, как неотъемлемый институт дискреционной власти, не несет позитивный или негативный

¹ См.: Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В. Егорова. М.: Аделант, 2014. С. 21, 578.

² См.: Словарь русского публичного языка конца XX века // Коммерсантъ Власть. 2003. № 24. С. 64.

³ См.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь : монография. М.: Мысль, 1976. С. 138.

характер. Как пишет Ю.А. Нисневич, все виды ресурсов публичной власти являются нейтральными в смысле их коррупциогенности, вместе с тем проявления коррупции в избирательном процессе зависят от того, какие конкретные виды этого ресурса и на каких этапах были неправомерно использованы¹. В рамках данного подхода оценка полезности административного ресурса как такового должна проводиться в соотношении с эффективностью государственного управления.

В рамках второго (политико-экономического) подхода административный ресурс понимается как результат монополизации власти, который отражает «влияние экономических факторов на политический выбор и обратное влияние политического фактора на экономику»². С одной стороны, административный ресурс – это накопленная политическая рента (следствие ее присвоения), а с другой – потенциал политика, позволяющий ему получать политическую ренту в будущем (предпосылка ее получения)³. Как отмечает В.Л. Римский, «выборы превращаются в конкуренцию за доступ к административному ресурсу, который даже руководители крупного бизнеса вынуждены покупать за свои деньги, потому что иначе никакими вложениями финансовых и других ресурсов они не в состоянии обеспечить победы на выборах своим кандидатам и политическим партиям»⁴. Административный ресурс в данном случае – это ресурс для принятия необходимых управленческих решений в период организации и проведения выборов, который может быть использован как для достижения политического результата в интересах действующей власти, так и без ущерба для нее монетизирован.

Безусловно, данные подходы имеют важное значение для концептуального познания сущности административного ресурса как многогранного междисциплинарного явления. Но его преломление сквозь призму избирательного процесса сообразно предмету нашего исследования обуславливает пристальное внимание к третьему

¹ Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 53.

² Шульгин С.Г. Влияние рентоориентированного поведения на политические деловые циклы : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. С. 89.

³ См.: Нуреев Р.М., Шульгин С.Г. Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления // Terra Economicus. 2006. № 3. С. 33.

⁴ Римский В.Л. Административный ресурс на федеральных выборах 2003–2004 годов [Электронный ресурс] // Интернет-мониторинг выборов 2003–2004 годов в России : в 2-х томах. М.: ИНДЕМ, 2004. Т. 2: Проблемы российских выборов. URL: http://www.indem.ru/idd2000/conf/4/Predlojeniya/Admin_Rim.htm.

(формально-юридическому) подходу, поскольку именно в рамках него возможно в достаточной степени оценить общественную опасность нецелевого использования преимуществ служебного положения и, как следствие, представить административный ресурс в качестве объекта правового воздействия.

Слаженное администрирование электоральных процедур в целях предоставления преимуществ провластным кандидатам и избирательным объединениям вопреки принципам справедливых выборов нивелирует социальное значение демократической избирательной системы. Как пишет Р.С. Смищенко, административный ресурс – это определенное свойство власти, позволяющее получать специфические преимущества при использовании любого вида ресурсов, тогда как злоупотребление данным ресурсом – это «использование властных полномочий легальным или нелегальным образом, создающее прямые или косвенные препятствия для политических конкурентов и нарушающее права избирателей»¹. Такой подход к целеполаганию видится нам прогрессивным, так как акцент на противоправном ограничении политической конкуренции позволяет рассмотреть данную категорию не только с точки зрения теории политического менеджмента, но также с позиции юридического состава злонамеренного использования административного ресурса в избирательном процессе.

Формализация общественных отношений, образующих содержание административного ресурса в избирательном процессе, в целях организации надлежащего предупредительного воздействия требует определения признаков правонарушения, совокупность которых позволяет различить правомерное и противоправное электоральное поведение. Однако это вызывает определенные сложности. Как пишет А.Е. Чуклинов, «понятие административного ресурса здесь настолько "неуловимо", что в большинстве случаев почти невозможно привлечь должностное лицо к уголовной ответственности за его использование, причем вовсе не в силу пресловутого несовершенства российской правовой системы. Большую роль играет двусмысленность и неопределенность признаков данного правонарушения»². Признавая обоснованность

¹ Смищенко Р.С. Использование административного ресурса в избирательных кампаниях в Российской Федерации // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2. С. 277.

² Чуклинов А.Е. Административный ресурс: проблемы управленческого метода [Электронный ресурс] / А.Е. Чуклинов // Отечественные записки. 2004. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru>.

указанных опасений, отметим, что современное развитие теоретических представлений о коррупции в целом и о коррупции в избирательном процессе в частности позволяет говорить о полноценном межотраслевом характере рассматриваемого явления, которое выходит далеко за рамки предмета уголовного права и, как следствие, потенциально выражается не только в качестве преступного, но и иного противоправного поведения. Более того, деяния, обладающие признаками коррупции, распространены в «серых» отраслях правового регулирования и представляют собой коррупционное злоупотребление правом. Злоупотребление административным ресурсом, таким образом, создает угрозу для реализации базовых демократических принципов, среди которых выборность и, как следствие, сменяемость органов власти на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права.

Е.А. Панфилова и С.Н. Шевердяев справедливо полагают, что феномен злоупотребления административным ресурсом неразрывно связан с институтом злоупотребления должностными полномочиями¹. С позиции одноименного состава преступления указанное деяние представляет собой посягательство на регламентированную нормативными актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований, в результате которого существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства².

Вместе с тем, как отмечают сами авторы, фактически злоупотребление административным ресурсом проявляется не только в деяниях должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, но и в деяниях лиц, осуществляющих управленческие функции в рамках деятельности негосударственных хозяйствующих субъектов, в том числе некоммерческих организаций. Поскольку в последнем случае корпоративно-управленческий ресурс таких лиц в строгом смысле

¹ См.: Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М.: Де Ново, 2005. С. 8

² См.: О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

не является административным, то эквивалентным и более точным следует считать термин «неправомерное использование управленческих средств»¹. Следовательно, с позиции уголовного права злоупотребление административным ресурсом в избирательном процессе в зависимости от признаков субъекта преступления может быть квалифицировано как злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) или как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), в том числе превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

В целом поддерживая данный подход, укажем, что он нуждается в расширении. В этом аспекте важным также представляется мнение А.Е. Чуклинова, который обращает внимание на нетождественность понятий «система должностных полномочий» и «административный ресурс»: «Говоря о системе полномочий, следует рассматривать только тот их объем, который предусмотрен соответствующими нормативно-правовыми актами без учета сомнительных нюансов, возникающих в процессе государственного администрирования. Вводя же в оборот категорию "административный ресурс", мы изначально подразумеваем возможность использования теми или иными властными субъектами различного рода преимуществ, которые неизбежно существуют у любого носителя власти. Именно эти преимущества способны выступить в роли катализатора политических процессов, кнута или пряника в области взаимодействия должностных лиц и властных структур с различными сферами в государстве»².

По мнению А.Ю. Бузина более корректным следует считать термин «административные избирательные технологии», т.е. технологии влияния действующих властных структур на результаты выборов с целью сохранения своей власти. Акцент именно на технологиях, а не на ресурсе как таковом, подчеркивает, что последний зачастую имеет нематериальную форму: «Информация, которой владеет власть, да и само наличие иерархической административной структуры представляет собой административный ресурс, но – в широком смысле этого слова»³. Поскольку традиционно

¹ Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н. Указ. соч. С. 3.

² Чуклинов А.Е. Административный ресурс как специфическая форма политической коррупции : спец. учебный курс. Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2004. С. 18–19.

³ Бузин А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М.: Панорама, 2007. С. 65.

в доктрине уголовного права под должностным положением понимается не только соответствующий объем полномочий должностного лица, но также и авторитет занимаемой им должности, следует признать, что административный ресурс несколько шире, нежели система должностных полномочий субъекта избирательного процесса.

Рассматривая административный ресурс как одну из основных форм коррупции в избирательном процессе, И.А. Дамм понимает под ним «использование лицами или кандидатами, замещающими государственные или выборные муниципальные должности, находящимися на государственной (гражданской, военной, правоохранительной) или муниципальной службе либо являющимися членами органов управления организаций независимо от формы собственности, преимуществ своего должностного или служебного положения»¹. Здесь мы также видим широкий подход к пониманию административного ресурса в избирательном процессе, включающий в качестве объективной стороны противоправное использование преимуществ должностного (служебного) положения, а в качестве субъекта – представителей как государственных (муниципальных), так и негосударственных органов и организаций.

Другой подход к пониманию данного типа преступности в избирательном процессе предлагают П.А. Кабанов и А.П. Свигузова. Используя термин «электоральное злоупотребление властью», авторы обозначают им «противоправное деяние или деятельность должностного лица или группы должностных лиц с использованием властных полномочий, направленные путем влияния через подчиненных и подконтрольных им людей на ход и результаты избирательного процесса с целью сохранения личной или групповой (партийной либо клановой) власти либо её неправомерного распределения в обществе или федеральных, региональных или муниципальных властных институтах»² и выводят его за рамки проявлений коррупции в избирательном процессе. Признавая теоретическую значимость приведенного определения, укажем его главное преимущество, которое раскрывает один из существенных признаков злоупотребления административным ресурсом как противоправного деяния, – цель подобных действий (бездействия). Заметим также, что указанными

¹ Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 65.

² Кабанов П.А., Свигузова А.П. Электоральное злоупотребление властью как криминологическая категория и ее содержание // Следователь. 2009. № 3. С. 63–64.

политическими целями потенциально может быть обусловлено поведение иных субъектов избирательного процесса, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, например, в негосударственном градообразующем предприятии. Мобилизация работников этого предприятия для участия в выборах может повлечь существенное нарушение избирательных прав, однако, исходя из объема приведенного определения, такие деяния не будут отнесены к числу электоральных злоупотреблений.

Аргументом в пользу более широкого подхода следует признать и существующую систему уголовно-, административно- и конституционно-правовых санкций, направленных на защиту избирательных прав граждан от противоправного использования административного ресурса. Как мы помним, к основным характерным чертам коррупции в избирательном процессе, помимо общеродовых, свойственных любым коррупционным деяниям, относятся особая сфера существования, специальный субъект, использование таковым своего статуса (положения) и специальная цель. Наличие в составе противоправного деяния указанных признаков позволяет признать его в качестве коррупционного и дает основания для применения соответствующих мер правового воздействия.

На сегодняшний день статьи Уголовного кодекса РФ, устанавливающие запрет на противоправное использование административного ресурса, можно подразделить на три группы. К первой относятся общие составы коррупционных преступлений, объективная сторона которых выражается в злоупотреблении или превышении должностных (служебных) полномочий (ст. 285 и ст. 286 УК РФ), а также в злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ). При наличии определенных условий указанные преступления могут совершить субъекты избирательного процесса, обеспечивающие организацию и проведение выборов либо принимающие в них непосредственное участие. Вместе с тем на момент проведения настоящего исследования случаи возбуждения уголовных дел по данным статьям электоральной практике не известны.

Ко второй группе относятся специальные составы коррупционных преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, а

квалифицирующим признаком объективной стороны – использование субъектом преступления своего (должностного) служебного положения. В числе таковых деяния, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹ и ч. 1 ст. 142² УК РФ. Приведем следующие примеры из судебной практики.

Приговором Олонецкого районного суда и.о. главы администрации одного из муниципальных образований Республики Карелия признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ. Заведомо зная о решении представительного органа местного самоуправления о назначении досрочных выборов главы муниципального образования и получив от председателя территориальной избирательной комиссии информацию о объеме денежных средств, необходимых для обеспечения работы данной избирательной комиссии по подготовке и проведению выборов, и.о. главы администрации, желая не допустить проведения досрочных выборов главы муниципального образования и тем самым продлить время своего пребывания в должности, бездействовал, не выполняя полномочия по финансовому обеспечению работы территориальной избирательной комиссии, чем воспрепятствовал осуществлению избирательных прав граждан¹.

В качестве примера воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан в форме действия следует привести преступление, совершенное главой Уярского района Красноярского края. Глава муниципального образования М., действуя из иной личной заинтересованности и желая продлить срок своего пребывания в должности, издал распоряжение о прекращении деятельности избирательных участков и демонтаже соответствующего оборудования накануне второго тура досрочных выборов главы данного муниципального образования. Получив распоряжение, руководители учреждений, на территории которых были размещены избирательные участки, под угрозой персональной ответственности за его невыполнение распорядились закрыть помещения для голосования. Всего из-за преступных действий М. проведение второго тура досрочных выборов главы муниципального образования было сорвано на 20 избирательных участках².

¹ Приговор Олонецкого районного суда Республики Карелия от 15 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YGU1TQuboygT>.

² Приговор Уярского районного суда Красноярского края от 23 ноября 2004 г. // Архив Красноярского краевого суда.

Приговором Шебалинского районного суда Республики Алтай глава муниципального образования признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 141 УК РФ. В судебном заседании установлено, что В., являясь должностным лицом, неоднократно вмешивался в деятельность окружной избирательной комиссии по одномандатному избирательному округу, а именно требовал и давал указания членам избирательной комиссии не регистрировать Н. кандидатом в депутаты Государственного Совета Республики Алтай. Действуя из иной личной заинтересованности и желая, чтобы его заместитель был избран депутатом Государственного Совета, осознавая, что председатель комиссии является его подчиненным по службе, вызвал его в свой кабинет и в устной форме потребовал обеспечить голосование членов комиссии против Н. и не регистрировать его в качестве кандидата, угрожая в противном случае уволить председателя комиссии с основного места работы¹.

Злоупотребление административным ресурсом со стороны должностных лиц местного самоуправления является наиболее распространенным, однако это не свидетельствует о том, что подобного рода деяния свойственны только уровню муниципальных выборов. В силу упомянутой латентности коррупционной преступности в избирательном процессе выявление противоправных деяний, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹ и ч. 1 ст. 142² УК РФ, на федеральном и региональном уровне требует не только высокой квалификации, но и значительных усилий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Не случайно, что на сегодня основные усилия по борьбе с коррупционными преступлениями сосредоточены именно на выявлении малозначительных преступлений².

К третьей группе следует отнести составы коррупционных преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса и его участниками, но основным непосредственным объектом которых являются иные общественные отношения: ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения); ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение и растрата, совершенные лицом

¹ Приговор Шебалинского районного суда Республики Алтай от 24 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-shebalinskij-rajonnyj-sud-respublika-altaj-s/act-426512397>.

² Илий С.К. Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 541.

с использованием своего служебного положения); ст. 292 УК РФ (служебный подлог). Рассмотрим примеры из судебной практики.

Председатель участковой избирательной комиссии М., используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, а также свой авторитет, как председателя комиссии, обманным путем (введя потерпевших членов комиссии в заблуждение) сообщила, что выборы депутатов на данном участке прошли с нарушениями, поэтому потерпевшим дополнительная оплата труда, а также дополнительная оплата за активную работу (выплата премии) по организации и проведению выборов положены в меньшем размере. После чего, изготовив отчетные и платежные документы, М. собственноручно подделала в них подписи потерпевших и похитила денежные средства в размере разницы невыплаченных и обоснованно положенных к выплате, тем самым причинив материальный ущерб на общую сумму 21 823 руб. 30 коп. Приговором Саткинского городского суда Челябинской области М. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ¹.

Являясь председателем участковой избирательной комиссии, Х. совершила присвоение с использованием своего служебного положения при следующих обстоятельствах. Будучи должностным и материально ответственным лицом, желая присвоить денежные средства, выданные ей для выплаты компенсаций и дополнительной оплаты труда членам участковой избирательной комиссии К., С. и Н., достоверно зная, что последние как члены участковой избирательной комиссии фактического участия в ее работе не принимали и не претендовали на вознаграждение, желая оставить в личном распоряжении выделенные денежные средства, обеспечила подделку подписей в расчетно-платежных ведомостях от имени К., С. и Н. неустановленными лицами, после чего денежные средства, предназначенные для выплаты компенсаций и дополнительной оплаты труда, присвоила, т.е. похитила и распорядилась ими по своему усмотрению. Приговором Октябрьского районного суда г. Орска Х. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ².

¹ Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 10 мая 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lky9D79Rrfd8>.

² Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области от 4 дек. 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2ITFDywb6T6O>.

Председатель участковой избирательной комиссии М. в период с 5 по 19 сентября 2016 г. использовала 2000 руб. из ранее выданных ей под отчет 5000 руб. на заправку топливом автотранспортных средств, используемых при проведении выборов. Оставшиеся денежные средства М. потратила в личных целях на приобретение продуктов. Не желая возвращать потраченные денежные средства, используя свое служебное положение, М. изготовила официальный подложный документ (расходный кассовый ордер), содержащий сведения о том, что А. получил от М. денежные средства в сумме 5 000 руб. за аренду автомобиля в период проведения выборов. Решением Базарно-Карабулакского районного суда Саратовской области М. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК РФ¹.

Злоупотребление служебным положением председателями избиркомов – широкораспространенное коррупционное деяние в избирательном процессе, которое по содержанию мотивации преступного поведения и размеру коррупционной выгоды опустилось на уровень «бытовой» коррупции. Зачастую в доктрине эти виды коррупционных преступлений в избирательном процессе не рассматриваются в рамках категории «административный ресурс», что, на наш взгляд, представляется упущением. Функциональная связь между названными группами преступлений заключается в том, что толерантные к коррупционному поведению члены избирательных комиссий при повышении своего статуса начинают наполнять коррупционным содержанием новые профессиональные связи. Тем самым рассмотрение злоупотребления административным ресурсом в качестве типа коррупционной преступности в избирательном процессе должно осуществляться с учетом как специальных, так и общих составов преступлений.

В отличие от норм уголовного права, охрана избирательных отношений от противоправного использования административного ресурса в рамках административного и конституционного права построена вокруг категории «использование преимуществ должностного или служебного положения». Перечень деяний, составляющих ее содержание, определен в п. 5 ст. 40 Федерального закона «Об основных

¹ Приговор Базарно-Карабулакского районного суда Саратовской области от 21 фев. 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/BJaIYG4QqM5l>.

гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и является закрытым.

Практика привлечения лиц, использующих преимущества должностного или служебного положения при проведении избирательной кампании, не отличается многообразием. Как отмечает О.В. Роньжина, в первую очередь, это связано с тем, что в подавляющем большинстве случаев суды принимают сторону должностных лиц и не усматривают в их действиях использования административного ресурса. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что доказать использование преимуществ должностного или служебного положения удастся в исключительных случаях. Наибольшую сложность, по мнению данного автора, составляет доказывание агитационной цели, которая должна присутствовать в действиях лица, выполняющего свои публичные функции: «При рассмотрении спорных ситуаций суды не принимают во внимание тот факт, что степень информационной активности депутата, зарегистрированного в качестве кандидата, в течение избирательной кампании возрастает в несколько раз по сравнению с аналогичным временным промежутком в межвыборный период»¹.

Нарушение запрета на использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании выступает основанием для привлечения лица к административной и конституционно-правовой ответственности. В соответствии со ст. 5.45 КоАП РФ использование лицом, замещающим государственную или муниципальную должность, либо находящимся на государственной или муниципальной службе, либо являющимся членом органа управления организации независимо от формы собственности (в организации, высшим органом управления которой является собрание, – членом органа, осуществляющего руководство деятельностью этой организации), за исключением политической партии, преимуществ своего должностного или служебного положения в целях выдвижения и (или) избрания кандидата, списка кандидатов влечет наложение административного штрафа в размере от 3 000 до 5 000 руб.

¹ Из выступления О.В. Роньжиной на пленарном заседании III Сибирского антикоррупционного форума. Цит. по: *Акунченко Е.А., Дамм И.А., Щедрин Н.В.* Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 1. С. 49–71.

Меры конституционно-правовой ответственности за использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании посвящены идентификации и обезвреживанию сбоев в публичном политическом порядке и направлены на то, чтобы обеспечить легитимность выборов¹. Основными негативными последствиями для виновного лица, в данном случае в соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», выступают отказ в регистрации кандидата (пп. «л» п. 24 ст. 38), списка кандидатов (пп. «к» п. 25 ст. 38), исключение кандидата из заверенного списка кандидатов (пп. «г» п. 26 ст. 38), отмена регистрации кандидата (пп. «в» п. 7 ст. 76), списка кандидатов (пп. «в» п. 8 ст. 76), отмена решения избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов (пп. «г» п. 2 ст. 77). Несмотря на развитую систему конституционно-правовых санкций, направленных на обеспечение безопасности избирательных отношений от проявлений неправомерного использования административного ресурса, говорить о накоплении базы эмпирических данных, достаточных для выявления статистических закономерностей, не представляется возможным².

Многообразие форм и видов данного явления обусловлено его сложной природой, находящей отражение в предметах множества социальных и гуманитарных наук. Общественная опасность активного использования административного ресурса заключается в нарушении фундаментального для российской правовой системы принципа равноправия граждан. Но, полагаем, злоупотребление властью в избирательном процессе не столько отражается на реализации субъективных прав конкретных участников выборов, сколько деформирует саму систему государственного управления и, тем самым, лишает народ возможности формировать органы власти сообразно принятым им в 1993 г. демократическим ценностям.

Полагаем, что построение эффективной системы мер предупреждения злоупотребления административным ресурсом должно учитывать системный характер

¹ См.: *Шевурдяев С.Н.* Развитие понятия использования преимуществ должностного или служебного положения в российском избирательном законодательстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 4. С. 49.

² См.: *Шин А.Г.* Конституционно-правовая ответственность кандидатов в депутаты или на выборные должности за использование на выборах преимуществ своего должностного (служебного) положения : монография. Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2013. С. 56–57.

данного типа коррупционной преступности в избирательном процессе. Как справедливо отмечают Е.А. Панфилова и С.Н. Шевердяев, в системе злоупотребления административным ресурсом можно выделить два уровня – политический и технический: «Политический уровень злоупотреблений связан с выработкой политической воли, стратегии злоупотреблений, а также передачей соответствующих указаний следующему уровню – техническому, на котором происходит собственно практическая и конкретная реализация злоупотребления служебным положением»¹. Примером злоупотреблений на политическом уровне являются законодательные инициативы, которые направлены на создание преимуществ кандидатам, поддерживаемых действующей властью (ограничение политической конкуренции, перенос дня голосования в целях естественного повышения или понижения явки избирателей и др.). Примером злоупотреблений на техническом уровне являются нарушения норм избирательного законодательства в целях достижения политического результата «на местах» (противоправный отказ в регистрации, фальсификация избирательных документов и др.).

Предложенная система злоупотребления административным ресурсом в избирательном процессе имеет большой познавательный потенциал. Вместе с тем, на наш взгляд, основанием для выделения уровней злоупотребления является не только характер деяний, но и содержательное наполнение их целей. Поскольку любая система одновременно существует как целое и как часть, политический и технический уровни злоупотребления административным ресурсом можно представить в виде вышестоящей и нижестоящей систем соответственно. По мнению специалистов, главная (объективная) цель системы как целого – самосохранение. Но, будучи частью вышестоящей системы, она выполняет определенную функцию, от чего зависит сохранение вышестоящей системы. Следовательно, у каждой системы есть и вторая (функциональная) цель – сохранение вышестоящей системы². Тем самым на уровне вышестоящей системы формирование соответствующей политической воли и ее трансляция по вертикали власти направлены на приобретение, сохранение и расширение политического влияния, а также его монетизацию. В свою очередь, на

¹ Панфилова Е.А., Шевердяев С.Н. Указ. соч. С. 5.

² См.: Мехонцева Д.М. Самоуправление и управление (вопросы общей теории систем) : монография. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. С. 18–44.

уровне нижестоящей системы исполнение политической воли объективно связано с целью самосохранения, которая далеко не всегда соотносится с действительным содержанием политического курса. В политологии по аналогичным основаниям выделяются политическая коррупция (уровень выработки политики) и бюрократическая коррупция (уровень имплементации политики)¹.

Мотив реализации «команды сверху» на техническом уровне и выработка такой команды на политическом уровне действительно связаны с групповыми политическими интересами. Но последние основываются скорее не на единых политических идеалах, а на системе бюрократической «круговой поруки». Иными словами, истинный мотив противоправного поведения «на местах» в целом заключается в гарантировании сохранения или улучшения своего должностного статуса². Несмотря на взаимозависимость функциональных и объективных целей, самосохранение, очевидно, является приоритетной. Проходя витиеватый путь до непосредственных исполнителей, политическая воля может деформироваться под влиянием иной личной заинтересованности региональных и местных чиновников и, как следствие, превратиться в административный императив, лишенный политической окраски. Более того, с учетом влияния иных социально-демографических и экономических факторов (интересы финансово-промышленных групп на определенной территории, гомогенность электората и др.) достижение целей вышестоящей системы может встретить существенное противодействие со стороны местных политических элит и оказаться неосуществимой. Это подтверждает не столько системно-структурный характер злоупотребления административным ресурсом, сколько явную нестабильность основанной на нем системы управления, которая в равной степени свойственна как для публичных, так и для частноправовых образований.

Поэтому эффективность системы мер предупреждения злоупотребления административным ресурсом будет зависеть от адекватности реагирования на его проявления как на политическом, так и техническом уровне. Мы сколько угодно можем повышать открытость деятельности избирательных комиссий в период организации

¹ См.: Квон Д.А. Политическая коррупция: понятие, цели, субъекты // Власть. 2015. № 7. С. 46.

² Панфилова Е.А., Шевурдяев С.Н. Указ. соч. С. 6.

и проведения выборов, внедрять передовые информационные технологии для обеспечения контроля за процедурами голосования и подсчета голосов. Но до тех пор, пока в законодательстве не будут разработаны правовые средства, ограничивающие возможности злоупотребления административным ресурсом на политическом уровне, мы не сможем исключить из электоральной практики банальные «вбросы» и иные «технические» проявления этого типа коррупционной преступности в избирательном процессе.

Последний тип коррупционной преступности в избирательном процессе – **незаконное финансирование избирательной кампании**. Финансирование представляет собой важный элемент обеспечительной системы избирательного процесса. Действия, относящиеся к нему, осуществляются на всех стадиях избирательного процесса и гарантируют проведение избирательной кампании с материальной точки зрения¹.

Структурно финансирование выборов состоит из двух базовых элементов. С одной стороны, это финансирование организации и проведения избирательной кампании, на которую, в зависимости от уровня выборов, тратятся значительные бюджетные средства (в большей степени на оплату труда членов избирательных комиссий, изготовление печатной продукции, связь, транспорт, приобретение и обслуживание средств автоматизации голосования и подсчета голосов, средств объективного контроля на избирательных участках и др.). С другой – это финансирование избирательной кампании кандидата или избирательного объединения, в ходе которого львиная доля перечисляемых средств расходуется на проведение предвыборной агитации².

В науке и практике применительно к финансированию избирательной кампании кандидата (избирательного объединения) – финансированию выборов в субъективном смысле – предложено несколько оснований для классификации. Важное для нашего исследования значение имеет выделение публичного и частного

¹ См.: Головин А.Г. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : курс лекций. М.: Норма, 2016. С. 211.

² См.: Об Отчете Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о расходовании средств федерального бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов Президента Российской Федерации, и Сведениях о поступлении средств в избирательные фонды кандидатов на должность Президента Российской Федерации и расходовании этих средств [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 160/1311-7 // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/40049>.

финансирования. Как отмечает В.В. Вискулова, «от удачного нормативного закрепления пропорционального соотношения публичного и частного начал в субсидировании избирательных действий зависит успешность решения одного из основных вопросов современной демократии: как при ограниченности бюджетных средств в условиях возрастающей стоимости выборов создать такие условия частного финансирования избирательных кампаний, при которых бы на индивидуальные взносы не покупалось политическое влияние, создавались бы равные правовые условия для партий и кандидатов с разным уровнем финансовых возможностей»¹.

До 1993 г. в Российской Федерации выборы финансировались исключительно из государственного бюджета. Возможность частного финансирования не допускалась, и оно служило основанием для признания результатов выборов недействительными. Однако затем, в связи с кардинальным изменением социальных, политических и экономических условий, было установлено следующее правило: финансирование мероприятий, связанных с выборами, осуществляется за счет средств соответствующего бюджета; вместе с тем для финансирования избирательной кампании кандидаты, избирательные объединения вправе использовать собственные средства и добровольные пожертвования граждан и юридических лиц².

В основе общественной опасности незаконного финансирования избирательной кампании лежит именно противоречие между публичным и частным началом. В законодательстве о выборах установлены строгие правила частного финансирования, которыми ограничены объем и источники денежных средств. Таковым предан целевой характер, для осуществления контроля за их расходованием созданы контрольно-ревизионные службы при избирательных комиссиях различного уровня. Подобные ограничения призваны создать равные условия для реализации пассивного избирательного права, по большей части не зависящего от финансового благополучия потенциальных кандидатов. Однако эти ограничения, а также недостатки нормативного и правоприменительного обеспечения выборов обуславливают привлечение значительных материальных средств за пределами электорального правопорядка.

¹ Вискулова В.В. Финансирование федеральных выборов в России: соотношение публично-правового и частного начал (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3.

² См.: Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс в 2 т. М.: Норма, 2014. Т. 2. С. 207.

А.А. Ганихин указывает на то, что финансирование любой избирательной кампании, проводимой с целью победы или «раскрутки» кандидата на выборах, осуществляется из двух видов источников:

- официальная часть, т.е. в пределах установленного законом размера избирательного фонда;
- неофициальная часть, составляющая 95–97 % от общего объема задействованных в кампании денежных средств¹.

Частное финансирование выступает предпосылкой коррумпированности выборов и выборных органов власти². Как отмечает О.В. Романенко, «на практике финансирование политических партий и выборов нередко приобретает характер "политических инвестиций" и является одной из причин развития политической коррупции, олигархизации и криминализации власти, опасность которых трудно переоценить»³. Кроме того, незаконное финансирование избирательных кампаний выступает условием для совершения многих коррупционных правонарушений и преступлений. Такие финансовые ресурсы «используются в качестве "черного нала" для оплаты оказываемых кандидату в период избирательной кампании услуг или подкупа избирателей. Как правило, эти средства приобретены кандидатом (поддерживающим его структурами) незаконным (а зачастую даже преступным) путем»⁴.

Финансирование избирательных кампаний на сегодняшний день не перестает быть актуальной темой. «Изучение роли денег в политике – по-видимому, самое замкнутое на практику направление политической науки – в последние десятилетия активно развивается», – справедливо отмечает С.Н. Пшизова⁵. Однако, как и предыдущие типы коррупционной преступности, его возникновение не стоит считать достижением современности. В числе агитационных приемов древнеримской электоральной

¹ См.: Ганихин А.А. Легализация (отмывание) «грязных» денег и избирательные кампании // Мир юстиции. 2003. № 1. С. 20.

² См.: Авакьян С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 5. С. 32.

³ Романенко О.В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3.

⁴ Ганихин А.А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 50.

⁵ Пшизова С.Н. Финансирование политического рынка: теоретические аспекты практических проблем (I) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 18–30.

практики следует выделить появление кандидата в общественных местах в сопровождении «группы поддержки», наличие и величина которой свидетельствовали о его благочестии и популярности среди народа. По свидетельству Плутарха, в период баллотировки Катона Младшего на должности квестора (а затем и претора) его сопровождали пятнадцать рабов, два вольноотпущенника и четверо друзей. Стремясь увеличить число таких лиц, кандидаты устраивали для них пышные банкеты, предоставляли им места на играх, наконец, просто платили деньги¹. Поскольку число подобных нарушений только росло, не позднее 62 г. до н.э. в целях минимизации финансовых злоупотреблений был принят так называемый Закон Фабия, который ограничивал число лиц, сопровождавших кандидата на общественную должность (*de numero sectatorum*)².

Незаконное финансирование избирательных кампаний сопровождает институт демократических выборов с момента его зарождения в современной России. Ставшая политическим мемом «коробка из-под ксерокса» сегодня служит напоминанием об уровне циничности, с которым проводилась незаконная финансовая поддержка предвыборной агитации и «грязных» избирательных технологий в 90-е годы. Поэтому неслучайно, что данное проявление коррупционной преступности в избирательном процессе с течением времени получило уголовно-правовую оценку. В июле 2003 г. в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 141¹, которая установила уголовную ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума.

Данная норма не раз выступала объектом критики как ученых, так и практиков. В частности, исследователи отмечают ее излишнюю казуистичность, бланкетный характер, а также несоответствие квалифицирующих признаков состава степени общественной опасности преступного деяния, что делает рассматриваемую норму неэффективной. «Наличие квалифицирующего признака "особо крупного размера"

¹ См.: Гусева О.Ю. Развитие антикоррупционного избирательного законодательства в Древнем Риме в V–I вв. до н.э. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 127–128.

² См.: Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Фальсификации и правонарушения в древнеримской электоральной культуре // Закон и право. 2015. № 2. С. 43.

(более 10 процентов от предельного размера избирательного фонда) практически невозможно доказать, т.е. незаконное финансирование происходит, но возбудить и довести до суда уголовное дело представляется крайне затруднительным. При этом административное наказание не столь адекватно совершенному правонарушению»¹.

Развитие механизма уголовно-правовой охраны избирательных отношений от угроз, связанных с незаконным финансированием избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, имеет индуктивный характер и идет по пути криминализации отдельных проявлений данного типа коррупционной преступности в избирательном процессе по мере их практической актуализации. По нашему мнению, причиной тому является недостаточная теоретическая разработанность вопросов незаконного финансирования выборов и отсутствие комплексной криминологической характеристики представленного явления.

Фундаментом незаконного финансирования избирательной кампании является привлечение (использование) материальных ценностей вопреки установленному законом порядку финансового обеспечения выборов. К основным видам незаконного финансирования избирательной кампании, по мнению О.В. Зайцевой, относятся:

- теневое финансирование в обход избирательных фондов;
- превышение предельных размеров избирательных фондов;
- формирование избирательных фондов из запрещенных источников².

Поддерживая данную классификацию, отметим, что противоправные деяния кандидатов, политических партий и их спонсоров могут быть обособлены в рамках двух более абстрактных групп: действия, связанные с незаконным формированием и оборотом средств соответствующего избирательного фонда, а также действия, осуществляемые за рамками правового режима избирательного фонда. Если первая группа деяний обусловлена потребностью в легализации материальных ценностей для проведения избирательной кампании, то вторая преимущественно направлена

¹ Какителашвили М.М. Финансирование избирательных кампаний и уголовная ответственность за его нарушения // Криминологическая ситуация и реагирование на нее : сб. науч. трудов / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. С. 82.

² См.: Зайцева О.В. Грязные избирательные технологии и коррупция // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2004. С. 19.

на финансирование иных противоправных деяний. Общественная опасность второй группы правонарушений, на наш взгляд, существенно выше, поскольку их совершение не встречает препятствий в виде деятельности контрольно-ревизионных служб. Подобной точки зрения придерживается и А.Е. Помазанский: «Основной объем нарушений [установленного законом порядка финансирования выборов] связан с финансированием избирательной кампании в обход избирательного фонда, поскольку такой вид нарушения, как превышение предельного размера расходования средств избирательного фонда, достаточно легко выявляется как избирательными комиссиями, так и судами в ходе судебного разбирательства. <...> Те немногочисленные случаи, когда удается установить факты незаконного финансирования на выборах, не получают судом должной правовой оценки»¹. Данное обстоятельство также подтверждается материалами судебной практики. Проведенный нами анализ материалов 14 дел об административном правонарушении по ст. 5.17 КоАП РФ (непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов), постановления по которым вынесены на территории Красноярского края в 2013–2018 гг., свидетельствует о том, что к ответственности, как правило, привлекаются кандидаты и избирательные объединения, допустившие технические нарушения или не представившие итоговый финансовый отчет в силу того, что их регистрация в период избирательной кампании была отменена.

Потенциальный вред от участия теневого капитала в процессе ведения избирательной кампании кандидата (избирательного объединения) трудно переоценить. Наличие неограниченных материальных и финансовых ресурсов открывает широкие возможности для незаконного финансирования «грязных» избирательных технологий. Полученное при этом конкурентное преимущество создает основу для прихода к власти коррумпированных лиц, осуществляющих продвижение интересов своих жертвователей в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности. Перечень спонсоров в данном случае является достаточно объемным. Мировой опыт

¹ Помазанский А.Е. Ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании в законодательстве о выборах // Журнал российского права. 2007. № 2. С. 126.

показывает, что существует четыре группы людей, которые обычно дают деньги на политические кампании: друзья и родственники кандидатов; идейные сторонники; те, кто считает, что этот кандидат победит; те, кто чего-то хотят от кандидата¹. И если участие первых трех групп в процессе частного финансирования избирательной кампании кандидата (избирательного объединения) отражает принципиальную основу института демократических выборов, то оценка четвертой категории субъектов в большинстве случаев имеет негативный оттенок. Преимущественно за ней скрываются представители криминального мира, ищущие возможность легализовать свое положение и гарантировать безопасность с помощью системы должностных иммунитетов. «В условиях предвыборной ситуации криминалитет всегда активизирует свое влияние на правоохранительную систему, для чего расходуются значительные финансовые ресурсы, применяются различные методы, начиная от подкупа и до открытого или завуалированного шантажа», – подчеркивает Е.Е. Тонков².

Активно используют инструменты незаконной материальной поддержки кандидатов различные финансово-промышленные группы. Их интерес вызван созданием на федеральном и региональном уровнях благоприятных условий в отношении подконтрольных сфер хозяйственной деятельности. «Коалиция исполнительной власти и финансово-промышленных групп, причем желательно нескольких, позволяет кандидату в губернаторы провести успешную кампанию и при необходимости задействовать финансовый ресурс ФПГ для стабилизации социально-экономической обстановки в случае кризисных явлений»³. Лишь в исключительных случаях обладающий необходимыми материальными ресурсами кандидат в состоянии независимо участвовать и побеждать в крупных избирательных кампаниях. Как отмечает С.Ю. Барсукова, «в современной России теневая экономика и теневая политика неразрывно связаны. Они воспроизводят друг друга. Экономические агенты "теневируют" политику, покупая места во властной иерархии, продвигая своих людей на выборах и финансируя

¹ См.: *Климова Ю.Н.* Подкуп избирателей и антикоррупционная электоральная политика // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом : сб. науч. трудов / Под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 190–191.

² *Тонков Е.Е.* Коррупция как признак криминализации власти // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 55.

³ *Гращенко И.А., Мейер М.М.* Фактор влияния финансово-промышленных групп на региональную политику // Власть. 2016. № 7. С. 86.

политические партии. В свою очередь, политика "теневирует" экономику, используя ее в качестве финансового источника реализации политических проектов. При этом речь идет не о сращивании теневой экономики и теневой политики как двух негативных, но автономных явлений, а об их взаимообусловленности. Теневая экономика и теневая политика не существуют в России порознь; они представляют собой две стороны единого процесса восстановления властной иерархии как основного принципа распределения экономических возможностей»¹.

Общественная опасность незаконного финансирования избирательной кампании выражается в потенциально возможной реализации сценария «захват власти». Это наглядно иллюстрирует один из немногих примеров привлечения к уголовной ответственности по ст. 141¹ УК РФ. По версии следствия, в январе-марте 2010 года обвиняемый Ф., являясь кандидатом в депутаты гордумы Нововоронежа, незаконно использовал для ведения кампании не менее 8 000 000 руб., не включенных в его избирательный фонд². Через помощников и работников своего штаба он нашел два десятка местных жителей, с каждым из которых заключил письменный договор о возмездном оказании услуг. Исполнители брали на себя личное участие в собственной агиткампании, а после избрания обещали поддержать предложенные заказчиком кандидатуры спикера думы и сити-менеджера, не пропускать заседания и не слагать с себя депутатских полномочий без согласования с Ф. Сам организатор схемы собирался стать вице-спикером гордумы. Общие для всех пункты договоров касались собственно выборов: заказчик обязался направить в среднем по 1 000 000 руб. в «черные» кассы кандидатов и организовать им кампанию (в частности, наладить полевую сеть агитаторов и «создать некомфортные условия для оппонентов»). В результате прошедших выборов 19 из 25 мест в гордуме Нововоронежа получили выдвинутые кандидаты, которые избрали Ф. вице-спикером, а его протеже Щ. – главой Нововоронежской городской думы³. Добавим, что выявить и расследовать данное

¹ Барсукова С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // Journal of Institutional Studies. 2011. № 3. С. 52.

² См.: Экс-депутат Нововоронежской гордумы еще раз предстанет перед судом [Электронный ресурс] // Коммерсант.RU. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060493>.

³ См.: О захвате власти в Нововоронеже [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Руспрес». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1808471>.

преступление в большей степени удалось только потому, что участники указанной коррупционной схемы обеспечивали взаимные обязательства посредством соблюдения письменной формы договоров. Иным образом доказать привлечение денежных средств в крупном размере в рамках состава ст. 141¹ УК РФ было бы затруднительно.

Нарушение установленного законом порядка формирования и оборота средств избирательного фонда представляет собой самостоятельную форму незаконного финансирования избирательной кампании. Избирательные фонды призваны нивелировать разницу финансовых возможностей крупных политических партий и кандидатов, имеющих достаточно собственных средств для финансирования избирательной кампании, а также существенную поддержку в обществе, и новых политических партий либо партий, которые не имеют достаточной финансовой поддержки для проведения собственных избирательных кампаний, а также их представителей либо кандидатов-самовыдвиженцев¹.

Как отмечает М.М. Какителашвили, к числу основных проблем, связанных с незаконным финансированием избирательных кампаний, относится финансовая поддержка политических партий со стороны юридических лиц². Их участие в финансировании избирательных кампаний часто критикуется. С одной стороны, юридические лица – это самостоятельные субъекты правовых отношений, не наделенные пассивным или активным избирательным правом. В зависимости от целей деятельности выделяется две группы юридических лиц: коммерческие и некоммерческие организации. Если участие последних в финансировании избирательных кампаний сообразно уставным целям может быть оправдано, то деятельность коммерческих организаций направлена на получение и распределение прибыли. Направление средств в избирательные фонды соответствующих кандидатов и политических партий со стороны данной категории организаций не может не соотноситься с главной целью их экономической деятельности. Как указывает Е.И. Колюшин, «если отбросить в сторону нередко выдвигаемые на первый план внешне далекие от

¹ См.: Рыжков Н.Е. Развитие законодательства о финансировании избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений и роль избирательных фондов в его реформировании // Государство и право. 2010. № 4. С. 109.

² См.: Какителашвили М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации : монография. М.: Белый ветер, 2017. С. 100.

извлечения прибыли факторы, то ясно, что пожертвования коммерческой организации в избирательный фонд в конечном итоге не должны противоречить интересам конкретного юридического лица. Заинтересованность же организации в результатах выборов объясняется только с точки зрения возможности получить дополнительную прибыль (или не потерпеть убытков)¹. При этом если раньше финансовые лоббисты в большинстве своем оставались в тени, то сейчас, не скрывая своих намерений, они сами стремятся на выборные должности органов власти, напрямую используя свои финансовые возможности².

Незаконное финансирование избирательных кампаний в сочетании со злоупотреблением административным ресурсом может осуществляться прямо и косвенно. Примером скрытого бюджетного финансирования, по мнению авторов аналитического доклада «Трансперенси Интернешнл – Р», является выделение грантов и субсидий компаниям, принадлежащим кандидатам на выборные должности либо тем или иным образом аффилированным с ними. В частности, в Алтайском крае 3 июня 2016 г. был опубликован перечень машиностроительных предприятий – получателей губернаторских грантов. В этот список вошел и Рубцовский завод запасных частей, принадлежащий кандидату в депутаты Государственной Думы по одномандатному округу. «Аналогичная схема использовалась в Алтайском крае на выборах депутатов Барнаульской городской думы в 2012 г., когда крупные средства на модернизацию производства были выделены халвичной фабрике, которая принадлежала одному из кандидатов в депутаты. Это позволяет кандидатам-предпринимателям вывести часть средств со своих предприятий и направить их на финансирование избирательной кампании»³.

Порочная практика финансирования политических партий и их избирательных кампаний также складывается вокруг так называемой «продажи» мест в партийных списках. По словам С.А. Белковского, большая часть средств, направляемых на

¹ Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : монография / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ, 2016. С. 265–266.

² Какителашвили М.М. Российский парламентаризм и противодействие электоральной коррупции // Актуальные проблемы современного законодательства : материалы всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.Г. Забелин. М.: МФЮА, 2016. С. 36.

³ Андрейчук С.В. Деньги на выборах: Проблемы обеспечения прозрачности финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации : доклад. М.: Трансперенси Интернешнл – Р, 2017. С. 21–22.

финансирование избирательных кампаний политическими партиями, приобретается за счет частных пожертвований в обмен на включение кандидатур заинтересованных лиц в соответствующие списки региональных групп. Данный способ формирования избирательных фондов, как отмечается, используют большинство политических партий¹.

В качестве ответной меры на подобную практику привлечения незаконных средств с недавнего времени в рамках российского избирательного процесса начал активно развиваться институт предварительного голосования с целью определения наиболее популярных среди сторонников партии кандидатов («праймериз»). Как отметил В.В. Путин, выступая перед победителями праймериз «Единой России», «против предварительного голосования выступают те, кто торгует своими местами в этих партийных списках, и те, кто не хочет развития внутрипартийной, а значит, и в целом демократии в стране»². Несмотря на положительные характеристики «праймериз», в литературе отмечаются некоторые коррупциогенные факторы, связанные с его реализацией. Как пишет М.М. Какителашвили, главная цель «праймериз» для политической партии – это стремление начать агитацию, а следовательно, и ее финансирование задолго до начала установленного в законе периода³. При помощи предварительного голосования материально и финансово обеспеченное избирательное объединение получает возможность использовать свои ресурсы за рамками правового режима избирательного фонда.

В связи с изложенным актуальным видится предложение о придании избирательным фондам политических партий постоянного статуса. По мнению Е.И. Колюшина, «денежные средства в такие фонды могли бы поступать не только во время проведения избирательной кампании, но и в межвыборный период, т.е. без каких-либо временных ограничений. Главное преимущество такого выделения и создания постоянно действующего фонда видится в значительном упрощении контроля за внесением и

¹ См.: Золото мандатов // Газета «Новые известия». 2007. 17 янв.

² Путин: против праймериз выступают продажные депутаты [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=550221>.

³ См.: Какителашвили М.М. Праймериз как инструмент незаконной финансовой поддержки на выборах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 65–70.

расходом денежных средств как со стороны государства, так и со стороны конкурирующих политических партий»¹. С учетом данных изменений важно придать институту праймериз легальный характер посредством установления обязанности финансировать проводимые в рамках предварительного голосования мероприятия из средств постоянно действующего избирательного фонда политической партии.

Таким образом, финансовая составляющая обеспечительного механизма избирательного процесса является сферой существования самостоятельного типа коррупционной преступности в избирательном процессе. Возможность частного финансирования избирательной кампании лежит в основе противоречий между состоятельными и несостоятельными с материальной точки зрения кандидатами и политическими партиями. Использование высокоэффективных избирательных технологий требует привлечения значительных средств, от обладания которыми во многом зависит исход выборов. Поэтому их привлечение выступает главной задачей кандидатов, реально рассчитывающих на избрание. Полученные в рамках подобных поисков обязательства в большинстве случаев перерастают в практику коррупционной лоббистской деятельности народных избранников.

Противоправные деяния кандидатов, политических партий, их спонсоров, связанные с незаконным финансированием избирательной кампании, могут быть унифицированы в рамках двух абстрактных групп: действия, связанные с незаконным формированием и оборотом средств избирательного фонда, и действия, осуществляемые за рамками правового режима избирательного фонда. Первая группа обусловлена потребностью в легализации материальных ценностей для проведения избирательной кампании, вторая направлена на финансирование иных противоправных деяний. Полагаем, что перспективным направлением развития уголовного законодательства в сфере охраны избирательных прав граждан могло бы стать выделение самостоятельных составов преступлений, устанавливающих запрет на совершение деяний в рамках двух указанных выше форм объективного выражения незаконного финансирования избирательной кампании.

¹ Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы. С. 271.

Подводя итог описанию основных типов коррупционной преступности в избирательном процессе, отметим ключевые теоретические положения с целью обоснования системно-структурного характера данного явления.

1. Подкуп («продажность») как тип коррупционной преступности может проявляться в действиях большинства участников избирательного процесса и обусловлен достижением разнообразных политических, материальных и иных личных целей. Наибольшую общественную опасность представляют подкуп («продажность») избирателей, кандидатов, членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, представителей организаций, осуществляющих выпуск СМИ. Подкуп указанных категорий участников избирательного процесса может осуществляться в различных (скрытых и явных, прямых и косвенных) формах. Основная проблема широкого распространения данного типа коррупционной преступности в избирательном процессе заключается в недостаточной криминализации основных форм «продажности», а также непризнании в числе ее субъектов ключевых участников избирательного процесса – избирателей и кандидатов. В связи с чем важным представляется выделение самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за подкуп и «продажность» участников избирательного процесса за рамками категории воспрепятствования осуществлению избирательных прав.

2. Административный ресурс в избирательном процессе по-разному понимается авторами в зависимости от методологических основ, на которых они находятся. При формально-юридическом подходе приобретает значение не сам по себе потенциал публичного управления, а злоупотребление им из корыстной или иной личной заинтересованности в достижении определенного политического результата на выборах. Злоупотребление административным ресурсом как самостоятельный тип коррупционной преступности в избирательном процессе имеет многоуровневую структуру. С одной стороны, злоупотребление административным ресурсом происходит на уровне системы государственного управления и выражается в совокупности разнообразных форм использования преимуществ должностного (служебного) положения для достижения политически значимого результата (приобретение, сохранение и расширение политического влияния, а также его монетизация). На данном уровне

происходит формирование соответствующей политической воли и ее трансляция по нисходящей линии власти. С другой стороны, злоупотребление административным ресурсом проявляется на техническом уровне и состоит в реализации непосредственными исполнителями вышестоящей политической воли посредством совершения коррупционных преступлений в избирательном процессе. На уровне нижестоящей системы исполнение политической воли обусловлено целью самосохранения, которая далеко не всегда соотносится с истинным содержанием политического курса действующей власти. В связи с этим эффективность системы предупреждения злоупотреблений административным ресурсом будет зависеть от адекватности реагирования на его проявления и на политическом, и техническом уровнях.

3. Незаконное финансирование избирательной кампании как тип коррупционной преступности в избирательном процессе выражается в противоправном получении преимуществ путем использования кандидатами и избирательными объединениями, их законными представителями различных финансовых и материальных инструментов вопреки принципу равенства демократических выборов, а равно в их предоставлении. Современные выборы представляют собой высокотехнологичный и дорогостоящий процесс, участие в котором предполагает вложение значительных ресурсов. Их привлечение выступает существенным условием достижения нужного электорального результата. Кроме того, активное участие преступного сообщества и представителей финансово-промышленных групп в финансировании избирательных кампаний кандидатов и политических партий не только нарушает права политических конкурентов, не имеющих соизмеримой материальной поддержки, но и создает основу для воспроизводства последующего коррупционного лоббирования и иных форм коррупционных отношений в рамках деятельности вновь избранных органов народного представительства и выборных должностных лиц. Незаконное финансирование избирательных кампаний может выражаться как в нарушении правового режима избирательного фонда, так и в использовании материальных средств теневым образом. Поэтому важно осуществлять меры предупреждения незаконного финансирования избирательных кампаний, которые учитывали бы каждую из указанных форм его проявления.

4. Системно-структурный характер рассматриваемого вида преступности предполагает наличие функциональных связей между элементами его структуры. Взаимодействие подкупа («продажности») участников избирательного процесса и злоупотребления административным ресурсом состоит в преступной мобилизации электората путем поощрения участия избирателей в голосовании за счет ресурсов публичного или корпоративного управления. Взаимодействие злоупотребления административным ресурсом и незаконного финансирования избирательной кампании выражается в преступной передаче ресурсов публичного или корпоративного управления кандидатам и избирательным объединениям в целях финансового обеспечения их избирательной кампании. Взаимодействие незаконного финансирования избирательной кампании и подкупа («продажности») участников избирательного процесса проявляется в виде оказания финансовой и материальной поддержки кандидатам и политическим партиям для последующего лоббирования интересов жертвователей в деятельности органов народного представительства и выборных должностных лиц. Наличие указанных связей не означает существование рассмотренных типов коррупционной преступности в избирательном процессе в чистом виде. Поэтому разработка эффективной системы предупреждения данного общественно опасного явления должна проводиться с учетом особенностей его типичных проявлений и их функционального взаимодействия.

§ 4. Субъективные и объективные детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе

Среди различных криминологических терминов первостепенное значение имеют категории, при помощи которых ученые пытаются объяснить возникновение и развитие преступности¹. Ее причины и условия – одна из фундаментальных проблем, составляющих предмет криминологической науки. Как отмечается, именно изучение различных по своей природе явлений и процессов, обуславливающих непрерывное воспроизводство общественно опасных деяний, является ключевой

¹ См.: Криминология : учебник / Под ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. С. 66.

предпосылкой для выполнения основного предназначения криминологии – предупреждения преступности и преступлений. «Чтобы построить эффективную систему профилактических мероприятий, необходимо определить, против чего они должны быть направлены», – утверждал В.Н. Кудрявцев¹.

Криминология не предлагает собственного понятия причинной связи, отличного от понимания причинности в философии. На это, в частности, указывает В.Е. Эминов: «Она лишь конкретизирует это понятие применительно к рассматриваемым явлениям и процессам. Причинность – частный случай всеобщего взаимодействия явлений, одна из его форм»². Однако в литературе по данной проблематике существует множество точек зрения. «Нет ни одного уважающего себя криминолога, который бы, так или иначе, не высказал своего мнения по вопросу о причинах и условиях преступлений. <...> Отсюда – сложность и в то же время стимул, интерес познания этого вопроса», – отмечал О.В. Старков³. Вместе с тем полагаем, что для достижения поставленных перед настоящим исследованием целей предметное рассмотрение всех известных подходов к пониманию генезиса преступности, а также их критический анализ не требуются. Поэтому обратим внимание на основные теоретические положения, содержание которых не несет ощутимых противоречий.

В теории классического рационализма причинность мыслится как категория, при помощи которой обозначается объективная, необходимая, генетическая, последовательная во времени связь между двумя явлениями или событиями, предшествующее из которых называется причиной, а последующее – следствием⁴. По мнению М.Д. Шаргородского, причинами преступности в широком смысле слова можно считать «все те обстоятельства, без которых она не могла бы возникнуть и не может существовать. Но не все эти обстоятельства играют одинаковую роль. Одни из них создают лишь реальную возможность преступных мотивов, а другие превращают

¹ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968. С. 4.

² Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма, 2011. С. 10.

³ Старков О.В. Криминология. Теория и практика : учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 156

⁴ См.: Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 449.

эту возможность в реальную действительность»¹. Тем самым наравне с причинами преступности необходимо также выделять ее условия.

Взаимодействие «причина – следствие» зависит от условий, то есть от совокупности обстоятельств и явлений, которые образуют его «среду», сопутствуют и обеспечивают его определенное развитие². Если связи между причинами и следствием имеют генетический (производящий) характер (когда одно или несколько явлений определенным образом способствуют возникновению другого явления), то связь условий со следствием выражается функционально (когда явления не порождают друг друга, но состоят в определенном взаимодействии).

Необходимо подчеркнуть, что оценка одних явлений в качестве причин, а других – в качестве условий носит относительный характер. В разных случаях одно и то же явление может выступать либо причиной, либо условием³. Зачастую в литературе наравне с указанными категориями употребляется термин «фактор», который может иметь различное криминологическое значение: «Фактор, выступающий как причина или условие преступного поведения, именуется криминогенным. Фактор, препятствующий действию причины или условия, называют антикриминогенным»⁴. Вместе с тем анализ причин, условий, факторов и обстоятельств преступности предполагает, прежде всего, поиск того единого языка, без которого дальнейшее развитие этого раздела криминологии стало бы делом совсем безнадежным⁵. Понятием, охватывающим всю совокупность указанных элементов, принято считать «детерминанты».

Детерминанты преступности – это не просто совокупность разрозненных факторов различного социального содержания и неодинакового уровня, а иерархия взаимосвязанных и взаимодействующих процессов, находящихся в различных сферах и на различных уровнях общественной жизни⁶. Все подсистемы и элементы

¹ Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. С. 30.

² См.: Криминология : учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 166.

³ См.: Криминология : учеб. пособие / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2016. С. 42.

⁴ Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность : монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1989. С. 55.

⁵ См.: Криминология : учебник / Под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 215.

⁶ См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 10.

криминогенных детерминант взаимодействуют в процессе детерминации преступления как друг с другом, так и испытывая обратное негативное влияние преступности как их следствия¹. Детерминация преступности представляет собой сложное соотношение различных форм связей: не только причинных, но также функциональных, статистических, связей состояния и иных². Но, по мнению В.Н. Кудрявцева, «детальное рассмотрение сущности детерминации всегда требует обращения к причинным отношениям, потому что именно этот вид связи отвечает на вопросы, почему и как произошло то или иное событие. Можно сказать, что причинность есть внутреннее содержание детерминации, ее сущность»³.

Преступность обусловлена сложной иерархией причин массового преступного поведения, в основе которых лежит невозможность согласования интересов членов общества, всегда стремящихся не только и не столько к равенству, сколько к утверждению своего превосходства⁴. Однако, как отмечает В.А. Номоконов, «чрезвычайная сложность, тесная взаимосвязь и взаимозависимость социальных факторов, детерминирующих преступность и отдельные преступления, делает необходимым вывод о наличии не какой-то одной, а множественности причин преступности, индивидуального преступного поведения, т.е. причинного комплекса»⁵. Под таковым традиционно понимаются «взаимосвязанные, взаимообусловленные негативные социальные явления, объединенные общей природой, а также особенностями возникновения, состояния и развития наиболее уязвимых их зон, в пределах которых чаще всего могут создаваться условия для совершения преступлений»⁶.

Причины (причинные комплексы) преступности можно классифицировать по различным основаниям. Исходя из масштаба действия, причины преступности рассматриваются на трех уровнях: индивидуальном, социальном и глобальном. На

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации : монография. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 44–45.

² См.: Криминология : учебник / Под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2016. С. 274.

³ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 9–10.

⁴ См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 19–20.

⁵ Номоконов В.А. Преступное поведение: механизм, детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 20.

⁶ Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2015. С. 102.

первом изучаются психологические причины совершения преступлений конкретными людьми. На втором – пороки и недостатки общественной системы, то есть те социальные, экономические, политические, духовные явления, которые вызывают преступность, их взаимосвязь и взаимную обусловленность. На третьем – объективно существующие социальные противоречия¹.

По уровню субординации различаются причины преступности в целом, причины отдельных групп преступлений и причины отдельных преступлений. «На уровне преступности в целом необходимо, прежде всего, рассматривать причины, которые характерны для массива преступлений, определяющих в основном «облик» преступности. На втором уровне рассматриваются причины тех преступлений, которые имеют сходную криминологическую характеристику. <...> На третьем уровне криминологи выявляют именно те специфические причины, которые характерны только для отдельных преступлений (только хулиганств, краж, грабежей и т.д.)»².

По содержанию выделяются социально-экономические, социально-психологические, правовые, организационно-управленческие, воспитательные и другие криминогенные детерминанты³.

По природе происхождения детерминанты преступности подразделяются на субъективные и объективные. «Негативные социально-психологические явления, порождающие преступность, – это ее субъективные детерминанты. К объективным детерминантам преступности, в свою очередь, относятся негативизмы социального порядка, явления социальной дезорганизации», – пишет М.П. Клейменов⁴.

В криминологии встречаются и другие классификации. При этом важно подчеркнуть, что одним из современных направлений развития учения о причинах и условиях преступности выступает интеграция данных подходов. «Необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих, с одной стороны, из природы человека, а с другой – из природы общества», – указывает Ю.М. Антонян. Но для этого нужно, «во-первых, выйти за рамки чисто

¹ См.: Криминология : учебник / Под ред. В.Е. Эминова. М.: Проспект, 2015. С. 57–58.

² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. С. 148.

³ См.: Криминология : учебник / Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. С. 172.

⁴ См.: Клейменов М.П. Криминология : учебник. М.: Норма, 2018. С. 60.

психологических подходов к проблеме, не отталкиваться только от мотивов и иных субъективных стимулов, однако максимально учитывать такие подходы. Во-вторых, следует изменить и традиционное объяснение преступности только социальными факторами, но в то же время учитывать их во всей генетической полноте»¹.

Сообразно предмету настоящего исследования отметим, что по ряду обстоятельств объективного и субъективного свойства коррупционная преступность в Российской Федерации стала системной, приобрела черты опаснейшей патологии и проникла во все сферы жизнедеятельности государства. Это предопределяет масштабность и многоплановость причинного комплекса коррупции, который включает в себя взаимосвязанные причины политического, экономического, организационно-управленческого, правового, психологического и воспитательного свойства². Данное утверждение в полной мере применимо к коррупционной преступности в избирательном процессе. Поэтому далее мы выделим по содержанию и рассмотрим ее основные субъективные и объективные детерминанты.

Субъективные детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе выражаются в социально-психологических негативизмах, которые свойственны современному российскому обществу и устойчиво воспроизводятся в процессе формирования органов представительной власти и избрания выборных должностных лиц.

К основным из них, прежде всего, следует отнести многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе³. Население нашей страны фактически привыкло к различным коррупционным проявлениям в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Следствием чего нужно признать распространенное недоверие граждан к процессу формирования представительной власти. Убеждение в том, что «все равно посчитают, как нужно», лишает избирателей стимулов к несению издержек участия в голосовании⁴. Другими

¹ Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности : монография. М.: Камерон, 2006. С. 5.

² См.: Криминология : учебник / Под ред. И.М. Мацкевича. М.: Норма, 2017. С. 114.

³ См.: Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность) // Государство и право. 2002. № 9. С. 35–48.

⁴ Под издержками участия избирателя в выборах В.Д. Нечаев понимает: собственно издержки голосования, т.е. затраты усилий и времени, связанные с походом в воскресный день на избирательный участок; издержки получения и анализа

словами, по мере увеличения недоверия к институту выборов возрастает готовность избирателя «продать» свой голос, а кандидата – его «купить». Складывается порочный круг: использование кандидатами стратегии подкупа подрывает доверие к институту выборов и к власти в целом, а снижение доверия стимулирует использование стратегии подкупа. Среди опрошенных нами членов избирательных комиссий Красноярского края 42,9 % респондентов полагают, что низкий уровень доверия граждан к результатам выборов относится к числу основных причин коррупционной преступности в избирательном процессе (см. приложение 3).

Э.И. Девицкий и Д.В. Жмуров пришли к схожим выводам: «Продажа голосов избирателями – это, прежде всего, результат обесценивания института выборов в их глазах, убежденность в том, что все уже решено до голосования и продажа одного голоса ничего не изменит; понимание, что подобная практика ненаказуема, а значит, и допустима». По мнению авторов, это разрушительное убеждение укоренилось в сознании определенных категорий граждан настолько, что даже отдельные сотрудники правоохранительных органов не видят ничего плохого в продаже собственного голоса. Так, «секретарь судебного заседания, возможно будущий судья, указала, что готова продать свой голос за 1 000 руб., государственный служащий оценил его в 1 500 руб., а следователь – в 5 000 руб.»¹.

Причины подобного электорального поведения, на наш взгляд, следует искать в широкораспространенных коррупциогенных стереотипах, которые представляют собой «устойчивое бытовое представление о коррупции и мерах противодействия ей, в значительной степени способствующее совершению коррупционных правонарушений представителями некоторой социальной группы»². Их укоренение отчасти обусловлено противоречием между принятыми в обществе правовыми принципами и практикой их применения, ведущим к снижению нравственности и атмосфере всеобщего неуважения. Как отмечается, «поведение политиков, лицемерно говорящих

информации об альтернативных исходах выборов; издержки убеждения других в предпочтительности той или иной альтернативы. См.: *Нечаев В.Д.* Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик? // Полис. Политические исследования. 2001. № 6. С. 40–50.

¹ *Девицкий Э.И., Жмуров Д.В.* Подкуп избирателей: взгляд криминолога // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 296–297.

² См.: *Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования : учеб. пособие / Под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина.* Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 74.

об одном, а делающих другое, достигающих своих политических целей за счет обмана людей и с помощью безнравственных средств, а также внедряющих всеми правдами и неправдами выгодную им идеологию, преступно по отношению к людям»¹. Это, в свою очередь, ведет к самоотчуждению граждан от участия в деятельности институтов народного представительства.

«Нередко люди ведут себя аморально потому, что они не осознают себя субъектами выполняемой ими деятельности. А если человек рассматривает какие-либо свои действия как навязанные ему извне другими людьми или внешними обстоятельствами и если он не до конца понимает их смысл, то он не ощущает себя ответственным за свое поведение», – пишет В.А. Номоконов². В процессе социальной детерминации коррупционной преступности в избирательном процессе самоотчуждение наиболее ярко проявляется в электоральном поведении избирателей. Готовность граждан монетизировать свое избирательное право в силу его «не востребованности» в рамках легального политического процесса ведет к массовому распространению фактов «продажности», поскольку на пути реализации подобного общественно опасного поведения отсутствуют факторы сдерживания, которые могли бы выразиться в ответственном отношении электората к своей конституционной роли.

Кроме того, необходимо также формирование у представителей избирательной системы ответственного отношения к выполнению своих служебных обязанностей. Часто на практике совершение коррупционных преступлений в избирательном процессе происходит в связи с недооценкой социальной важности выполняемой членами избирательных комиссий работы в период организации и проведения выборов. Так, председатель участковой избирательной комиссии Б., признанная виновной в присвоении и растрате с использованием служебного положения, в качестве мотивов своего поведения отмечала, что ей неоднократно приходилось тратить собственные средства на сотовую связь и «уговаривать [членов избирательной комиссии] прийти

¹ См.: Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. С. 122.

² Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. С. 20.

на дежурство», а также фактически выполнять функции бухгалтера и кассира, за которые «ей никто не доплачивал»¹.

Вопрос об увеличении денежного вознаграждения членам территориальных и участковых избирательных комиссий за проделываемую работу заслуживает отдельного внимания. О том, что данная мера предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе является эффективной, отметили 33,4 % опрошенных нами респондентов. Вместе с тем здесь ключевым моментом выступает другое обстоятельство: 41,6 % опрошенных не увидели признаков коррупции в казусе, основанном на материалах указанного выше примера из судебной практики, и только 14,6 % респондентов ответили, что за подобные действия председатель может быть привлечен к уголовной ответственности.

Недооценка общественной опасности своего поведения является значимым коррупциогенным фактором. И если в случае «продажности» избирателей данное обстоятельство является следствием неразвитости демократических традиций в нашей стране и недостаточного уровня правовой и антикоррупционной культуры населения, то отсутствие необходимых знаний уголовного и антикоррупционного законодательства у должностных лиц избирательных комиссий можно объяснить лишь существенными недостатками в работе по подготовке квалифицированных кадров для избирательной системы. Это подчеркивает необходимость осуществления систематического антикоррупционного образования субъектов избирательного процесса, обеспечивающих организацию и проведение выборов.

Широкое распространение общественно опасных деяний, представляющих собой злоупотребление административным ресурсом на техническом уровне², также свидетельствует и о высокой степени готовности членов избирательных комиссий к выполнению незаконных распоряжений и указаний. Как справедливо указывал М.В. Гаврилов, «коррупционное поведение субъекта опирается на осмысленный выбор решения, при котором субъект руководствуется не только знаниями и процедурой, но

¹ См.: Приговор Усть-Калманского районного суда Алтайского края от 13 дек. 2013 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OUmWgz2jwKHb>.

² Напомним, что доля преступлений, предусмотренных ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума» УК РФ, в структуре электоральной преступности составляет почти 70 %.

интересами собственного благополучия, выгоды; такое поведение реализуется по собственной инициативе или в результате давления со стороны "источника коррупционной выгоды", заинтересованного в принятии определенного решения»¹. Гипотетически потребность в достижении нужных показателей электоральной активности населения (явки, результатов голосования и т.д.), обусловленная «давлением сверху», вынуждает представителей избирательной системы совершать коррупционные деяния по разнообразным мотивам (от личного согласия с поставленными задачами до страха лишиться занимаемой должности). В данном случае формирование антикоррупционной компетентности организаторов выборов могло бы выступить фактором, сдерживающим коррупционное поведение членов избирательных комиссий, однако данное предположение нуждается в дополнительном эмпирическом подтверждении.

К объективным детерминантам коррупционной преступности в избирательном процессе относятся явления социальной дезорганизации, которые продуцируют возникновение и распространение коррупционных отношений в процессе формирования органов представительной власти и избрания выборных должностных лиц. На наш взгляд, в их числе следует выделить социально-экономические, политические, правовые и организационно-управленческие детерминанты.

Социально-экономические детерминанты занимают одну из ведущих ролей в причинном комплексе коррупционной преступности в избирательном процессе. Как отмечается в литературе, причины преступности на социолого-криминологическом уровне необходимо, прежде всего, искать в экономических отношениях, в их противоречиях, несбалансированности хозяйственного механизма, пороках и недостатках экономической политики, а также в системе распределительных отношений².

Для экономических отношений в современной России характерно множество диспропорций, проявлений нестабильности, разных патологических процессов, являющихся сильнодействующими криминогенными факторами. Причем нынешнее состояние экономики имеет свою историю, а значит, глубокие корни. К началу реформ (1992 г.) возможности административно-командной системы были практически

¹ Гаврилов М.В. Моделирование в антикоррупционной политике // Правоведение. 2006. № 2. С. 76

² См.: Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. С. 58.

исчерпаны, и экономика находилась в кризисном состоянии. Базисные, коренные преобразования, требовавшие тщательной подготовки, продуманной стратегии и тактики, с самого начала приняли, по существу, аварийно-спасательный характер, стали осуществляться поспешно, импульсивно, часто по методу латания дыр¹.

Переход от административно-командной системы управления к рыночным механизмам привел к ряду негативных последствий: не всегда законному возникновению новых хозяйствующих субъектов на базе государственной собственности, зачастую при непосредственном участии представителей власти, высоким темпам роста накопления первичного капитала, появлению финансовых, промышленных групп, укреплению организованной преступности. Стремление указанных субъектов овладеть денежными и товарными потоками, бюджетными ресурсами привело к широкому распространению подкупа чиновников, а также организации и финансированию ими избрания «своих» кандидатов.

В свою очередь, экономическая нестабильность, высокие темпы роста уровня инфляции и безработица привели к поляризации населения по уровню доходов. Согласно данным Росстата, свыше 13 % населения страны остаются за чертой бедности², из них активным избирательным правом обладают более 70 %³. При этом динамика изменений указанных показателей к лучшему не отличается интенсивностью. Трудно не согласиться с Л.Б. Ескиной, которая отмечает, что «в обществе, где значительная часть населения не располагает даже минимумом средств к нормальному человеческому существованию, где среднестатистический обыватель не чувствует себя самостоятельным участником гражданских отношений, объективно возникает возможность для "коррупцирования" самого гражданина. И власть активно использует эту возможность для извлечения собственной выгоды, попросту покупая у обнищавшего гражданина его голос, как товар. Таким образом, воспроизводится еще более

¹ См.: *Алексеев А.И.* Криминология : курс лекций. М.: Щит-М, 1999. С. 62.

² См.: Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода от 15 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/2-3.doc.

³ См.: Распределение численности малоимущего населения по возрастному-половым группам от 3 мар. 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/2-11.doc.

коррупцированная власть»¹. Среди опрошенных нами представителей избирательной системы Красноярского края почти половина (49,3 %) респондентов считает, что наиболее эффективной мерой предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе является повышение уровня жизни населения.

К числу *политических детерминант* коррупционной преступности в избирательном процессе можно отнести медленное преодоление тоталитарного наследия и, как следствие, неразвитость институтов гражданского общества и демократических традиций проведения выборов. Но проблема заключается не столько в том, что политически активные структуры гражданского общества в современной России находятся на начальной стадии развития, и в том, что от выборов к выборам гражданам низкой явкой демонстрируют отсутствие какого-либо интереса к ключевым вопросам политической жизни общества, сколько в недопущении альтернативных кандидатов, пользующихся поддержкой населения и способных составить серьезную политическую конкуренцию.

Практически безнаказанное злоупотребление административным ресурсом в избирательном процессе изначально ставит кандидатов, избирательные объединения в неравное положение, нарушает принцип равенства и сводит на нет реальную политическую конкуренцию. Как мы уже отмечали, формирование и трансляция политической воли по нисходящей является предпосылкой совершения большинства коррупционных преступлений в избирательном процессе на техническом уровне. Но если возможности привлечения виновных к юридической ответственности за злоупотребление административным ресурсом со стороны непосредственных исполнителей не вызывает особых сомнений, то об этом нельзя уверенно сказать применительно к представителям политического уровня. Данное утверждение в равной степени справедливо и по отношению к злоупотреблению корпоративным ресурсом, поскольку степень влияния экономических элит на избирательные процессы на сегодня не менее значима. Необходимо отметить, что две трети опрошенных нами представителей избирательной системы Красноярского края указали в качестве

¹ Ескина Л.Б. Избирательная система и коррупция // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. СПб.: Норма, 2002. С. 258.

основной причины коррупционной преступности в избирательном процессе распространение коррупции в системе органов власти.

В.Л. Римский отмечает, что «в России не только бизнес, но и каждый регион фактически стал клиентурой главы его администрации. Эти отношения понятны и самому главе, и гражданам, проживающим в регионе. Действующий губернатор или президент могут проиграть на выборах, только если они как патроны продемонстрируют невыполнение своих обязательств. Поддержка избирателями своего патрона – руководителя региона нередко выражается в одобрении реализации выгодной ему стратегии прихода крупного бизнеса к управлению ресурсами регионов. Эти стратегии чаще всего являются коррупционными прежде всего потому, что они основаны на теневых схемах влияния на региональную политику. При реализации таких стратегий избиратели исключаются из процедуры принятия решений по развитию регионов после выборов, кандидатуры победителей региональных выборов определяются узким кругом лиц и задолго до назначения даты выборов. Бизнес, приходя к контролю над ресурсами региона, реализует обычно исключительно собственные интересы»¹. Все это в совокупности порождает политическое (гражданское) недоверие избирателей к государственным институтам в целом и органам, обеспечивающим организацию и проведение выборов.

Одной из серьезных причин коррупции в избирательном процессе является нерешительность государственной власти в противодействии коррупции, а также ее проявлениям в избирательном процессе. Как пишет В.В. Лунеев, «серьезным политически-коррупционным аспектом является отсутствие (может быть, не бескорыстное) политической воли для эффективной борьбы с коррупцией»². Для России, как пишет С.В. Максимов, характерна «подмена политической воли политическими лозунгами борьбы с коррупцией»³. Действительно, до тех пор, пока заявления о широкомасштабной борьбе с коррупцией останутся только показательными политическими и предвыборными акциями, ситуация реально не изменится.

¹ Римский В.Л. Бюрократия, клиентизм и коррупция в России // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 73–74.

² Лунеев В.В. Политическая коррупция в России // *Организованная преступность, терроризм и коррупция*. Криминологический ежеквартальный альманах : Вып 1. М.: Юристъ, 2003. С. 71.

³ Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М.: ЮрИнфоР, 2008. С. 49.

Осознавая высокую общественную опасность коррупционных проявлений в избирательном процессе, председатель ЦИК России Э.А. Памфилова неоднократно заявляла о недопустимости применения административного ресурса на выборах и предупреждала о персональной ответственности глав регионов за подобного рода нарушения¹. Вместе с тем констатировать сдвиг политической парадигмы в сфере использования ресурсов публичного управления для приобретения и удержания власти в настоящий момент преждевременно.

Правовые детерминанты занимают особое место в системе криминогенных детерминант коррупционной преступности в избирательном процессе. В числе основных причин и условий коррупции правового характера выделяются, во-первых, несогласованность и противоречивость федерального и регионального законодательства, ведомственных нормативных актов, правил и инструкций, а во-вторых, наличие пробелов в правовом регулировании и практике взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов власти². В течение многих лет специалисты указывали на необходимость законодательного определения коррупции и формирования комплексной антикоррупционной политики. И, казалось бы, после ратификации Конвенции ООН против коррупции и принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» проблема детерминант правового характера должна была потерять свою остроту. Но этого в настоящий момент так и не произошло. Противоречивость легального определения коррупции, несовершенство законодательства о выборах, наличие в нем пробелов, неопределенность ряда формулировок являются благоприятной почвой для появления и распространения коррупции и коррупционной преступности в избирательном процессе. Кроме того, по справедливому мнению экспертов, предпринимаемые со стороны государства и общества меры по формированию и реализации антикоррупционной политики на сегодняшний день являются недостаточными³.

¹ См.: Памфилова предупредила глав регионов об ответственности за использование административного ресурса на выборах // Российская газета. 2018. 16 фев.

² См.: Криминология : учебник / Под ред. И.М. Мацкевича. С. 115–116.

³ См.: *Номоконов В.А.* Борьба с коррупцией в России: первые итоги // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 96–99.

Правовые пробелы и коллизии представляют собой дефекты, которые отражают несоответствие закона (его концепции в целом, конкретного правового предписания или заложенной в законе юридической конструкции) определенному набору требований и правил¹. В случае если дефекты правового регулирования избирательных отношений способствуют появлению или развитию коррупции в указанной сфере, то их необходимо рассматривать как коррупциогенные факторы в законодательстве о выборах.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, направленная на выявление коррупциогенных факторов в законодательстве и выработку предложений по их устранению, является важным и эффективным элементом деятельности общества и государства по предупреждению коррупции. «Анализ факторов, порождающих коррупционную мотивацию и поведение участников избирательного процесса, а также разработка стратегических направлений противодействия им, является важным элементом антикриминальной электоральной политики», – пишет Ю.Н. Климова².

Несмотря на ощутимый прогресс в работе по выявлению и устранению коррупциогенных факторов в законодательстве о выборах, необходимо признать, что текущее состояние далеко от идеала. Это связано с общими проблемами института антикоррупционной экспертизы: определенная противоречивость организационно-правовых основ экспертной деятельности; прямая зависимость внедрения ее результатов от решения федеральной и региональных органов власти; недостаточное ресурсное обеспечение (качество и количество экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы) и др.

Важным коррупциогенным фактором, способствующим возникновению и широкому распространению общественно опасных избирательных технологий, является отсутствие эффективной системы негативных санкций за большинство типичных проявлений коррупции в избирательном процессе. Как отмечает В.В. Лунеев,

¹ См.: *Игнатенко В.В.* Дефекты в российском избирательном праве как предмет научного исследования // Академический юридический журнал. 2010. № 2. С. 60.

² *Климова Ю.Н.* Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 40.

«многие формы реальной изоциренной коррупции не криминализованы и при всей их огромной общественной опасности не наблюдается каких-либо стремлений властей наложить на них уголовно-правовой запрет»¹.

Законодательство гарантирует и обеспечивает охрану права граждан на свободу волеизъявления, предусматривая меры конституционно-правовой (п. 2 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), административной (ст. 5.16 КоАП РФ) и уголовной (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) ответственности за его нарушение со стороны кандидатов и иных участников избирательного процесса. Несмотря на это, показатели подкупа в избирательном процессе свидетельствуют о неэффективности механизма охраны избирательных отношений. По словам С.М. Шапиева, «нет почти ни одной территории (за исключением двух-трех субъектов Федерации), где бы ни совершался подкуп избирателей в той или иной форме, в тех или иных масштабах и размерах»². Треть из числа опрошенных нами представителей избирательной системы Красноярского края указали в качестве эффективной меры предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе введение ответственности за «продажу» избирателями своих голосов.

Полагаем, что решение указанной проблемы напрямую зависит, с одной стороны, от оценки действий избирателей, «продающих» свои голоса, с позиции юридической ответственности, а с другой – от осуществления в отношении них мер антикоррупционной социальной профилактики. Применение мер уголовно-правового воздействия в условиях эволюционирующих форм коррупционного поведения не всегда является эффективным. Поэтому важно надлежащим образом оценивать коррупционные риски и выделять проблемные группы электоральных отношений для повышения их антикоррупционной безопасности при помощи предупредительных мер, не связанных с назначением и исполнением наказания.

¹ Лунев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы (тезисы доклада) // Государство и право. 2000. № 4. С. 102.

² Шапиев С.М. Подкуп избирателей как вид политической коррупции. Проблемы юридической квалификации и привлечения к ответственности // Журнал о выборах. 2011. № 3. С. 11.

Кроме того, в качестве причин коррупционной преступности в избирательном процессе нередко рассматривается несовершенство и противоречивость правоприменительной практики. Важно, что не всегда первопричиной широкого распространения коррупции является несовершенство избирательного законодательства или отсутствие норм конституционной, административной или уголовной ответственности. С.Д. Князев совершенно справедливо еще в 2001 г., то есть до значительных изменений соответствующих норм ответственности и введения новых, отметил, что «умелое сочетание и применение избирательными комиссиями и судебными органами комплекса правовых средств, присущих этим видам ответственности, в принципе вполне достаточно для успешного предупреждения и пресечения нарушений политических избирательных прав граждан Российской Федерации»¹.

Вместе с тем деятельность государственных органов в сфере обеспечения избирательных прав граждан зачастую приобретает искаженные формы. В числе последних примеров коррупционной казуистики в деятельности избирательных комиссий следует привести дело кандидата на должность Мэра Москвы М.Д. Балакина. В соответствии с абз. 14 п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»² поддержка кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации осуществляется путем проставления депутатом представительного органа муниципального образования или главой муниципального образования своей подписи на листе поддержки кандидата с указанием даты и времени ее проставления. *Отзыв* депутатом или главой муниципального образования своей подписи не допускается.

Согласно решению Московской городской избирательной комиссии от 12 июля 2018 г. кандидату на должность Мэра Москвы М.Д. Балакину отказано в регистрации на том основании, что 3 из 112 поддержавших его должностных лиц

¹ Князев С.Д. Российское избирательное право : учебник. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. С. 404.

² Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

местного самоуправления направили в избирательную комиссию заявления с просьбой *не учитывать* их подписи при решении вопроса о регистрации данного кандидата¹. Поскольку в упомянутом Федеральном законе речь идет об отзыве, а не о «просьбе не учитывать» подпись, М.Д. Балакину было отказано в регистрации за недостатком подписей в поддержку его кандидатуры (109 из требуемых 110). Полагаем, что подобное толкование положений законодательства недопустимо, так как может быть реализовано для снижения политической конкуренции на соответствующих выборах. Данную позицию подтвердил Московский городской суд в решении по делу № 3а-3293/2018, признав действия Московской городской избирательной комиссии незаконными и обязав ее зарегистрировать М.Д. Балакина в качестве кандидата на должность Мэра Москвы².

Поэтому с особым вниманием необходимо исследовать *организационно-управленческие детерминанты* коррупционной преступности в избирательном процессе. Одна из причин широкого распространения данного явления – это отсутствие надлежащего реагирования уполномоченных органов на нарушения законодательства. Зачастую правоохранители, призванные проводить эффективное противодействие коррупции правовыми средствами, сами не свободны от этого порока, что приводит к снижению доверия к ним у населения³. Случаи привлечения к ответственности в рассматриваемой сфере редки и не позволяют установить закономерности развития коррупционной преступности в избирательном процессе. Вариантов объяснения сложившейся ситуации видится немного: либо представители уполномоченных органов относятся к выполнению своих полномочий безразлично и (или) профессионально безграмотны, либо небеспристрастны и заинтересованы. Так или иначе, но халатное или, более того, коррупционное невыполнение функций контроля за соблюдением избирательных прав граждан, надзора за законностью подготовки и проведения выборов, а также разрешением возникающих в процессе них споров

¹ Решение Московской городской избирательной комиссии от 12 июля 2018 г. № 65/5 «Об отказе в регистрации кандидата на должность Мэра Москвы М.Д. Балакина». URL: http://mosgorizbirkom.ru/documents/10279/15827299/rs_65_5.pdf.

² См.: Решение Московского городского суда от 23 июля 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал «Суды общей юрисдикции города Москвы». URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/5ecf34ad-ba39-45ff-9d34-872fd4edf522>.

³ См.: *Паршин И.С.* Причины и условия коррупционной преступности // Российский следователь. 2014. № 1. С. 36–40.

приводит к безнаказанности нарушителей избирательного законодательства, а также массовому применению «грязных» избирательных технологий и в конечном итоге искажению механизма обновления власти демократическим путем.

Должностные лица соответствующих органов, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, возбуждать уголовные дела, далеко не всегда готовы к осуществлению возложенных на них полномочий. Особенно это касается избирательных комиссий, в состав которых редко входят практикующие юристы, способные выявить и квалифицировать нарушение избирательного законодательства, грамотно и своевременно составить протокол или надлежащим образом оформить иные процессуальные документы¹. По данным проведенного нами опроса членов избирательных комиссий Красноярского края только 4,7 % опрошенных имеют высшее юридическое образование, а почти треть (25,2 %) – лишь среднее специальное.

Незнание норм избирательного законодательства, норм ответственности за его нарушение членами избирательных комиссий с правом решающего голоса приводит к принятию незаконных решений, способных существенно повлиять на итоги выборов. Однако включение в состав избирательной комиссии в качестве члена с правом решающего голоса человека, не имеющего специальных познаний в области избирательного права и процесса, может существенно повысить его административную управляемость. И действующее законодательство позволяет привлекать к работе в избирательных комиссиях людей, не обладающих никакими специальными познаниями в указанной области. Фактором, оказывающим значительное влияние на состояние коррупции в избирательном процессе, является, на наш взгляд, несовершенство порядка формирования избирательных комиссий, поскольку не способствует созданию системы самостоятельных и независимых органов власти, которые потенциально смогут выступить в роли арбитра при решении сложных электоральных споров.

¹ Например, представители одной из территориальных избирательных комиссий Красноярского края неправильно установили время совершения административного правонарушения, что привело к прекращению производства по делу за отсутствием события правонарушения. См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 158 в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края от 2 дек. 2016 г. по делу № 12-87/2016 // Архив Красноярского краевого суда; Постановление мирового судьи судебного участка № 158 в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края от 6 дек. 2016 г. по делу № 12-37/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

Фактором, препятствующим распространению коррупционных отношений в деятельности избирательных комиссий, могло бы стать формирование у членов избиркомов антикоррупционной компетентности, которая позволяет идентифицировать проявления коррупции и предпринимать надлежащие действия по их предотвращению. Результаты проведенного нами опроса свидетельствуют о том, что у большинства из опрошенных членов избирательных комиссий базовые представления о признаках коррупции в избирательном процессе и основных мерах ее предупреждения сформированы в должном объеме. Вместе с тем отдельные вопросы квалификации общественно опасных деяний и представление о мерах юридической ответственности за их совершение оставляют желать лучшего. Это обуславливает потребность в осуществлении антикоррупционного образования членов территориальных и участковых избирательных комиссий.

Субъективные и объективные детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе, рассмотренные в настоящем параграфе, следует назвать основными, поскольку путем их перечисления далеко не исчерпывается весь спектр причин и условий возникновения и существования этого явления. Однако комплексное изучение и последовательное воздействие на указанные «болевые точки» могло бы, на наш взгляд, существенно снизить уровень коррупции в избирательном процессе. При этом мы считаем важным обратить внимание на главный принцип построения системы противодействия коррупционной преступности: реализация репрессии через деятельность правоохранительных органов должна сочетаться с общим и специальным предупреждением коррупционных проявлений путем использования социально-профилактических и принудительных мер, заблаговременно обеспечивающих антикоррупционную безопасность, то есть до момента причинения вреда общественным отношениям. Эффективность мер предупредительного воздействия зависит от того, в какой степени их применение отражает системно-структурный характер предупреждаемого явления. Полагаем, что предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе должно быть построено на системных принципах сообразно изучаемому нами общественно опасному явлению. Далее мы предпримем попытку рассмотреть предупредительную деятельность с указанных выше позиций.

Глава 2. Предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе

§ 1. Общая характеристика системы предупреждения коррупционной преступности

Первоочередное применение мер по предупреждению коррупции отнесено к числу основных принципов государственной антикоррупционной политики современной России. Фундаментальный криминологический постулат о том, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать за их совершение¹, нашел непосредственное выражение. Вместе с тем следует признать, что становление эффективной системы предупреждения коррупционной преступности в нашей стране находится на начальном этапе.

Исследование проблем предупреждения преступлений является одним из ключевых направлений криминологической науки со времени ее появления. Однако на сегодняшний день в силу различных причин ни в литературе, ни в законодательстве и правоприменительной практике не выработан единый подход к пониманию предупредительной деятельности. Помимо содержательных аспектов, предметом научно-практических дискуссий зачастую выступает применяемая терминология, что, как следствие, приводит к появлению нетривиальных криминологических теорий и очевидных нормативно-правовых коллизий. Оставляя за рамками данной работы углубленные рассуждения о содержании и соотношении категорий «предупреждение», «профилактика», «противодействие», «борьба», «предотвращение» и др., приведем некоторые базовые положения, на которых основано наше видение указанного вопроса.

В специальном нормативном правовом акте, в котором закреплены организационные и правовые основы воздействия на коррупцию, в качестве наиболее широкого по объему использовано понятие «противодействие». В соответствии с п. 2 ст. 1

¹ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 150.

Федерального закона «О противодействии коррупции» такое представляет собой «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);
- б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);
- в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

Отличие предупреждения коррупции и борьбы с коррупцией состоит в предметном поле и субъектах соответствующей деятельности. По мнению И.А. Дамм, борьба как самостоятельное направление противодействия коррупции, помимо иных видов деятельности (выявление, пресечение, раскрытие и расследование), включает в себя также и предупреждение коррупции. Реализуемое в рамках борьбы предупреждение коррупции осуществляется специальными субъектами борьбы с коррупцией – правоохранительными органами. Поэтому предлагается узкий и широкий подходы к пониманию предупреждения: «В узком смысле под предупреждением коррупции следует понимать осуществляемые правоохранительными органами в рамках борьбы с коррупцией меры по ее предупреждению, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции. В широком смысле предупреждение коррупции – это самостоятельное направление противодействия коррупции по выявлению и последующему устранению причин коррупции, осуществляемого всеми субъектами противодействия коррупции»¹. В рамках указанного закона «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупции» тождественны в широком смысле последнего понятия.

В свою очередь, общий по отношению к рассмотренному закону Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской

¹ Дамм И.А. Противодействие коррупции: вопросы понятийно-категориального аппарата // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 28.

Федерации»¹ содержит иную терминологию. Устанавливая в качестве родового понятие «профилактика правонарушений», его авторы предлагают такое определение: «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» (п. 2 ст. 2). Несмотря на отсутствие диаметральных расхождений с подходом, который использован в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (поскольку здесь речь также идет о выявлении причин и условий правонарушений), отметим, что Федеральному закону «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» не достает того, что с точки зрения юридической техники принято называть «терминологическая определенность». Например, в качестве основных направлений профилактики правонарушений в соответствии со ст. 6 указанного закона упоминаются «предупреждение правонарушений» и «противодействие коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения».

В литературе не раз высказывались предложения об унификации понятийно-категориального аппарата криминологии путем заключения терминологической конвенции, в том числе в рамках общей теории предупреждения преступности². Соответственно предмету настоящего исследования согласимся с позицией тех авторов, которые признают законодательную концепцию понятийно-категориального аппарата, изложенную в Федеральном законе «О противодействии коррупции», удачной с точки зрения системы междисциплинарного научного знания. Выделение направлений противодействия коррупции имеет важное методологическое значение для дифференциации предметных областей и степени участия различных наук в обеспечении рассматриваемой деятельности.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3851.

² См.: Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 280–284.

Поскольку на генезис преступности непосредственно влияет множество различных социальных, политических, экономических, психологических и иных факторов, то обеспечение научно обоснованной системы ее предупреждения требует консолидации достижений соответствующих наук. Криминология в данном случае, обладая необходимым инструментарием, выступает в виде координатора междисциплинарной работы. Реализация предупредительной деятельности в правовом поле связана с ресурсным потенциалом отраслевых юридических наук (конституционного, административного, информационного права и др.). Выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступности в целом и коррупционной преступности в частности – это приоритетное направление деятельности правоохранительных органов, которое методологически обеспечивается науками криминального цикла (уголовное право и процесс, криминалистика и др.). Напротив, минимизация и (или) ликвидация последствий коррупционных преступлений, как отражение института восстановления нарушенных прав, находит методологическую поддержку со стороны наук цивилистического цикла (гражданское право, гражданский процесс и др.)¹.

При этом важно отметить, что указанные направления противодействия коррупции не могут быть реализованы в сепарированном виде, так как тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом. Каждое из них находит объективное выражение посредством соответствующих мер, содержательное наполнение которых определяется целями антикриминального воздействия. Целеполагание, как пишет Н.В. Щедрин, – это системообразующий признак, который позволяет отнести ту или иную деятельность к предупреждению и, соответственно, обозначить круг субъектов системы предупреждения: «Основные параметры системы предупреждения преступлений, а также оценка ее эффективности определяются целью. Одно дело, когда ставится неосуществимая цель *искоренения преступности*, другое дело – *антикриминальная безопасность*, то есть поддержание состояния защищенности провозглашенных в Конституции ценностей (объектов особой охраны) от наиболее опасных посягательств (источники особой опасности)»². Поскольку традиционно к основным

¹ См.: Дамм И.А. Противодействие коррупции: вопросы понятийно-категориального аппарата. С. 28–29.

² Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Lex Russica. 2018. № 9.

задачам криминологии относится разработка научных основ организации и осуществления предупреждения преступности, а также конкретных мер предупредительного воздействия¹, то в дальнейшем мы обратимся именно к проблемам предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе.

Большинство авторов рассматривают деятельность по предупреждению преступности в качестве системы, состоящей из специфических *объектов*, претерпевающих предупредительное воздействие, *субъектов*, оказывающих предупредительное воздействие, и непосредственно *мер*, составляющих содержание предупредительного воздействия. Тем самым подчеркивается, что предупреждение преступности представляет собой особую область социального управления, родовыми признаками которого являются наличие управляемого объекта и управляющего субъекта, когда последний имеет интерес, используя объект управления как средство его реализации². При этом отмечается, что потребность в управлении может возникнуть лишь тогда, когда имеет место многообразие вариантов процесса и (или) поведения³.

К объектам предупреждения преступности относятся «негативные социальные явления и процессы, а также лица и социальные группы, которые в своей деятельности эти явления реализуют и воспроизводят»⁴. Подчеркнем, что в качестве объектов предупредительного воздействия следует рассматривать не любые социальные отклонения, а лишь те, которые несут в себе криминогенный (коррупциогенный) потенциал. В аспекте предмета настоящего исследования объектом предупредительной деятельности следует считать криминогенные девиации электорального поведения, обладающие признаками коррупции в избирательном процессе, а также объективные и субъективные детерминанты, способствующие их возникновению и развитию.

Принято выделять специализированных и неспециализированных субъектов предупреждения преступности. К первой группе субъектов относятся органы, учреждения, организации, предприятия, а также должностные лица (служащие), на

¹ Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник : учебник / Под. ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 18.

² См.: Митин А.Н. Управление переносит будущее в настоящее : монография. Екатеринбург: УрГЮА, 2010. С. 4.

³ См.: Драчук М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 173.

⁴ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 197.

которые законом возложены задачи и функции по выявлению, ослаблению или устранению причин и условий преступности, способствующих существованию и распространению преступности в целом, ее отдельных видов и конкретных преступлений¹. Ко второй – иные юридические и физические лица, которые участвуют в предупреждении преступности в процессе реализации своих общих полномочий, прав и обязанностей². С учетом положений п. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» к субъектам предупреждения коррупционной преступности в полной мере следует отнести федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, юридических и физических лиц.

Вопрос о мерах предупреждения преступности, их содержании и классификации является одним из наиболее обсуждаемых. Традиционно в рамках предупредительной деятельности выделяется два уровня: общесоциальный и специально-криминологический. Общесоциальный уровень предупреждения – это вся социально позитивная деятельность общества и государства, создающая основу для сокращения негативных и антиобщественных проявлений. Напротив, специально-криминологическое предупреждение непосредственно направлено на недопущение совершения преступлений. Несмотря на классический характер, приведенный подход все чаще вызывает обоснованную критику³. В числе иных оснований для классификации мер предупреждения преступности указываются направленность, субъект разработки и применения, территориальный масштаб, объем, механизм и форма воздействия⁴.

Из представленных на сегодня мнений об основаниях классификации мер предупреждения преступности нам представляется наиболее обоснованной концепция Н.В. Щедрина, в основу которой положен метод предупредительного воздействия.

¹ См.: Криминология : учебник / Под. ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. С. 201.

² См.: Криминология : учебник / Под ред. А.И. Долговой. С. 486.

³ См.: *Щедрин Н.В.* Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 198–213; *Ларичев В.Д.* Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) // *Общество и право.* 2011. № 1. С. 130–133; *Жубрин Р.В.* Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // *Всероссийский криминологический журнал.* 2016. № 4. С. 627–637 и др.

⁴ См.: Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. С. 283.

Согласно кибернетическому подходу процесс оптимального управления может осуществляться только с помощью двоичности информации, выраженной в соответствующих стимулах и ограничениях. В связи с чем, в рамках теории А.В. Малько, все многообразие средств правового регулирования также может быть сведено к двум основным: правовым стимулам и правовым ограничениям¹. В данном контексте *правовой стимул* – «это правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования»². *Правовое ограничение*, в свою очередь, раскрывается как «установленные законом изъятия из правового статуса гражданина, носящие превентивный характер, <...> остерегающие от возможных неблагоприятных последствий как субъектов, относительно которых действуют ограничения, так и иных лиц»³.

Развивая данную теорию, Н.В. Щедрин приходит к выводу о том, что «деятельность по предупреждению преступлений можно представить как двухсторонний процесс: с одной стороны, целенаправленное включение объекта в общественно полезные связи-отношения, а с другой – воспрепятствование вступлению в криминальные. <...> Если прерывание негативных отношений осуществляется преимущественно с помощью *принудительных мер предупреждения*, то для стимулирования позитивных связей используются, главным образом, меры, *не связанные с принуждением*»⁴. В объем мер, не связанных с принуждением (мер стимулирования, или, иначе, мер поощрения), автор дихотомически включает все виды воздействия, кроме принудительных. К последним в зависимости от механизма воздействия Н.В. Щедрин относит меры безопасности, восстановления и ответственности.

Различные виды стимулирования являются основой социальной профилактики, то есть системы самых разнообразных непринудительных методов (социальных, правовых, воспитательных, пропагандистских и иных), с помощью которых

¹ См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3. С. 134–135.

² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 76.

³ Там же. С. 100–101.

⁴ См.: Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности : учеб. пособие. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1999. С. 8–9.

осуществляется социализация и ресоциализация индивида¹. В структуре предупреждения преступности социальная профилактика осуществляет информационную и ценностно-ориентационную функцию.

Принудительные меры предупреждения преступности в общем виде представляют собой средство правового регулирования² и непосредственно связаны с категорией государственного принуждения³. В доктрине существует множество различных определений данного понятия. В частности, по мнению В.Д. Ардашкина, принуждение есть «вспомогательный государственно-властный способ подавления отрицательных волевых устремлений определенных субъектов для обеспечения подчинения их нормам права»⁴. Б.Т. Базылев указывал, что «государственное принуждение есть совершаемое компетентными органами и должностными лицами властное воздействие в виде предписания определенного поведения (психическое принуждение), либо в форме непосредственного действия (физическое принуждение)»⁵. С.Н. Кожевников понимает под принуждением «такое воздействие на субъекта, которое выражается в непосредственном насилии или угрозе его применения, заставляющих выполнить предъявленные требования в случае отступления от таковых»⁶.

Несмотря на разнообразие подходов к пониманию принуждения, следует отметить, что государственное принуждение по своей природе является видом социального принуждения, сущность которого состоит «в навязывании властным

¹ См.: *Щедрин Н.В.* Основы общей теории предупреждения преступности. С. 9.

² В науке не существует единой точки зрения на вопрос о соотношении категорий «правовое регулирование» и «правовое воздействие». В одних случаях понятия воздействия и регулирования признаются тождественными, в других – предпринимается попытка их разграничения и взаимосоотношения. Не вдаваясь в дискуссию, укажем, что в данном исследовании мы придерживаемся позиции авторов, которые включают в объем понятия «правовое воздействие», во-первых, информационное, ценностно-мотивационное воздействие права, под которым понимается влияние на сознание и мировоззрение человека, на формирование его социальных установок (статическая роль права), и, во-вторых, непосредственно правовое регулирование, под которым понимается инструментальная, специально-юридическая сторона воздействия права, где право организует поведение участников общественных отношений, заставляя их действовать активно в соответствии с возлагаемыми на них обязанностями и фиксируя у своих адресатов субъективные права (динамическая роль права). См.: Проблемы общей теории права и государства : учебник / Под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, 2004. С. 414–416; Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. М.: Юрайт, 2002. С. 343; Теория государства и права : учебник / Г.А. Борисов. Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2007. С. 235.

³ См.: *Акунченко Е.А.* Меры принуждения в системе охранительных правоотношений // Проспект Свободный-2015 : материалы научной конференции [Электронный ресурс] / Отв. ред. Е.И. Костоглодова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 1 CD-ROM. Загл. с экрана.

⁴ *Ардашкин В.Д.* О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 35.

⁵ *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск: Красноярский университет, 1985. С. 40.

⁶ *Кожевников С.Н.* О принуждении в правоохранительной деятельности советского государства // Проблемы применения советского права. Свердловск, 1973. Вып. 22. С. 120.

субъектом своей воли подвластному и выполнению последним воли принуждающего субъекта»¹. «Навязывание» воли субъекта соответствующему объекту определяет насильственный характер социального принуждения, отличающий его от иных форм социального управления. Данный факт в полной мере присущ и принуждению, субъектом осуществления которого выступает политическая организация общества (государство).

Содержание социального принуждения составляют специальные средства, при помощи которых осуществляется насильственное воздействие на поведение объекта принуждения в целях его изменения в интересах субъекта принуждения (социального управления). В данном аспекте государственное принуждение, в первую очередь, определяет применение соответствующих мер², реализуемых в рамках охранительных правоотношений посредством правоприменительной деятельности³. Как справедливо указывает К.М. Сарсенов, в динамике своего осуществления принуждение представляет собой результат примененной санкции права (диспозиции с принудительным содержанием) в целях обеспечения и решения правоохранительных задач⁴, а в статике, то есть вне рамок правоприменительной деятельности, – как правовой институт, всесторонне закрепляющий и регламентирующий основания, конкретные меры принуждения, процедуру их применения и т.д.⁵

Однако следует не согласиться с позицией тех авторов, которые не приводят различия между категориями «государственное» и «государственно-правовое» принуждение. Заслуживающей внимания представляется точка зрения М.А. Латушкина о том, что государство не всегда осуществляет принуждение в правовых формах. Наравне с таковой достаточно часто применяется, например, политическое принуждение. Тем самым, «основной целью государственно-правового принуждения

¹ Латушкин М.А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 190.

² См.: Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. С. 15.

³ См.: Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 25.

⁴ На примере юридической ответственности Б.Т. Базылев отмечает, что государственное принуждение есть средство, обеспечивающее реализацию предусмотренного в санкции нормы <...> наказания правонарушителя. См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С. 40.

⁵ См.: Сарсенов К.М. Указ. соч. С. 25-26.

является обеспечение выполнения государственной воли, урегулированной нормами права. Государственно-правовое принуждение в этой связи становится средством обеспечения государственно-правового порядка»¹. Поэтому более корректным представляется определение государственно-правового принуждения (государственного принуждения в узком смысле) в качестве оказываемого с целью обеспечения выполнения официально закрепленной в правовых предписаниях государственной воли и осуществляемое посредством силы авторитета права, а также применения или угрозы применения государственным аппаратом организованного насилия воздействия на субъектов права, в результате которого достигается государственно-правовое ограничение их деятельности².

Меры принуждения, в самом общем виде представляющие собой те или иные ограничения, применяемые к принуждаемому лицу, будут различаться в зависимости от специфики отношений, которые подвержены негативному влиянию источников опасности, в том числе различного рода правонарушений. В отдельно взятой отрасли права охранительные нормы объединяются в специализированные группы в зависимости от характера своего воздействия. Как справедливо указывал Б.Т. Базылев, «отраслевые охранительные институты выполняют различные функции принуждения к выполнению юридических обязанностей и соблюдению запретов, восстановлению нарушенных прав, предупреждения возможных и пресечения начавшихся правонарушений и противоправных состояний и другие функции»³.

На сегодняшний день в литературе выделение различных видов мер принуждения в зависимости от выполняемой охранительной функции неразрывно связано с путаницей и противоречиями в понятийном аппарате⁴. Большинство ученых вкладывают различное содержание в одни и те же категории, либо отождествляют различные по своей правовой природе. Распространенной является позиция по выделению, наравне с мерами юридической ответственности, иных мер, связанных с государственным принуждением. Среди таковых, например, называются меры защиты

¹ Латушкин М.А. Указ. соч. С. 193.

² См.: Там же. С. 195.

³ Базылев Б.Т. Указ. соч. С. 32.

⁴ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск: Красноярский университет, 1999. С. 56.

субъективных прав, меры пресечения, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, меры реквизиции и другие. Как мы уже указывали выше, в трактовке Н.В. Щедрина все меры принудительного воздействия можно подразделить на меры безопасности, меры восстановления и меры ответственности¹.

Меры безопасности – это меры некарательного ограничения поведения физических лиц и деятельности коллективных образований, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта повышенной охраны от вредного влияния любых источников опасности². Также следует акцентировать внимание на том, что при формально-логическом делении целого явления на части меры безопасности разделяются на ограничения-диспозиции (правила безопасности) и ограничения-санкции (санкции безопасности).

Правило безопасности – это совокупность обязанностей и запретов, которые субъект должен соблюдать, чтобы исключить или свести к минимуму вред, причиняемый источником повышенной опасности, либо предотвратить причинение ущерба объекту повышенной охраны любым источником опасности³. «В нашей трактовке ограничение дееспособности, правоспособности, профессиональные запреты – это правила безопасности, которые как барьеры, установленные на дальних подступах, служат охране общественных устоев», – пишет Н.В. Щедрин⁴. Если в ходе социального управления происходит нарушение правила безопасности, то это является основанием для применения более негативных последствий, т.е. санкций безопасности.

¹ В трактовке Н.В. Щедрина меры наказания и меры ретроспективной ответственности – это одно и то же. При этом под наказанием в данном контексте понимается не только уголовное наказание, но и родственные меры воздействия, предусмотренные административным, дисциплинарным и гражданским законодательством, которые выполняют карательную (штрафную) функцию и основаны на принципе пропорционального (соразмерного) деликту воздаяния. См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / Под ред. Н.В. Щедрина. Красноярск: СФУ, 2010. С. 164.

² See: *Schedrin N.V. (2011) Concept, Kinds and Limits of Security Measures. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (1), P. 114.

³ Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 38.

⁴ *Щедрин Н.В.* Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. С. 29.

Санкция безопасности – это реакция на общественную опасность личности, которая проявилась в общественно опасном деянии, либо на общественную опасность социальной группы, выразившуюся в общественно опасной деятельности, предусматривающая в качестве последствий нарушения правила безопасности ограничение возможностей продолжения такого поведения (деятельности)¹.

В своем единстве правила и санкции безопасности образуют действенное средство предупреждения вреда, возникающего в результате негативного воздействия источников опасности на объекты охраны. Однако применение мер безопасности в подобном качестве возможно не всегда. Выражаясь фигурально, если использовать обычную дрель для сверления бетона, то, вероятнее всего, достигнуть желаемого результата не удастся – сверло придет в негодность. При реализации мер безопасности складывается аналогичная ситуация: если деятельность субъекта связана с потенциальным причинением имущественного вреда, неразумно использовать в качестве санкции запрет на данную деятельность уже после нарушения правила безопасности. Подобная реакция на противоправное поведение неэффективна, ведь в данном случае уже необходима компенсация ущерба. Поэтому возникает потребность смены «насадки» и использования в подобном качестве более подходящих средств: санкций восстановления и санкций ответственности².

Анализируя предлагаемые в литературе определения понятий мер и санкций восстановления и ответственности, можно прийти к выводу, что состояние научной разработанности данной темы не позволяет их категорически разграничить. Вопрос о возможном выделении в структуре мер восстановления и мер ответственности, подобно мерам безопасности, отдельно правил и санкций и их соотношении также остается открытым. Для того чтобы избежать терминологической путаницы, в настоящем исследовании мы будем использовать данные термины как синонимы.

В отличие от мер безопасности, институт восстановления направлен на устранение вреда, который причинен противоправным деянием общественным отношениям, а также на исполнение невыполненных обязанностей. Он включает в себя

¹ Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 40.

² См.: Акунченко Е.А. Вариативность института избирательного залога в аспекте комплексного понимания мер предупредительного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 147–153.

принудительное исполнение обязанности, отмену незаконных актов и обязанность возместить ущерб. В связи с реализацией мер восстановления воссоздается система правоотношений, нарушенная невыполнением предписаний закона обязанными субъектами¹. В целом в рамках рассматриваемой концепции можно предложить следующее определение: санкция восстановления – это реакция на нарушение правила безопасности, в результате которого причинен ущерб, заключающаяся в принуждении правонарушителя к заглаживанию вреда, возмещению ущерба, и служащая для удовлетворения справедливых требований жертвы, а также восстановлению социальной справедливости.

Превалирование определенного вида санкций в конструкции мер предупредительного воздействия чаще всего зависит от специализации отрасли права, в которой они применяются. Так, санкция восстановления наиболее распространена в гражданском праве, санкция безопасности – в административном, санкция наказания – в уголовном. Однако подобное деление является достаточно условным, поскольку практически в любой отрасли права можно найти примеры всех названных видов санкций².

Таким образом, указанные меры представляют собой комплексный инструмент охраны общественных отношений, поскольку эффективное предупредительное воздействие предполагает сочетание мотивационных и просветительских мер с мерами правового регулирования общественных отношений. При рациональном и научно обоснованном использовании в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе данные меры способны сформировать такую модель поведения, при которой даже в случае совершения противоправных деяний причиненный вред либо полностью исключается, либо сводится к минимуму.

Идея комплексного понимания мер предупредительного воздействия не является новеллой. Успешный опыт реализации рядом европейских стран в противовес так называемой «одноколейной» системе, располагающей в своем аппарате лишь

¹ См.: Щедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовые и криминологические аспекты : монография. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. С. 44.

² См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 165.

одним видом уголовно-правовых санкций (Англия, Франция)¹, «двухколейной», то есть основанной на гармоническом сочетании наказания и мер безопасности (Голландия, Италия)², и даже «трехколейной» системы, включающей в себя также меры восстановления (Германия)³, наглядно демонстрирует перспективность данного направления научных изысканий.

Отечественными учеными разработана оригинальная «четырёхколейная» модель современного российского уголовного права, в рамках которой, например, институт принудительных мер воспитательного характера в динамике рассматривается как последовательное или параллельное соединение санкций поощрения (освобождения от наказания), безопасности (ограничение досуга и установление особых требований к поведению), восстановления (обязанность загладить причиненный вред) и наказания (в случае систематического неисполнения указанных требований)⁴. Однако следует отметить, что понимание правового воздействия отечественными криминалистами несколько отличается от рассмотренного выше. В уголовно-правовой сфере воздействие предполагает ответную реакцию государства на совершение общественно-опасного деяния и, тем самым, не включает в себя предупредительное влияние уголовного закона (социальную профилактику)⁵. Полагаем, что концепция мер предупредительного воздействия, имеющая бóльшую научную разработку и практическую апробацию в уголовном праве, по своей природе обладает универсальным характером и может быть адаптирована в иных отраслях публичного права, в том числе в рамках избирательных отношений.

Завершая общую характеристику системы предупреждения преступности, обратим внимание на еще один немаловажный момент. Воздействие субъекта управления на управляемый объект для его преобразования путем применения определенных мер предполагает использование или расходование материальных, технических,

¹ See: *Jescheck H.-H.* (1998) *Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate im ausländischen Recht*, Baden-Baden: *Verlag Nomos*. S. 202; *Schröder H.* (1954) *Die Vereinheitlichung der Strafe und sichernden. Maßnahmen*, *ZStW*, 66. S. 181.

² See: *Frisch W.* (1990) *Die Maßregeln der Besserung und Sicherung im strafrechtlichen Rechtsfolgensystem*, *ZStW*, 102. S. 343; *Metzger E.* (1976) *Das ausländische Strafrecht der Gegenwart*, Berlin: *Duncker und Humboldt*. B. 5. S. 173.

³ See: *Roxin C.* (1997) *Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1*. Verlag Beck. 3 Aufl. Muenchen. S. 3.

⁴ См.: *Щедрин Н.В., Кылина О.М.* Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2008. № 3. С. 40–49.

⁵ См.: *Уголовно-правовое воздействие : монография / Под ред. А.И. Рагога*. М.: Проспект, 2012. С. 3–22.

интеллектуальных, трудовых и иных видов ресурсов в зависимости от поставленных целей и свойств взаимодействующих элементов. Поэтому, кроме рассмотренных выше подсистем предупреждения преступности, необходимо обратить внимание также на *ресурсы*, при помощи которых будет поддерживаться жизнеспособность и эффективность рассматриваемой системы. Эта подсистема, как отмечается, «включает в себя: финансово-экономическое, организационное, информационно-аналитическое, научное, кадровое, нормативное и информационно-пропагандистское обеспечение»¹.

Каким бы качественным ни был закон, реализация правовых предписаний на практике требует наличия логически стройной системы правоприменительных органов и квалифицированных служащих, осуществляющих свою деятельность при должном финансовом обеспечении, на основе надлежащей материально-технической базы и научно-методического сопровождения, при поддержке и содействии населения, а также с учетом непрерывного видоизменения и развития общественных отношений и т.п. Проблемы ресурсного обеспечения актуальны для любой социальной системы, поскольку существование таковой происходит при фактической ограниченности ресурсов. Система предупреждения коррупционной преступности в данном случае не является исключением. Поэтому не случайно в числе ее основных принципов указывается принцип «основного звена», который предполагает выделение наиболее неблагоприятных сфер при помощи анализа коррупционных рисков и последующей концентрации на них основных ресурсов соответствующей системы².

В дальнейшем мы предметно рассмотрим особенности предупредительного воздействия социально-профилактических и принудительных мер в отношении коррупционной преступности в избирательном процессе, а также обратимся к наиболее чувствительным проблемам ресурсного обеспечения предупредительной деятельности в указанной сфере.

¹ Щедрин Н.В. Новый Уголовный кодекс России в контексте социального управления // Lex Russica. 2015. № 3. С. 52–53.

² См.: Щедрин Н.В. О принципах противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1. С. 282.

§ 2. Меры социальной профилактики в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе

Социальная профилактика представляет собой комплекс разнообразных не-принудительных мер, спектр предупредительного воздействия которых затрагивает подавляющее большинство сфер общественной жизни. Федеральный закон «О противодействии коррупции» устанавливает в числе мер по профилактике коррупции формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению (п. 1 ст. 6). В целях правового просвещения и правового информирования в соответствии со ст. 18 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъекты профилактики правонарушений или лица, участвующие в профилактике правонарушений, доводят до сведения граждан и организаций информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств. Данная информация может доводиться путем применения мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера. На сегодня основным средством достижения указанных целей является антикоррупционное просвещение.

Антикоррупционное просвещение – относительно новый инструмент социального управления, назначение которого заключается в формировании в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Задача по активизации просветительской деятельности впервые была поставлена перед органами власти только в рамках Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 гг.¹, хотя сам по себе тезис о необходимости развертывания системы гражданского просвещения, которая включала бы обучение антикоррупционному поведению, прозвучал на высшем политическом уровне еще в 1998 г.²

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы : Указ Президента РФ от 11 апр. 2014 г. № 226 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

² См.: Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации) : Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17 фев. 1998 г. // Российская газета. 1998. 24 фев.

За прошедший период времени наметилась устойчивая тенденция к институционализации антикоррупционного просвещения. Для организационно-правового обеспечения рассматриваемой деятельности утверждена и реализована Программа по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 гг.¹, постепенно положения об антикоррупционном просвещении как одном из инструментов противодействия коррупции появляются и в региональном антикоррупционном законодательстве². Вместе с тем изучение действующих нормативных правовых актов не позволяет сделать однозначный вывод о понятии, формах и методах антикоррупционного просвещения.

В трактовке П.А. Кабанова, антикоррупционное просвещение представляет собой систему распространения субъектами государственной антикоррупционной политики достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленную на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры³.

С учетом стоящих перед антикоррупционным просвещением целей, его осуществление призвано ослабить или нейтрализовать влияние негативных эмоционально-волевых и морально-нравственных факторов, способствующих возникновению, развитию и распространению коррупции. Формирование базовых знаний о негативных последствиях масштабного распространения коррупции, о мерах ответственности за коррупционные деяния, об индикаторах коррумпированности публичных должностных лиц и т.д. выступает важным элементом предупредительной деятельности, поскольку при грамотном и эффективном осуществлении антикоррупционное просвещение способно оказать решающее воздействие на коренные причины и условия коррупции в современном российском обществе. Однако, несмотря на это,

¹ Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы : Распоряжение Правительства РФ от 14 мая 2014 г. № 816-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 21. Ст. 2721.

² См.: Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение в субъектах Российской Федерации: опыт правового регулирования организации и перспективы развития // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2016. № 4. С. 35–55.

³ См.: Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 4. С. 42–51; *Его же*. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции // *Юридические исследования*. 2015. № 2. С. 12–27.

антикоррупционное просвещение в настоящий момент не нашло отражения в работе избирательных комиссий различного уровня, хотя для этого уже сейчас создана необходимая организационная и правовая основа.

Федеральным государственным органом, осуществляющим подготовку и проведение выборов в Российской Федерации, является ЦИК России. Одним из важнейших направлений деятельности данного органа власти (в соответствии с пп. «в» п. 9 ст. 21 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») выступает обеспечение реализации мероприятий, которые связаны с правовым обучением избирателей¹. На протяжении более чем 20 лет государством ведется активная и целенаправленная работа по повышению правовой культуры избирателей, поскольку электоральная культура составляет важнейший элемент формирования общей системы гарантий избирательных прав граждан². В утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 фев. 1995 г. № 228 Федеральной целевой программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации³ впервые были определены цели, задачи, методы правового просвещения и обучения всех участников избирательного процесса в Российской Федерации. Данная программа заложила основу современной структуры системы повышения политико-правовой культуры участников выборов⁴. В целях ее реализации был создан Российский центр обучения избирательным технологиям (далее – РЦОИТ при ЦИК России).

Начиная с 2000 г. деятельность ЦИК России в рассматриваемой области строилась в соответствии с Комплексом мер по повышению профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов и правовому обучению избирателей

¹ Стоит отметить, что используемую законодателем формулировку следует толковать шире, поскольку фактически ЦИК России использует иные меры, направленные на повышение правовой культуры избирателей, не ограничивающиеся правовым обучением (например, разъяснение и пропаганда избирательного законодательства).

² См.: О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах [Электронный ресурс] : Доклад Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2000. URL: http://www.demoscopy.ru/library/laws/cec/cec_report.

³ См.: О Федеральной целевой программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 фев. 1995 г. № 228 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 862.

⁴ См.: *Бадретдинов И.Р.* Обучение членов избирательных комиссий: правовые, организационные, материально-технические, финансовые и кадровые основы // Путь науки. 2014. № 10. С. 88.

в Российской Федерации¹ и ежегодно утверждаемым на его основе Сводным планом долгосрочных и оперативных мероприятий образовательного, информационного, организационного характера по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума) и обучению организаторов выборов и референдумов в Российской Федерации². В целях содействия согласованной деятельности по исполнению этого комплекса мер, подготовки предложений по повышению правовой культуры избирателей и организаторов выборов и референдумов, а также определения перспективных форм и методов правового обучения и просвещения участников избирательного процесса при ЦИК России был создан Координационный совет по повышению правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации³. В настоящий момент деятельность по правовому обучению избирателей строится на основе Концепции обучения кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса в Российской Федерации в 2016–2018 гг.⁴

ЦИК России осуществляет преимущественно координационные функции в отношении деятельности комиссий и государственных органов различного уровня по созданию эффективной системы повышения правовой культуры избирателей и

¹ См.: О Комплексе мер по повышению профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов и правовому обучению избирателей в Российской Федерации на 2000–2005 годы : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20 окт. 2000 г. № 113/1176-3 // Вестник Центризбиркома РФ. 2000. № 22; О Комплексе мер по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума) и обучению организаторов выборов и референдумов в Российской Федерации на 2006–2008 годы [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 фев. 2006 г. № 172/1109-4. URL: <http://www.consultant.ru>; О Комплексе мер по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов и других участников избирательного и референдумного процессов в Российской Федерации на 2009–2011 годы : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 апр. 2009 г. № 156/1111-5 // Вестник Центризбиркома РФ. 2009. № 4 и др.

² См.: О Сводном плане основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Российской Федерации на 2011 год : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 233/1524-5 // Вестник Центризбиркома РФ. 2011. № 1; О Сводном плане основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Российской Федерации на 2012 год : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 апр. 2012 г. № 116/909-6 // Вестник Центризбиркома РФ. 2012. № 7 и др.

³ См.: О Координационном совете при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по повышению правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 21 мар. 2001 г. № 124/1232-3. URL: <http://www.consultant.ru>.

⁴ См.: О Концепции обучения кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса в Российской Федерации в 2016–2018 годах : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 10 фев. 2016 г. № 323/1839-6 // Вестник ЦИК России. 2016. № 3.

организаторов выборов¹. В соответствии с пп. «в» п. 10 ст. 23 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» реализацию мероприятий, связанных с правовым обучением избирателей, на региональном уровне обеспечивает избирательная комиссия субъекта Российской Федерации. Тесно взаимодействуя в своей работе с ЦИК России, региональные избиркомы принимают соответствующие региональные программы и планы основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей и обучения организаторов выборов², в реализации которых активно участвуют территориальные избирательные комиссии, избирательные комиссии муниципальных образований.

Финансирование деятельности избирательных комиссий по правовому обучению избирателей согласно п. 1 ст. 57 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» производится за счет средств, выделенных на эти цели из соответствующего бюджета (федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета). В частности, Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации»³ и Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁴ прямо указывают на то, что расходы, связанные с повышением правовой культуры избирателей и обучением организаторов выборов в период соответствующих избирательных кампаний, производятся избирательными комиссиями за счет средств, выделенных на эти цели из федерального бюджета. Источники и размер финансирования указанной деятельности на

¹ См.: *Иванченко А.В.* Организационно-правовая основа избирательного процесса в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. М., 1997. С. 42–43.

² См.: Об утверждении Плана основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Красноярском крае на 2017 год [Электронный ресурс] : Решение Избирательной комиссии Красноярского края от 28 дек. 2016 г. № 3/16-7 // Официальный сайт Избирательной комиссии Красноярского края. URL: <http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru> и др.

³ См.: О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

⁴ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 фев. 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. №8. Ст. 740.

уровне субъектов Российской Федерации определяются региональным законодательством и подзаконными актами¹.

Важное место в деятельности избирательных комиссий по повышению правовой культуры избирателей занимала и занимает работа с молодыми гражданами Российской Федерации в возрасте от 18 до 35 лет. Вместе с тем обзор практики указанной работы, проведенный ЦИК России, позволил выявить ряд проблем, связанных с недостатками в организационных и содержательных параметрах сложившейся системы повышения правовой культуры молодых избирателей, в том числе:

- действующая система охватывает ограниченный круг участников;
- система не предоставляет возможности оперативного изменения учебных программ, доступных для широкого круга пользователей учебно-методических материалов, в том числе с использованием современных информационных технологий;
- система использует методики, не всегда позволяющие в необходимом формате и объеме доносить необходимую информацию до избирателей;
- система не использует в полной мере свои просветительские и информационные возможности и не направлена на их развитие.

Для решения указанных проблем была разработана и утверждена Молодежная электоральная концепция². В соответствии с указанным документом правовое просвещение молодых избирателей проводится ЦИК России, РЦОИТ при ЦИК России, избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации в различных формах, в том числе:

- занятия по курсу «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации» в образовательных организациях;
- конкурсы среди обучающихся и преподавателей образовательных организаций на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний;

¹ См.: Об Избирательной комиссии Красноярского края : Закон Красноярского края от 25 мая 2007 № 1-25 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2007. № 24 (176)/1.

² См.: О Молодежной электоральной концепции : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мар. 2014 г. № 221/1429-6 // Вестник ЦИК России. 2014. № 3.

– деловые игры, фестивали, конкурсы, викторины, заседания «круглых столов», экскурсии и дни открытых дверей в избирательных комиссиях, выборы председателей студенческих советов и др.;

– проведение в дни бесплатной юридической помощи в Российской Федерации специализированных акций, направленных на разъяснение молодым гражданам норм избирательного законодательства;

– организация общественных открытых лекций и семинаров по отдельным вопросам избирательного права и процесса;

– проведение в субъектах Российской Федерации мероприятий в рамках проекта «День молодого избирателя».

Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации играют важную роль в организации правового просвещения молодых избирателей. Начиная с 2008 г., проводятся дни молодого избирателя, в рамках которых реализуется широкий спектр мероприятий, направленных на развитие правовой культуры и повышение электоральной активности молодых избирателей, в том числе просветительского характера: от олимпиад и тематических классных часов, до интерактивных игр и «ярмарок молодежных идей».

На регулярной основе осуществляется работа молодежных советов и молодежных избирательных комиссий, которые представляют собой постоянно действующий совещательный и консультативный орган при избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, создаваемый с целью содействия комиссии в деятельности по повышению правовой культуры молодых избирателей и формированию кадрового резерва организаторов выборов¹.

Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации совместно с ЦИК России проводят ряд конкурсов среди обучающихся и преподавателей образовательных организаций для выявления лучших научных разработок в области повышения электоральной культуры молодых избирателей, а также конкурсов среди средств массовой информации на лучшие материалы, освещающие ход избирательных

¹ См.: *Нигматуллина Т.А.* Региональное проектирование молодежной политики. М.: NOTA BENE, 2014. С. 104–105.

кампаний, деятельность избирательных комиссий, вопросы избирательного законодательства¹.

Важной составляющей деятельности по правовому просвещению и обучению молодых избирателей на региональном уровне является обобщение и изучение конструктивного опыта работы избирательных комиссий субъектов Российской Федерации по реализации Молодежной электоральной концепции, выявление и распространение наиболее эффективных форм указанной работы, а также выработка предложений по совершенствованию и развитию избирательных технологий в Российской Федерации.

Для повышения эффективности реализации Молодежной электоральной концепции всеми субъектами правового просвещения и обучения молодых избирателей создана соответствующая Рабочая группа при ЦИК России. К числу ее задач относится ежегодная разработка и представление на рассмотрение ЦИК России планов реализации Молодежной электоральной концепции, включающих предложения, поступившие от Избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, территориальных избирательных комиссий, избирательных комиссий муниципальных образований, общественных и молодежных организаций, иных соисполнителей Молодежной электоральной концепции. В состав Рабочей группы входят члены ЦИК России, работники Аппарата ЦИК России, представители общественных и молодежных организаций, председатели избирательных комиссий ряда субъектов Российской Федерации².

Стоит отметить, что деятельность избирательных комиссий различного уровня по повышению правовой культуры избирателей имеет под собой достаточную организационно-правовую основу. Однако вызывает беспокойство тот факт, что ни в одном нормативном акте, регламентирующем рассматриваемый круг

¹ См.: О Всероссийском конкурсе на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 11 нояб. 2007 г. № 314/1801-6 // Официальный сайт ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/law/decree_of_cec/2015/11/11/314-1801-6%20.html.

² Об утверждении Положения о Рабочей группе по реализации Молодежной электоральной концепции [Электронный ресурс] : Распоряжение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 5 июня 2014 г. № 184-р // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru/molod/184-p.html>.

общественных отношений, не содержится указаний на антикоррупционную составляющую.

К объектам антикоррупционного просвещения следует отнести широкий круг участников избирательного процесса. Это, в первую очередь, лица, непосредственно реализующие свои избирательные права (избиратели и кандидаты); лица, обеспечивающие общественный контроль за осуществлением избирательных процедур (наблюдатели и члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса); лица, обеспечивающие организационно-правовое и финансовое сопровождение избирательной кампании кандидата, избирательного объединения (уполномоченные представители и доверенные лица, а также работники избирательного штаба); организации, осуществляющие информационное обеспечение выборов, и их представители.

Все субъекты антикоррупционного просвещения в избирательном процессе могут быть разделены на две группы, предложенные в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: *субъекты антикоррупционного просвещения* (правоохранительные органы, органы государственной власти и местного самоуправления, избирательные комиссии) и *лица, участвующие в антикоррупционном просвещении* (граждане, общественные объединения и иные организации). Если первая группа субъектов осуществляет просветительскую деятельность антикоррупционного содержания в рамках своих полномочий, то вторая группа распространяет антикоррупционную информацию среди участников избирательного процесса на инициативной основе и с помощью таких методов и средств, которые признает эффективными.

Полагаем, что формирование базовых антикоррупционных представлений у широкого круга участников избирательного процесса позволит деактивировать детерминанты большинства проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе, к числу которых, прежде всего, следует отнести подкуп («продажность») избирателей. И здесь речь скорее идет не о недобросовестных избирателях, которые умышленно продают свой голос, а об избирателях, которые фактически не осознают противоправный характер своего поведения. Следует согласиться с И.А. Дамм в том, что многими избирателями «вручение кандидатом, его представителем

подарков, денежных средств, оказание услуг имущественного характера в виде организации концертов, праздников и т.п. воспринимается как помощь, демонстрация заботы и участие в их проблемах, но никак не противоправная коррупционная сделка»¹. Поэтому в контексте дискуссии об установлении юридической ответственности за продажу избирателями своих голосов отметим, что возможное применение в отношении указанных лиц мер конституционно-правовой, административной или уголовной ответственности должно сопровождаться массовым антикоррупционным просвещением, направленным на формирование «антикоррупционного иммунитета» у данной категории субъектов избирательных отношений².

Важной составляющей антикоррупционного просвещения в избирательном процессе следует признать преодоление основных коррупциогенных стереотипов: «мой голос ничего не решает», «не важно, как мы проголосуем, важно, как они посчитают», «на выборах постоянно происходят вопиющие нарушения», «никто не несет ответственности за фальсификацию итогов голосования» и т.д.

Особое внимание следует уделить антикоррупционному просвещению молодых избирателей, которые, в силу своих психофизиологических и социально-демографических особенностей, наиболее сильно подвержены манипулятивному воздействию в целях незаконного достижения политически значимого результата. Ориентация молодежи в сторону коррупционно-нетерпимой модели поведения при помощи антикоррупционного просвещения требует отработки специальных методов и средств просветительского воздействия, которые, с одной стороны, способствовали бы приобретению объектом воздействия знаний об основах избирательного процесса, а с другой – формированию у него необходимых антикоррупционных установок и навыков электорального поведения.

Полагаем, что первая задача может быть решена путем включения объектов воздействия в избирательные отношения с помощью моделирования отдельных электоральных процедур в рамках просветительских мероприятий. Вторая – путем

¹ Дамм И.А. К вопросу об уголовной ответственности за подкуп избирателей // Следователь. 2007. № 12. С. 7.

² См.: Акунченко Е.А. Роль антикоррупционного просвещения в предупреждении подкупа избирателей // Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.Г. Рагозина, И.Ю. Мурашкин. Омск: Изд-во Омской юридической академии, 2017. С. 14.

организации информационного материала с учетом смысловых акцентов, имеющих антикоррупционный характер. Формой антикоррупционного просвещения, в рамках которой возможно выполнение обеих задач, на наш взгляд, является деловая игра. Начиная с 2014 г. Избирательная комиссия Красноярского края совместно с Центром противодействия коррупции и правовых экспертиз Сибирского федерального университета осуществляет антикоррупционное просвещение в игровой форме. Деловая игра «Время выбирать!» позволяет не только раскрыть масштабы распространения и основные негативные последствия коррупции в избирательном процессе, но и продемонстрировать на конкретных игровых примерах высокую общественную опасность данного социального явления. Успешный опыт апробации приведенной образовательной технологии дает основания для ее внедрения в процесс антикоррупционного просвещения граждан¹.

Высокий социально-профилактический эффект в рамках предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе имеет антикоррупционное образование, которое является одним из наиболее эффективных и перспективных направлений противодействия коррупции в органах государственной власти, в том числе в правоохранительных органах и органах местного самоуправления². Как отмечает П.А. Кабанов, антикоррупционное образование и просвещение – это разные средства предупреждения коррупции, которые обладают значительным антикоррупционным потенциалом и имеют определенные сходства между собой. «Они отличаются друг от друга по всем структурным элементам: целям и задачам, субъектам и объектам, средствам осуществления, правовому регулированию и правовым последствиям»³. Антикоррупционное образование, в отличие от просвещения, направлено не столько на распространение специальной информации, сколько на формирование необходимых навыков и умений антикоррупционного поведения, составляющих основу профессиональных компетенций должностных лиц. Исходя из указанных

¹ См.: Дамм И.А. Акунченко Е.А. Организация антикоррупционного просвещения молодых избирателей (Опыт Избирательной комиссии Красноярского края) : учеб.-метод. пособие. Красноярск: Избирательная комиссия Красноярского края, 2015. С. 57–69.

² См.: Бикеев И.И., Кабанов П.А. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. 2010. № 3. С. 178.

³ Кабанов П.А. О соотношении антикоррупционного образования и антикоррупционного просвещения как видов антикоррупционной деятельности // Административное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 981.

субъективных и объективных детерминант рассматриваемого вида коррупционной преступности, к объектам антикоррупционного образования в избирательном процессе следует отнести лиц, обеспечивающих организацию и проведение выборов, а также отвечающих за работу избирательных участков в день голосования (председатели территориальных и участковых избирательных комиссий, их заместители, секретари и члены комиссий с правом решающего голоса).

Вместе с тем в силу положений действующего законодательства обязанность по прохождению соответствующих дополнительных образовательных программ возложена лишь на лиц, замещающих в избирательных комиссиях различного уровня государственные должности на постоянной (штатной) основе, а также на государственных гражданских служащих их аппарата. Как отмечается в отчете о деятельности ЦИК России в 2007–2016 гг., в общей сложности за указанный период повышение квалификации прошли 413 государственных служащих Аппарата ЦИК России¹. При этом, как следует из отчетов о выполнении планов по противодействию коррупции за 2013–2017 гг., количество служащих, прошедших повышение квалификации по вопросам противодействия коррупции, составило 18 человек². Изучение основ противодействия коррупции происходит и в рамках обучения впервые избранных председателей избирательных комиссий субъектов Российской Федерации³.

Мониторинг мероприятий, которые включены в планы избирательных комиссий субъектов Российской Федерации по противодействию коррупции, на предмет образовательной работы в отношении членов нижестоящих комиссий дает неутешительные результаты. Обсуждение вопросов предупреждения коррупции в

¹ См.: Отчет о работе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в 2007–2016 годах [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/30619>.

² См.: Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>; Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2014 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>; Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2015 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>; Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2016 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>; Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2017 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>.

³ Председатели региональных избиркомов изучили вопросы противодействия коррупции [Электронный ресурс] // Официальный сайт РЦОИТ при ЦИК России. URL: <http://www.rcoit.ru/main/ik/education/62076>.

избирательном процессе с представителями территориальных избирательных комиссий упоминается только в нескольких из них. В частности, План противодействия коррупции в Избирательной комиссии Воронежской области на 2018–2019 гг. предусматривает обучение (информирование) сотрудников территориальных избирательных комиссий, расположенных на территории Воронежской области, о нормах действующего законодательства в сфере противодействия коррупции не реже, чем два раза в год¹. В соответствии с Планом работы Комиссии по противодействию коррупции в Избирательной комиссии Республики Хакасия на первое полугодие 2018 г. предусмотрено проведение тестирования председателей территориальных избирательных комиссий Республики Хакасия на знание антикоррупционного законодательства².

В свою очередь, представители участковых избирательных комиссий вообще не упоминаются в качестве объектов антикоррупционного образования. Как мы уже упоминали, в сфере деятельности участковых избирательных комиссий мошенничество, присвоение и растрата, служебный подлог и другие составы коррупционных преступлений по уровню распространения и размеру коррупционной выгоды опустились на уровень «бытовой» коррупции. Однако, материалы уголовных дел свидетельствуют о том, что большинство из привлеченных к ответственности участковых председателей не в полной мере осознавали противоправный характер своего поведения. Подобное положение дел вряд ли можно признать отвечающим задачам государственной антикоррупционной политики. Полагаем, что одна из ключевых проблем, возникающих на пути повышения квалификации членов избирательных комиссий по вопросам противодействия коррупции, – это фактическое отсутствие методического обеспечения антикоррупционного просвещения и образования, учитывающего специфику коррупции в избирательном процессе.

¹ См.: План противодействия коррупции в Избирательной комиссии Воронежской области на 2018–2019 годы [Электронный ресурс] : Решение Избирательной комиссии Воронежской области от 27 дек. 2017 г. № 50/351-6 // Официальный сайт Избирательной комиссии Воронежской области. URL: <http://www.voronezh.izbirkom.ru>.

² См.: План работы Комиссии по противодействию коррупции в Избирательной комиссии Республики Хакасия на первое полугодие 2018 г. [Электронный ресурс] : протокол заседания Избирательной комиссии Республики Хакасия от 9 янв. 2018 г. // Официальный сайт Избирательной комиссии Республики Хакасия. URL: <http://www.khakas.izbirkom.ru>.

В связи с этим, представляется перспективной реализация распоряжения ЦИК России «О Типовом положении об учебном центре (кабинете) избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, территориальной избирательной комиссии по обучению кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса»¹, которое направлено на решение задач организации обучения кадров избирательных комиссий и представителей других категорий участников избирательного (референдумного) процесса (политических партий, средств массовой информации, наблюдателей) и повышение качества и эффективности обучения кадров избирательных комиссий на территории субъекта Российской Федерации. Полагаем, что перечни учебных мероприятий, утверждаемые в рамках деятельности указанного центра (кабинета), могут также включать дополнительную профессиональную программу повышения квалификации «Предупреждение коррупции в избирательном процессе», учебно-тематический план которой должен быть представлен в универсальном виде.

Кроме того, в целях нормативно-правового обеспечения антикоррупционной образовательной и просветительской деятельности избирательных комиссий, на наш взгляд, необходимо указать в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на данную компоненту при правовом обучении избирателей и профессиональной подготовке членов комиссий и других организаторов выборов, дополнив пп. «в» п. 9 ст. 21, пп. «в» п. 10 ст. 23 и пп. «в» п. 9 ст. 26 словами «в том числе по вопросам противодействия коррупции».

Таким образом, социальная профилактика коррупционной преступности в избирательном процессе является важным элементом системы предупреждения этого общественно опасного явления. В ее основе лежат меры стимулирования общественно полезного поведения широкого круга участников избирательного процесса, направленные на распространение среди объектов профилактики базовых

¹ См.: О Типовом положении об учебном центре (кабинете) избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, территориальной избирательной комиссии по обучению кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса : Распоряжение ЦИК России от 28 нояб. 2017 г. № 349-р // Вестник ЦИК России. 2017. № 11.

антикоррупционных знаний об основных признаках коррупции и ее специфических чертах в сфере избирательного процесса. Различающиеся по цели, средствам и результатам, антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование в избирательном процессе в случае системного и комплексного осуществления способны обеспечить преодоление ключевых коррупциогенных стереотипов, крепко укоренившихся в российском обществе. В действующем законодательстве, практике работы ЦИК России и иных избирательных комиссий уже сегодня сформирована необходимая для этого организационно-правовая основа в рамках деятельности по повышению правовой культуры участников избирательного процесса. Полагаем, что при постановке соответствующих задач указанной деятельности может и должен быть задан необходимый антикоррупционный вектор.

§ 3. Меры безопасности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе

Меры безопасности открывают масштабный блок мер предупредительного воздействия, правовая природа которых неразрывно связана с категорией государственного принуждения. Приходится констатировать, что отсутствие угроз в жизни общества – недостижимый идеал. Никто из управляющих субъектов не может обеспечить, и никто из социальных индивидов не может претендовать на существование в абсолютно безопасных условиях среды. Но никто также не говорит о том, что к этому не нужно стремиться. Уже на заре развития человечества стало ясно, что угроза причинения вреда организму человека, системным принципам организации сообщества, членом которого он является, должна быть остановлена жестко, однозначно и по возможности «на дальних подступах»¹. Таким образом, безопасность как социальная категория приобретает целевой характер в рамках функционирования любой общественной системы, а способы ее достижения – важного инструмента социального управления.

¹ Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности : лекция. Красноярск: ЮИ Крас ГУ, 2006. С. 14.

На сегодня наиболее универсальное определение рассматриваемых мер предложено Н.В. Щедриным: «Меры безопасности – это меры некарательного ограничения поведения физических лиц или деятельности организаций (в том числе юридических лиц), применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта повышенной охраны от вредного влияния любых источников опасности»¹. Как межотраслевой институт меры безопасности представлены во всех отраслях законодательства², и сфера избирательных отношений в данном случае не является исключением.

Антикоррупционным мерам безопасности в избирательном процессе присущи все характерные черты родового явления. Как отмечает И.А. Дамм, в общем виде антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе можно определить как «меры принудительного ограничения поведения субъектов избирательного процесса, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие целью защиту общественных отношений по поводу формирования органов государственной власти и местного самоуправления, реализации избирательных прав граждан от вредоносных коррупционных посягательств»³. Пожалуй, первым примером антикоррупционного ограничения безопасности в избирательном процессе являлся запрет на ношение кандидатами пояса и туники во время посещения римского Форума. Тем самым снимались подозрения в том, что они могли принести за пазухой деньги для подкупа потенциальных избирателей⁴.

Признаками мер безопасности, которые позволяют отграничивать их от мер восстановления или ответственности, являются: непосредственная цель, основания применения, сроки применения, механизм реализации, а также специальные субъекты их применения⁵. Аналогичным образом антикоррупционный аспект указанных мер находит отражение в содержании видовых признаков.

¹ Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности // Государство и право. 2008. № 7. С. 21.

² См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. С. 63.

³ Дамм И.А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 332.

⁴ См.: Александровская С.В. Указ. соч. С. 40.

⁵ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. С. 63

Цель антикоррупционных мер безопасности – это «защита общественных отношений по поводу формирования органов государственной власти и местного самоуправления, реализации избирательных прав граждан от вредоносных коррупционных посягательств»¹. Полагаем, что одним из аспектов целевого назначения избирательной системы является достижение антикриминальной и, как следствие, антикоррупционной безопасности избирательных отношений. Н.Ю. Климова определяет коррупционную опасность в сфере выборов как осознаваемую, объективно существующую возможность негативного (прежде всего, противоправного) воздействия на объект защиты, определяемую наличием объективных и субъективных факторов, порождающих коррупционную мотивацию и свойства, в случае реализации которой может быть причинен ущерб интересам и ценностям участников избирательной кампании². Устранение или ограничение коррупциогенных факторов в концентрированном виде и выражает целевое назначение антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе.

Меры безопасности всегда связаны с ограничением прав и свобод человека, введением определенных запретов. В этом суть их регулятивного воздействия. Поэтому основания для применения мер безопасности, их пределы должны быть четко обозначены. Н.В. Щедрин предлагает использовать динамическую модель многоуровневых оснований мер безопасности, иерархию которых составляют: социальное, нормативно-правовое, фактическое и организационно-юридическое основания³.

Социальное основание образует необходимость пресечения вредного влияния источника опасности либо ограждения объекта охраны от вредного воздействия посредством ограничения конституционных прав и свобод личности. При этом вред, вынужденно причиняемый источнику опасности либо третьим лицам, должен быть меньше предотвращаемого вреда.

Нормативно-правовым основанием служат международно-правовые акты, Конституция Российской Федерации и федеральные законы, так как ограничение

¹ Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 122.

² См.: Климова Ю.Н. Антикоррупционное направление безопасности субъектов избирательного права // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2015. № 2. С. 80.

³ См.: Щедрин Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности. С. 21–23.

конституционных прав и свобод, которое происходит при применении мер безопасности, недопустимо на основе подзаконных актов в соответствии с ч. 3 ст. 55 Основного закона. Вместе с тем Федеральный закон «О противодействии коррупции» закрепляет возможность установления запретов, ограничений, обязательств и правил служебного поведения в целях противодействия коррупции посредством нормативных актов меньшей юридической силы, в том числе муниципальных нормативных правовых актов (ч. 1 ст. 12.5). Данная норма отражает особый характер коррупции в качестве источника опасности, однако в будущем ее содержание, на наш взгляд, должно получить адекватную оценку на предмет соответствия положениям Конституции Российской Федерации.

Фактическими основаниями могут выступать события и действия, представляющие общественную опасность.

Организационными основаниями служат акты правоприменения в форме приговора или определения суда, постановления судьи, прокурора или иного компетентного решения, в котором происходит индивидуализация отношений безопасности.

Применение антикоррупционных мер безопасности осуществляется по тем же социальным, фактическим и организационным основаниям, что и остальные меры безопасности¹. Нормативные основания применения антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе содержатся как в положениях законодательства о выборах, так и в иных нормативных правовых актах. *Специальное нормативное основание* применения антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе, например, закреплено в п. 2 ст. 43 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому регистрация доверенного лица, одновременно являющегося государственным или муниципальным служащим, осуществляется при условии представления в соответствующую избирательную комиссию приказа об освобождении его от исполнения служебных обязанностей (в том числе на период отпуска). Данная мера безопасности направлена на ограничение возможностей о злоупотребления административным ресурсом.

¹ См.: Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 122.

Пример *общего нормативного основания* применения антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе закреплен в п. 6.1 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому член комиссии с правом решающего голоса, работающий в комиссии на постоянной (штатной) основе, освобождается от обязанностей члена комиссии в случае несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, которые установлены Федеральным законом «О противодействии коррупции», Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹, Федеральным законом «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»².

Антикоррупционные меры безопасности имеют определенные законом сроки применения. Относительно избирательного процесса можно выделить *срочные* и *бессрочные* антикоррупционные меры безопасности. К срочным традиционно относят положения о так называемом предвыборном отпуске. Согласно п. 2 ст. 40 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» зарегистрированные кандидаты, находящиеся на государственной или муниципальной службе либо работающие в организациях, осуществляющих выпуск СМИ, на время их участия в выборах освобождаются от выполнения должностных или служебных обязанностей. Как видно, действие указанной антикоррупционной меры безопасности ограничено временными рамками соответствующей избирательной кампании. Но эта мера не является абсолютно определенной, поскольку законом субъекта Российской Федерации может быть установлено, что на выборах в представительные органы муниципальных образований при

¹ См.: О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : Федеральный закон от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ч. 4. Ст. 6953.

² См.: О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

определенном числе избирателей в избирательном округе (но не более 5 000 избирателей) зарегистрированные кандидаты, находящиеся на государственной службе, на время их участия в выборах могут не освобождаться от выполнения должностных или служебных обязанностей. Кроме того, в предвыборный отпуск не обязаны уходить Президент Российской Федерации, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации и некоторые другие категории должностных лиц.

Как отмечает С.Н. Швердяев, действующий российский избирательный закон предусматривает один из самых мягких в отношении чиновников вариантов запрета на участие в выборах в качестве кандидата, поскольку мировая электоральная практика встречает такие модели организации данного института, как «предвыборный карантин» (факт увольнения с государственной службы отодвинут на время, достаточное для разрыва служебных связей с бывшими сослуживцами и подчиненными) и «неизбираемость» (абсолютный запрет на участие в выборах для отдельных лиц)¹.

Бессрочные меры безопасности обусловлены общественной опасностью личности потенциальных участников избирательного процесса и установлены в отношении отдельных категорий физических и юридических лиц. Например, значительным антикоррупционным потенциалом обладает запрет проводить предвыборную агитацию, выпускать и распространять агитационные материалы международным организациям и международным общественным движениям (пп. «е.1» п. 7 ст. 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), поскольку посредством деятельности указанных коллективных образований может осуществляться незаконное финансирование избирательной кампании с целью повлиять извне на внутривнутриполитические процессы, в связи с чем возникнет угроза суверенитету и национальной безопасности государства.

Среди *субъектов антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе*, как и среди субъектов мер безопасности, выделяются субъекты самозащиты, государственные (муниципальные) органы и общественные организации².

¹ См.: Швердяев С.Н. Актуальные направления разработки проблематики электоральной коррупции в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 21.

² См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. С. 65.

Поскольку избирательные отношения относятся к публично-правовой сфере, привести пример самозащиты посредством некарательного ограничения поведения участников избирательного процесса достаточно сложно. Полагаем, что им будет являться добровольный уход кандидата, замещающего государственную (муниципальную) должность, в предвыборный отпуск при отсутствии о том обязанности. Сознательное антикоррупционное поведение в данном случае направлено на обеспечение безопасности избирательной кампании кандидата, с одной стороны, от возможного административного давления «сверху», а с другой – от потенциальных угроз, связанных с предвыборной агитацией политических оппонентов.

Перечень государственных и муниципальных органов, уполномоченных принимать меры безопасности в избирательном процессе, разнообразен. Ведущую роль в данном случае играют органы, ответственные за подготовку и проведение выборов (ЦИК России, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципального образования, окружные, территориальные и участковые избирательные комиссии). Практическую реализацию мер безопасности в избирательном процессе также осуществляют различные правоохранительные органы (суды, следственный комитет, полиция, прокуратура и др.). Активное участие в обеспечении мер безопасности принимают институты гражданского общества, в большей степени при наблюдении за процедурами голосования и подсчета голосов.

Особое значение для изучения антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе имеет выделение антикоррупционных *правил* и *санкций* безопасности. Антикоррупционные правила безопасности, пишет Н.В. Щедрин, – это специальные ограничения, «применяемые при поступлении и нахождении лица на государственной, муниципальной и иной службе или в период в период исполнения депутатских полномочий, цель которых – ограничить возможность использования должностного статуса для незаконного извлечения выгоды»¹.

Развивая данную концепцию, И.А. Дамм определяет антикоррупционные правила безопасности в избирательном процессе как специальные обязанности, запреты

¹ Щедрин Н.В. Правила безопасности против коррупции // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. С. 58.

и ограничения, устанавливаемые в нормативных правовых актах в отношении субъектов избирательного процесса с целью предотвращения возникновения и распространения коррупционных отношений в избирательном процессе. Антикоррупционные санкции безопасности в избирательном процессе, в свою очередь, предлагается понимать как части правовых норм, в которых в качестве последствия коррупционного поведения (деятельности), нарушающего антикоррупционный правила безопасности в избирательном процессе, предусматривается ограничение возможностей продолжения коррупционного поведения (деятельности)¹.

Логическое единство антикоррупционных правил и санкций безопасности проявляется в рамках института предвыборной агитации. В целях контроля за использованием средств избирательного фонда кандидата (избирательного объединения) и выявления фактов незаконного финансирования избирательной кампании Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» закрепляет процедуру, согласно которой экземпляры печатных агитационных материалов (их копии), экземпляры аудиовизуальных агитационных материалов, фотографии или экземпляры иных агитационных материалов до начала их распространения должны быть представлены в соответствующую избирательную комиссию. Вместе с указанными материалами должны быть также представлены сведения об адресе юридического лица, индивидуального предпринимателя (адресе места жительства физического лица), изготовивших и заказавших эти материалы, и копия документа об оплате изготовления данного предвыборного агитационного материала из соответствующего избирательного фонда (п. 3 ст. 54). Данная процедура, носящая уведомительный характер, представляет собой правило безопасности. В случае его нарушения (когда агитационный материал начал распространяться до момента соответствующего уведомления избирательной комиссии или при фактическом отсутствии такового), агитационный материал подлежит изъятию, незаконная предвыборная агитация – пресечению правоохранительными органами по представлению избирательной комиссии (п. 8 ст. 56). В данном случае реакция на нарушение указанной выше процедуры представляет

¹ См.: Дамм И.А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе. С. 333.

собой санкцию безопасности. Важно отметить, что ее реализация не является препятствием для применения иных предупредительных санкций.

Антикоррупционные правила безопасности в избирательном процессе можно подразделить на *общие* и *специальные*. Общие антикоррупционные правила безопасности следует рассматривать как антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения (стандарты поведения), которые распространяются на отдельные категории должностных лиц, вне зависимости от отраслевой принадлежности их профессиональной деятельности. Основной комплекс антикоррупционных стандартов поведения содержится в Федеральном законе «О противодействии коррупции» и дополнительно закреплен в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹, Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации»² и некоторых подзаконных актах. В частности, основные антикоррупционные стандарты поведения распространены на:

– членов ЦИК России с правом решающего голоса, членов избирательной комиссии субъекта Российской Федерации с правом решающего голоса, членов иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, с правом решающего голоса, работающим в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе;

– работников аппарата ЦИК России, избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, замещающих должности государственной (муниципальной) службы;

– работников, замещающих должности, которые включены в Перечень должностей ФГКУ «Федеральный центр информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» и ФКУ «Российский центр обучения

¹ См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

² См.: О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мар. 2007 г. № 25-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152

избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации»¹, при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

К основным антикоррупционным стандартам поведения, как пишет И.А. Дамм², относятся:

– запрет на получение вознаграждений (подарков и иных) в связи с исполнением должностных обязанностей (пп. «б» п. 15.1 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 5 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», пп. «б» п. 1 постановления Правительства Российской Федерации № 568³);

– обязанность уведомлять об обращении каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции», абз. 1 пп. «в» п. 1 постановления Правительства Российской Федерации № 568);

– обязанность представлять в установленном порядке сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (ст. 8 Федерального закона «О

¹ См.: Об утверждении Перечня должностей федерального государственного казенного учреждения «Федеральный центр информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» и федерального казенного учреждения «Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [Электронный ресурс] : Распоряжение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мар. 2014 г. № 75-р // Официальный сайт ЦИК России. URL: http://cikrf.ru/protiv_corrupcii/normativdocs/rasp-75.php.

² См.: Дамм И.А. Антикоррупционные меры безопасности в сфере образования: понятие и классификации // Национальная безопасность / nota bene. 2018. № 3. С. 16.

³ См.: О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции : Постановление Правительства РФ от 5 июл. 2013 г. № 568 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3833.

противодействию коррупции», абз. 2 пп. «в» п. 1 постановления Правительства Российской Федерации № 568);

– обязанность принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов (ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», пп. 15.3 и 15.4 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», абз. 3 пп. «в» п. 1 постановления Правительства Российской Федерации № 568) и др.

Необходимо отметить, что основные антикоррупционные стандарты поведения в настоящее время не распространены на важную группу субъектов, принимающих непосредственное участие в процессе организации и проведения выборов, – членов избирательных комиссий, осуществляющих полномочия не на постоянной (штатной) основе. В региональном законодательстве встречаются случаи возложения на данную категорию лиц обязанности представлять в установленном порядке сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей¹.

Распространение основных антикоррупционных стандартов поведения на должностных лиц, осуществляющих полномочия не на постоянной основе, в настоящий момент происходит интенсивно. В 2015 г. часть антикоррупционных стандартов поведения, закрепленных в ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции», была распространена на глав муниципальных образований, осуществляющих свои полномочия на непостоянной основе. В то же время обязанности представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а также принимать меры по недопущению любой возможности возникновения

¹ См.: О государственных должностях Красноярского края : Закон Красноярского края от 26 дек. 2006 г. № 21-5553 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2007. № 3.

конфликта интересов и сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, были возложены на лиц, замещающих муниципальные должности и осуществляющих полномочия на непостоянной основе¹.

Вместе с тем в настоящий момент члены избирательных комиссий, осуществляющие полномочия не на постоянной (штатной) основе, находятся за рамками действия антикоррупционных правил безопасности. Полагаем, что необходимо актуализировать вопрос о распространении на указанных лиц обязанностей уведомлять о склонении к совершению коррупционных правонарушений, принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Голос любого из членов избирательной комиссии, вне зависимости от основы замещения данной должности, может оказаться решающим при принятии решений, поскольку они (голоса) имеют сопоставимый вес при голосовании. Гипотетически заинтересованные в определенном политическом результате лица могут подкупить либо склонить посредством иной личной выгоды большинство членов избирательной комиссии и тем самым обеспечить принятие выгодного для себя решения. Институт уведомления о факте склонения к совершению коррупционного правонарушения призван предупредить развитие подобных ситуаций.

Также заслуживает особого внимания необходимость развития процедур предотвращения и урегулирования конфликта интересов в избирательном процессе. На практике возникают ситуации, когда личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). И если в отношении лиц, замещающих государственные или муниципальные должности на

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 3 нояб. 2015 г. № 303-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6204.

постоянной (штатной) основе, должности государственной или муниципальной службы, практика предотвращения и урегулирования конфликта интересов, несмотря на некоторую противоречивость, дает возможность определить пределы и основания коррупционного или коррупциогенного поведения чиновников, то применительно к деятельности иных должностных лиц, выполняющих важные публичные функции, но осуществляющих свои полномочия не на постоянной (штатной) основе, ее еще предстоит оценить в полном объеме. В соответствии с информацией о выполнении планов ЦИК России по противодействию коррупции за 2013–2017 гг. сведения о коррупционных проявлениях в деятельности нижестоящих избирательных комиссий поступали три раза и только в одном случае они касались действий члена комиссии, осуществляющего свои полномочия не на постоянной (штатной) основе.

В частности, в 2016 г. за счет средств, выделенных на подготовку и проведение федеральных выборов, члену Избирательной комиссии Хабаровского края с правом решающего голоса, работающему не на постоянной (штатной) основе, как индивидуальному предпринимателю оплачены услуги за изготовление печатей, приглашений на выборы, футболок и бейсболок, флаеров. Об указанном факте проинформировано руководство ЦИК России. На заседании Избирательной комиссии Хабаровского края принято решение об исключении повторения подобных ситуаций, утвержден Порядок контроля за обоснованием проведения закупок территориальными избирательными комиссиями и расчетом их стоимости¹.

Распространение основных антикоррупционных стандартов поведения в отношении членов избирательных комиссий, осуществляющих свои полномочия не на постоянной (штатной) основе, будет свидетельствовать о логической завершенности государственной антикоррупционной политики в избирательном процессе. Процедурное обеспечение предотвращения и урегулирования конфликта интересов, которое выражается в деятельности Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, будет способствовать решению сложных и потенциально опасных казусов, возникающих в ходе избирательной

¹ См.: Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2017 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru>.

кампании, на основе коллективного и компетентного обсуждения. На наш взгляд, это повысит эффективность предупреждения коррупционных проявлений в избирательном процессе и гарантирует права должностных лиц на объективное рассмотрение конфликтных и предконфликтных ситуаций.

В связи с изложенным предлагаем внести изменения в положения ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а именно: в п. 15.3 исключить слова «работающий в указанной комиссии на постоянной (штатной) основе», в п.п. 15.4 и 15.5 – «работающие в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе». Считаем необходимым подчеркнуть, что распространение указанных выше антикоррупционных стандартов поведения на новые категории должностных лиц должно сопровождаться их антикоррупционным образованием, поскольку фактическое наличие запрета при отсутствии требуемых знаний и навыков его соблюдения не будет иметь должного предупредительного эффекта. Это подтверждает функциональная взаимосвязь элементов предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, которые существенно отличаются по методу правового воздействия.

К числу специальных антикоррупционных правил безопасности следует отнести антикоррупционные стандарты поведения, установленные в отраслевом избирательном законодательстве и учитывающие особенности специального правового статуса, служебного положения потенциальных субъектов коррупционных отношений в избирательном процессе. Примером таковых является запрет на использование преимуществ своего должностного или служебного положения, установленный Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в отношении кандидатов, замещающих государственные или выборные муниципальные должности, кандидатов, находящихся на государственной или муниципальной службе либо являющихся членами органов управления организаций независимо от формы собственности (в организациях, высшим органом управления которых является собрание, – членами органов, осуществляющих руководство деятельностью этих организаций), за исключением политических партий, а также кандидатов, являющихся должностными

лицами, журналистами, другими творческими работниками организаций, осуществляющих выпуск СМИ (п. 1 ст. 40).

Помимо рассмотренных выше, также можно выделить технические, экономические, организационные и информационные антикоррупционные меры безопасности.

К числу *технических антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе* следует отнести использование автоматизированных средств, предназначенных для проведения электронного голосования, автоматизированного подсчета голосов избирателей, установления итогов голосования и составления протокола участковой комиссии об итогах голосования. Наибольшее распространение при проведении голосования получили комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ). Одним из основных преимуществ указанного технического средства является исключение возможности подлогов при подсчете избирательных бюллетеней и фальсификации итогов голосования¹. Кроме того, сегодня широко внедряются в электоральную практику комплексы для электронного голосования (КЭГ) и QR-кодирование (нанесение машиночитаемого кода) различных избирательных документов.

Экономические антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе представлены законодательными ограничениями источников формирования, предельных размеров и расходования избирательного фонда кандидата (избирательного объединения) в целях предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Как пишет В.В. Красинский, «большое значение для выявления фактов незаконного финансирования имеет использование функционального комплекса задач "Финансы" Государственной автоматизированной системы "Выборы". Данный функциональный комплекс призван обеспечивать бухгалтерский учет, планирование, исполнение и контроль исполнения бюджетов избирательных кампаний»².

Организационные антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе выражаются в многочисленных положениях о запрете лицам, находящимся

¹ См.: Матренина К.Ю. Достоинства комплексов обработки избирательных бюллетеней и комплексов для электронного голосования // Государство и право. 2015. № 12. С. 109.

² Красинский В.В. Борьба с отмыванием денежных средств в ходе выборов: проблема и возможные пути ее разрешения // Право и политика. 2003. № 6. С. 54–63

на государственной или муниципальной службе, использовать преимущества своего должностного или служебного положения¹. Применительно к избирательному процессу среди таковых следует выделить антикоррупционные ограничения, которые должен соблюдать кандидат на выборную должность. Так, при проведении избирательных кампаний кандидатам вместе с заявлением необходимо представить сведения о принадлежащем кандидату, его супругу и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе и обязательствах имущественного характера за пределами территории РФ, а также об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество (пп. «а» п. 3.1 ст. 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Кроме того, к числу важнейших организационных антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе необходимо отнести антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, регулирующих вопросы организации и проведения выборов. Представляя собой «систему превентивного воздействия не на коррупцию непосредственно, а на линии детерминации ее проявлений, которые опосредованно проявляются в живую на практике, хотя и имеют нормативный правовой источник»², данный инструмент направлен на повышение качества нормотворческой деятельности избирательных комиссий с целью ограничения возможностей коррупционного поведения субъектов правоприменения в избирательном процессе.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»³ органы, организации, их должностные лица проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций,

¹ См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 253.

² Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 223.

³ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также согласно методике, определенной Правительством Российской Федерации¹. Практика исполнения настоящего предписания, которое, на наш взгляд, имеет безусловный императивный характер, в рамках деятельности избирательных комиссий различного уровня является неоднозначной.

В соответствии с п. 1 ст. 21 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» ЦИК России является федеральным государственным органом и поэтому проводит антикоррупционную экспертизу своих нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на основе порядка, утвержденного постановлением от 24 нояб. 2010 г. № 228/1503-5². Необходимо отметить, что данный государственный орган избрал широкий подход к определению перечня актов и их проектов, подлежащих антикоррупционной экспертизе. В частности, помимо нормативных правовых актов, принимаемых по вопросам компетенции ЦИК России, определенной в п. 9 ст. 21 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», к числу актов и их проектов, подлежащих антикоррупционной экспертизе, также отнесены инструкции по вопросам единообразного применения настоящего Федерального закона, обязательные для исполнения (п. 13 ст. 21). В силу того, что указанные правовые акты имеют двойственный характер, поскольку могут содержать как ненормативные предписания, так и нормативные предписания организационно-процедурного и технико-юридического характера³, их признание в качестве предмета антикоррупционной экспертизы не является безусловным. Но потенциальное наличие в таковых коррупционных факторов, обуславливающих возникновение и развитие коррупционных

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ от 26 фев. 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

² Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление ЦИК России от 24 нояб. 2010 г. № 228/1503-5 // Официальный сайт ЦИК России. URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/25409>.

³ См.: *Иванов С.А.* Юридическая сила инструкций Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и их место в правовой системе // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 30.

отношений в избирательном процессе, свидетельствует о прогрессивном расширении правового поля антикоррупционной экспертизы в деятельности ЦИК России.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются государственными органами субъектов Российской Федерации, в связи с чем, на наш взгляд, также обязаны проводить антикоррупционную экспертизу своих нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на основе порядка, утвержденного решением соответствующей избирательной комиссии. Вместе с тем использование в п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» неоднозначных формулировок является причиной отсутствия единообразной практики проведения антикоррупционной экспертизы на уровне региональных избирательных комиссий. Более того, Избирательная комиссия Свердловской области на своем официальном сайте категорично указывает на то, что оснований для проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов данной комиссии в действующем законодательстве не имеется¹.

В процессе предпринятого мониторинга официальных сайтов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации соответствующий порядок проведения антикоррупционной экспертизы удалось обнаружить лишь в 21 регионе². Важно подчеркнуть, что практика нормативной регламентации экспертной деятельности не является однородной. В большинстве избирательных комиссий субъектов Российской Федерации утвержден порядок проведения антикоррупционной экспертизы, который практически дословно воспроизводит аналогичный порядок, утвержденный ЦИК России. В некоторых избирательных комиссиях принято положение о Рабочей группе по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, в котором затрагиваются вопросы о порядке экспертной

¹ URL: <http://www.sverdlovsk.izbirkom.ru>.

² Данный факт не означает, что указанные акты избирательных комиссий субъектов Российской Федерации не были приняты в принципе, однако найти и ознакомиться с их содержанием на официальном сайте не представляется возможным.

деятельности¹. Примечателен опыт Избирательной комиссии Волгоградской области, в регламенте деятельности которой указано, в частности, что «в случае, если проект решения Комиссии имеет нормативно-правовой характер, одновременно с правовой экспертизой юридическая служба проводит антикоррупционную экспертизу проекта решения Комиссии»². Однако каких-либо актов, детально регламентирующих проведение антикоррупционной экспертизы в данной избирательной комиссии, на ее официальном сайте обнаружено не было.

Следует также отметить, что даже формальное наличие соответствующих порядков не позволяет сделать вывод об эффективности антикоррупционной экспертизы, поскольку представленная информация даже на сайте ЦИК России является устаревшей и фрагментарной³. Полагаем, что в сложившихся условиях оптимальным способом активизации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов избирательных комиссий и их проектов является разработка ЦИК России типового порядка ее проведения с определением примерного перечня нормативных правовых актов, подлежащих экспертизе, а также организация единого учета количественно-качественных показателей проведения антикоррупционной экспертизы в избирательном процессе и обеспечение их открытости для всех заинтересованных лиц. Следует согласиться с позицией В.В. Астанина, что совокупный анализ этих данных «позволит отразить практическую ценность антикоррупционной экспертизы и сформулировать требуемые научно- и практически обоснованные методические ее основы»⁴.

К числу *информационных антикоррупционных мер безопасности* следует отнести нормы законодательства о выборах, составляющие институт открытости избирательной системы. По словам Ю.А. Нисневича, «открытость представляет собой явление коммуникативного характера, суть которого в наличии каналов легального

¹ URL: <http://www.amur.izbirkom.ru>; <http://www.primorsk.izbirkom.ru>.

² URL: <http://www.volgograd.izbirkom.ru>.

³ См.: Подшивалов В.Е. Антикоррупционная экспертиза и избирательная система Российской Федерации // Избирательное право. 2017. № 1. С. 8.

⁴ Астанин В.В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики // Мониторинг правоприменения. 2016. № 3. С. 5.

проникновения и воздействия на власть всего спектра политических, экономических и социальных сил общества»¹.

Доверие избирателей к органам народного представительства не может быть сформировано без обеспечения свободного доступа к социально значимой информации об избирательном процессе, участвующих в нем лицах и деятельности избирательных комиссий. Идея народовластия способна получить полноценную реализацию только при наличии у граждан реальной возможности оценивать и необходимым образом реагировать на качество принимаемых государственным аппаратом решений. В литературе подчеркивается, что «общественный контроль может и должен стать той внешней опорой, рычагом и системой обратной связи, который обеспечит целостность, сбалансированность процессов преобразования и конечный успех проводимых государством реформ»².

Как пишет Э.В. Талапина, рассмотрение открытости в качестве превентивной антикоррупционной меры обусловлено тем, что посредством нее обеспечивается контроль со стороны общества за функционированием государственного аппарата, выполнением запретов и ограничений для государственных и муниципальных служащих, участие гражданского общества в принятии управленческих решений³. Полагаем, что антикоррупционное значение открытости избирательной системы состоит в том, что посредством ее обеспечения существенно возрастает риск обнаружения коррупционных отношений в процессе реализации избирательных процедур, повышается качество применения норм законодательства о выборах, а также формируется доверие граждан к легальности результатов волеизъявления и легитимности избранных в ходе голосования должностных лиц.

В рамках современного российского избирательного процесса применяются два вида информационных антикоррупционных мер безопасности. Первая группа направлена на обеспечение доступа заинтересованных лиц к социально значимой информации о кандидатах на выборные должности. Так, например, в соответствии с

¹ Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. М.: КноРус, 2012. С. 177.

² Макарова О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 55.

³ См.: Талапина Э.В. Антикоррупционный информационный стандарт в государственном управлении: подходы к пониманию // Государство и право. 2011. № 3. С. 6.

п. 8 ст. 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательные комиссии направляют в СМИ сведения о выявленных фактах недостоверности представленных кандидатами при их выдвижении сведений, в объем которых в том числе входят сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера кандидатов, их супругов и несовершеннолетних детей.

Вторая группа мер направлена на обеспечение открытости деятельности избирательных комиссий в период организации и проведения выборов. Анализ избирательного законодательства позволяет сделать вывод о том, что основной комплекс информационных антикоррупционных мер безопасности в рамках этой группы сконцентрирован на важных этапах избирательного процесса: процедурах голосования и подсчета голосов. К числу таковых следует отнести обеспечение доступа общественных наблюдателей на избирательный участок в день голосования, создание условий для дистанционного наблюдения, открытость данных об уровне явки и результатах голосования на каждом избирательном участке посредством ГАС «Выборы» и др. Вместе с тем полагаем, что применение антикоррупционных мер безопасности в целях предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе не может быть эффективным без обеспечения должной открытости в деятельности избирательных комиссий на протяжении всех этапов избирательной кампании.

Процесс принятия управленческих решений, по справедливому мнению Э.В. Талапиной, выступает как «наиболее слабое звено в деятельности российской власти, поскольку сам процесс принятия решений мало урегулирован нормативно, их мотивировка зачастую непонятна»¹. ЦИК России сделала значимый шаг на пути обеспечения открытости избирательной системы путем возведения практики интернет-трансляции своих заседаний и хранение соответствующих видеозаписей на официальном сайте в непреложный императив. Однако эта мера обеспечения открытости избирательных комиссий не нашла широкого распространения в силу экономических, технических и политических причин. Полагаем, что осуществление интернет-

¹ Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 298.

трансляций заседаний избирательных комиссий субъектов Российской Федерации (даже без их последующего архивного хранения на официальном сайте) позволит существенно снизить вероятность принятия немотивированных решений, повысить уровень социальной ответственности членов комиссий, а также будет стимулировать их к развитию своей профессиональной компетентности.

По направленности предупредительного воздействия антикоррупционные меры безопасности подразделяются на *меры пресечения* и *меры охраны*. В трактовке Н.В. Щедрина, меры пресечения направлены на сам источник опасности, изолируя или ограничивая его вредное воздействие, в то время как меры охраны – на ограждение объекта защиты от внешних источников опасности¹. Сообразно этому антикоррупционные меры пресечения в избирательном процессе следует понимать как принудительные ограничения коррупциогенного поведения или деятельности субъектов электоральных отношений, а антикоррупционные меры охраны в избирательном процессе – как гарантии полноценной реализации избирательных прав граждан в условиях защищенности от негативного воздействия коррупционных проявлений.

Антикоррупционные меры пресечения в избирательном процессе широко распространены в рамках финансового обеспечения выборов. Формирование и расходование средств избирательного фонда сопряжено с высокими коррупционными рисками, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, финансовый ресурс является одним из важнейших условий достижения политического результата. В связи с чем стройная система ограничительных мер применительно к данной сфере является важным условием предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе. Н.В. Щедрин пишет, что меры пресечения, в зависимости от момента оказания предупредительного воздействия, можно подразделить на превентивные и неотложные². *Превентивной антикоррупционной мерой пресечения* в нашем случае являются контроль за целевым расходованием денежных средств, выделенных комиссиям на подготовку и проведение выборов, за источниками поступления средств в избирательные фонды, за организацией учета этих средств и их использованием,

¹ См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 49.

² См.: Там же. С. 57.

проверка финансовых отчетов кандидатов (избирательных объединений), для осуществления которых создаются соответствующие контрольно-ревизионные службы (п. 1 ст. 60 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). В свою очередь, выявление в ходе контрольно-ревизионных мероприятий индикаторов противоправной деятельности является условием применения *неотложных антикоррупционных мер пресечения*. Так, если в ходе проверки выяснится, что печатный агитационный материал содержит недостоверные сведения об оплате из средств избирательного фонда кандидата, то его распространение подлежит пресечению, а тираж – изъятию по представлению соответствующей избирательной комиссии (п. 8 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Антикоррупционные меры охраны в избирательном процессе выражаются в обеспечении гарантий специального правового статуса субъектов избирательных отношений. Например, во время проведения выборов зарегистрированный кандидат не может быть по инициативе работодателя, представителя нанимателя, администрации образовательной организации уволен с работы, со службы, отчислен из образовательной организации или без его согласия переведен на другую работу, в том числе на работу в другую местность, а также направлен в командировку, призван на военную службу, на военные сборы или направлен на альтернативную гражданскую службу (п. 2 ст. 41 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Данная мера обеспечивает безопасность лица, реализующего пассивное избирательное право, от возможных злоупотреблений административным ресурсом со стороны непосредственного руководства в связи с активной политической деятельностью.

Таким образом, меры безопасности представляют собой важный элемент системы предупреждения коррупционной преступности. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе направлены на некарательное ограничение поведения субъектов избирательных отношений с целью предупреждения коррупционного воздействия на процессы волеформирования и волеизъявления избирателей.

Их основу составляют антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения (стандарты поведения), содержание которых варьируется в зависимости от статуса или положения субъекта избирательных отношений. Перспективным представляется распространение общих антикоррупционных стандартов поведения на членов избирательных комиссий с правом решающего голоса вне зависимости от основы замещения указанной должности, а также разработка специальных антикоррупционных стандартов поведения для иных субъектов избирательного процесса.

Кроме того, представляется необходимым активизировать деятельность избирательных комиссий различного уровня по проведению антикоррупционной экспертизы принимаемых ими нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Реализация данной меры безопасности позволяет выявлять и устранять дефекты нормативно-правового регулирования избирательных отношений, которые зачастую детерминируют возникновение и развитие коррупционных отношений в указанной сфере. Для этого, на наш взгляд, необходима разработка в ЦИК России типового порядка проведения антикоррупционной экспертизы с определением примерного перечня нормативных правовых актов, подлежащих ее проведению, а также организация единого учета показателей проведения антикоррупционной экспертизы в избирательном процессе и обеспечение их открытости для всех заинтересованных лиц.

§ 4. Меры восстановления в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе

Рассматривая меры предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе в рамках механизма правового воздействия, необходимо обратить внимание на такой специфический вид мер принуждения, как меры восстановления. В литературе отсутствует единство мнений по вопросу правовой природы данной категории. Значительная часть ее исследований связана с изучением мер ответственности. «Недостаточная изученность данного вопроса является препятствием при реализации человеком и гражданином своих прав, так как ключевым фактором формирования гражданского общества и построения правового государства является

система получения и использования юридических знаний о правосстановлении вообще и о правосстановительных санкциях в частности»¹.

Институт восстановления прав наиболее разработан в сфере частного права. Как указывает В.А. Чашников, «в частноправовых отношениях основными целями применения мер государственно-правового принуждения являются: пресечение противоправных действий и принудительное восстановление нарушенного права. Подобная особенность возникает в связи с тем, что были нарушены права отдельного лица, соблюдение которых гарантируется государством. <...> В то же время в публичных правоотношениях правонарушение затрагивает интересы всего общества в целом, при этом может иметь место одновременно нарушение прав отдельных лиц. В связи с этим публично-правовое принуждение будет преследовать помимо перечисленных выше целей и цель наказания правонарушителя»². С указанной позицией можно согласиться в части указания на причины широкого распространения института восстановления прав в сфере частного права, опуская авторское наполнение мер государственно-правового принуждения в публичном праве.

Восстановление нарушенных субъективных прав в гражданско-правовом смысле на сегодняшний день заимствовано многими отраслями права, поэтому логично начать рассмотрение данного института с точки зрения цивилистики. Способы защиты гражданских прав принято разделять на меры государственно-принудительного порядка, обладающие признаками мер гражданско-правовой ответственности, и меры защиты в узком смысле слова, не обладающие признаками гражданско-правовой ответственности³. Так, к мерам гражданско-правовой ответственности относятся возмещение убытков (вред), взыскание неустойки, имущественная компенсация морального вреда, а все иные меры защиты гражданских прав именуется мерами защиты гражданского права в узком смысле слова⁴.

¹ Кузьмин А.В., Ходукин Д.В. Категориальный статус правосстановительных санкций: понятие, признаки, виды // Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 7. С. 51.

² Чашников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 120–121.

³ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 310–312.

⁴ См.: Хузмиева М.Б. Защита прав собственности и иных вещных прав от посягательств : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 135.

В рамках указанной позиции основанием для выделения способов защиты субъективных прав является компенсаторно-восстановительная функция мер гражданско-правовой ответственности в ретроспективном аспекте. «Применение мер гражданско-правовой ответственности либо восстанавливает имущественную сферу потерпевшего, либо является имущественной компенсацией за моральный вред»¹. В то же время меры защиты гражданских прав (в узком смысле), помимо восстановительной, выполняют также превентивные и пресекательные функции. В.С. Ем писал, что «меры защиты гражданских прав в узком смысле слова могут применяться для предупреждения и пресечения правонарушения»².

Полагаем, что отождествление мер восстановления и мер гражданско-правовой ответственности представляется не совсем верным. Исходя из того, что гражданско-правовая ответственность – это отраслевой институт юридической ответственности, представляется справедливой позиция Б.Т. Базылева, по мнению которого большинство норм гражданского права охранительного характера объединяются в институты восстановления нарушенных прав и выполняют компенсационную функцию. Однако фактически институты ответственности и восстановления прав имеют разную природу и не могут отождествляться³. Также отмечается, что если средством защиты прав является возмещение вреда, то его нельзя считать санкцией ответственности, поскольку последняя всегда несет в себе меру наказания, чего нет, например, в мерах восстановления⁴. А.В. Кузьмин и Д.В. Ходукин также указывают, что в случае реализации мер правовосстановления практически не имеет значения, претерпит ли правонарушитель неблагоприятные последствия или нет, важен сам факт восстановления нарушенного права⁵.

Как пишет С.В. Евдокимов, правовосстановительные меры есть средства государственно-правового принудительного воздействия, которые применяются управомоченными субъектами в целях восстановления нарушенного правоотношения

¹ См.: Гражданское право. Общая часть : учебник : в 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 1. С. 421.

² См.: Там же.

³ См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С. 34–35.

⁴ См.: Там же. С. 38–39.

⁵ См.: Кузьмин А.В., Ходукин Д.В. Указ. соч. С. 47.

(независимо от субъективных оснований) путем принуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной юридической обязанности. «Их главное назначение – восстановление нормальных связей и отношений, восстановление нарушенного субъективного права»¹.

В п. 2 ст. 12 ГК РФ² закрепляется, что одним из способов именно защиты нарушенных прав является восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Содержанием данного способа защиты гражданских прав выступают предъявление требований о возврате вещи из чужого незаконного владения, иск о возврате приобретенного или сбереженного имущества другим лицом за счет кредитора без достаточных к тому оснований³, признание оспоримого договора недействительным, а также применение последствий недействительности ничтожного договора⁴.

Как отмечает Н.В. Щедрин, институту восстановления в общеправовом смысле присущи следующие признаки⁵:

- специальная цель, которая состоит в возмещении причиненного ущерба, заглаживании вреда, реабилитации;
- сроки применения мер восстановления закрепляются законодательно в виде сроков данности совершения правовосстановительных действий;
- реализация мер восстановления возможна только уполномоченными на то субъектами и путем принятия определенного правоприменительного акта.

В рамках публичного права институт восстановления нарушенных прав также находит широкое применение, однако является менее изученным явлением. Например, в рамках уголовного права восстановление осуществляется путем косвенного стимулирования (деятельное раскаяние) либо прямым возложением обязанности заглаживать причиненный вред (возложение на несовершеннолетнего обязанности

¹ Евдокимов С.В. Правовосстановительные меры в Российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 11.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 авг. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См.: Кузьмин А.В. Формы восстановления нарушенного субъективного права: теоретические и гражданско-правовые аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2. Ч. 2. С. 109.

⁴ См.: Богданова Е.Е. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 147.

⁵ См.: Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. С. 62–64.

загладить причиненный вред). Н.В. Щедрин пишет, что, принуждая правонарушителя к заглаживанию вреда, возмещению ущерба, данные меры одновременно служат удовлетворению справедливых требований жертвы, а также восстановлению социальной справедливости¹.

Меры восстановления являются межотраслевым институтом правового воздействия, имеющим частноправовую природу, но также незаменимы для определенных целей регулирования публичных правоотношений. Специфика мер восстановления заключена в реальном и актуальном восстановлении нарушенных прав с соблюдением принципа абсолютной эквивалентности под угрозой или в рамках реализации государственного принуждения, в установленные законом сроки и надлежащими субъектами. Особенностью действия данного механизма в сфере публичных отношений выступает то, что субъектами правовосстановления могут являться как физические или юридические лица, так и органы государственной власти. Кроме того, одна из отличительных черт состоит в том, что правовым основанием для применения мер восстановления может быть не только правонарушение, но и злоупотребление субъективными правами.

Мы уже неоднократно отмечали, что коррупция в избирательном процессе, представляя собой многогранное негативное явление, не ограничивается составом административного правонарушения или уголовного преступления. Значительная часть деяний, направленных на причинение вреда субъектам избирательных отношений, формально не противоречит нормативным предписаниям в силу дефектности норм законодательства о выборах. По существу, подобные действия (бездействии) являются *злоупотреблением правом*, которое может рассматриваться как форма коррупции в избирательном процессе, поскольку выражается в формально законном использовании субъектом избирательного процесса своего служебного положения (специального правового статуса) в целях извлечения любой выгоды для себя и (или) третьих лиц, вопреки предназначению определенного института избирательного права. Указанная модель реализации права не образует состав правонарушения в силу коррупциогенности норм законодательства о выборах, но вместе с

¹ См.: Там же. С. 60.

тем неминуемо влечет причинение материального и (или) нематериального вреда другим участникам избирательного процесса либо избирательному корпусу в целом и в перспективе выступает как актуальное направление деликтолизации или криминализации¹. Однако в силу определенной инертности механизмов уголовно-правовой охраны представляется важным использование предупредительного потенциала мер восстановления как средства социального управления, преимущественно действующего *ante factum* и по своей природе оставляющего возможный вред «на дальнейших подступах». Меры восстановления заблаговременно формируют такой правовой статус источника опасности либо такой правовой режим объекта охраны, при котором вероятность причинения вреда сводится к минимуму или полностью исключается. Рассмотрим данную гипотезу на примере участия в избирательной кампании «технических» кандидатов.

Одним из видов обеспечения реализации пассивного избирательного права является государственное финансирование избирательных кампаний кандидатов. Его основной формой считается не *прямое*, т.е. непосредственное перечисление средств в избирательный фонд кандидата, а *косвенное* финансирование, когда всем зарегистрированным кандидатам в соответствии с законодательством о выборах предоставляется бесплатное эфирное время, бесплатные печатные площади, помещения для проведения агитационных мероприятий и т.д.² При этом предполагается, что предоставляемые со стороны государства гарантии будут использованы кандидатами именно в целях избрания и служения народу, но это, к сожалению, происходит не всегда.

Как ни странно, некоторые положения избирательного законодательства создают условия для противоправного использования кандидатом предоставляемого со стороны государства финансирования. Ярким примером подобной ситуации, на наш взгляд, является право кандидата на отказ от участия в выборах без вынуждающих к тому обстоятельств. Так, в соответствии с п. 30 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме

¹ См.: Акунченко Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе и основные меры его предупреждения // Академический юридический журнал. 2017. № 2. С. 47.

² См.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник. С. 391–392.

граждан Российской Федерации» кандидат, выдвинутый непосредственно, не позднее чем за пять, а кандидат, выдвинутый в составе списка кандидатов, – за пятнадцать дней до дня голосования вправе обратиться в избирательную комиссию с заявлением о снятии своей кандидатуры.

Несмотря на то, что данная норма дополнительно гарантирует участникам избирательного процесса свободу в реализации своего пассивного избирательного права, в ряде случаев именно благодаря указанной возможности происходит совершение кандидатами различных коррупционных действий. Например, получая финансовую поддержку наравне с остальными, некоторые кандидаты участвуют в выборах исключительно для обеспечения интересов «основного» кандидата, при этом играя лишь «техническую» роль. Нередко на одном избирательном округе наиболее популярному кандидату противостоят три-четыре однофамильца с целью запутать избирателей и «оттянуть» у него голоса. Зачастую кандидат вступает в избирательный процесс для повышения узнаваемости собственной персоны среди избирателей, или, скажем, являясь предпринимателем, для популяризации своей компании или продукта, который она производит. Учитывая, что такие кандидаты являются полноправными участниками выборов, они также получают государственное финансирование на проведение агитационной кампании наравне с остальными. Таким образом, выделяемые из бюджета средства, по сути, оказываются потраченными впустую. Ситуация усугубляется еще и тем, что избирательное законодательство не содержит защитных мер, способных предупредить подобные действия в рамках использования права на отказ от участия в выборах без вынуждающих к тому обстоятельств¹.

С целью наглядной иллюстрации действительного материального ущерба, который причиняется соответствующему бюджету из-за вышеописанных действий кандидатов, рассмотрим ситуацию, сложившуюся на выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края в 2011 г. в отношении косвенного финансирования избирательных кампаний кандидатов путем предоставления бесплатного

¹ См.: Акунченко Е.А. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 14–19.

эфирного времени. По материалам, полученным в Избирательной комиссии Красноярского края, из числа кандидатов, выбывших после регистрации в качестве таковых, пятеро сделали это по собственному желанию на основании письменного заявления, а именно: кандидат А. (Железнодорожный одномандатный избирательный округ (далее – ОИО)), кандидат Б. (Минусинский ОИО), кандидат В. (Уярский ОИО), кандидат Г. (Таймырский двухмандатный избирательный округ (далее – ДИО)) и кандидат Д. (Эвенкийский ДИО). Данные об объемах косвенного финансирования в отношении указанных кандидатов удалось установить только по трем персоналиям: кандидатам Б., В. и Г. При анализе таких параметров, как результаты жеребьевки и объем предоставленного эфирного времени, стоимость единицы эфирного времени, дата подачи заявления о снятии своей кандидатуры без вынуждающих к тому обстоятельств, нами были сделаны следующие выводы¹:

1. В соответствии с приложением № 1 к договору № ЗС-63/БМ от 03.11.2011 кандидату Б. со стороны КГБУ «Дирекция краевых телепрограмм» было предоставлено эфирное время для проведения агитации хронометражем 15 секунд 9, 14, 15, 24 и 30 ноября 2011 г. Общая сумма безвозмездного оказания услуг по предоставлению эфирного времени, как указано в приложении, составила 75 000 руб. Учитывая то, что кандидат Б. выбыл из избирательной кампании 29 ноября, он смог воспользоваться предоставленной со стороны региона возможностью четыре раза. Принимая во внимание, что стоимость одной секунды эфирного времени составляет 1000 руб. ($75\,000 / (15 \times 5)$), сумма затрат, понесенных региональным бюджетом, составляет 60 000 руб. ($15 \times 4 \times 1000$).

2. В соответствии с протоколом распределения эфирного времени, предоставляемого на безвозмездной основе, кандидату В. было предоставлено эфирное время для проведения агитации хронометражем 15 секунд 9, 14, 18, 23 ноября и 1 декабря 2011 г. Учитывая, что услуги по предоставлению эфирного времени осуществляло также КГБУ «Дирекция краевых телепрограмм», представляется возможным признать стоимость оказания данных услуг в размере 75 000 руб. в Минусинском ОИО

¹ См.: Акунченко Е.А. Избирательный залог как средство обеспечения антикоррупционного критерия популярности кандидата среди избирателей // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3. С. 66–73.

аналогичной для Уярского ОИО. Принимая во внимание, что кандидат В. выбыл из избирательной кампании 25 ноября, то он также смог воспользоваться предоставленной со стороны региона возможностью четыре раза. Таким образом, сумма затрат, понесенных региональным бюджетом, составляет 60 000 руб.

3. В соответствии со сводными сведениями об объемах бесплатного эфирного времени, предоставленного ВГТРК «ГТРК «Норильск» в г. Дудинке, эфирное время, которое в общей сложности использовал кандидат Г., составляет 7 минут 10 секунд. Основываясь на средней стоимости одной минуты эфирного времени, рассчитанной на основе сводных сведений об объемах и стоимости платного эфирного времени, предоставляемого ВГТРК «ГТРК «Норильск» в г. Дудинке, которая составляет 3 380 руб., можем рассчитать объем затрат, понесенных региональным бюджетом, – 24 235 руб.

К сожалению, информацию по двум оставшимся кандидатам найти не представилось возможным. Полагаем, что на основе имеющихся данных возможно интерполировать объемы косвенного финансирования на основе территориального расположения избирательных округов, поскольку стоимость оказания услуг по предоставлению эфирного времени в зависимости от территории вещания будет отличаться. Так, поскольку двухмандатный избирательный округ, в котором был зарегистрирован кандидат Д., относится к северным территориям, то для данного кандидата мы примем за объем использованного косвенного финансирования показатель, аналогичный показателю кандидата Г. В то же время для кандидата А. примем за показатель объема использованного косвенного финансирования, аналогичного показателям объема кандидатов Б. и В., поскольку можно говорить о территориальной близости округов, в которых зарегистрированы указанные кандидаты.

Таким образом, путем обобщения результатов, полученных в ходе исследования, мы приходим к выводу о том, что на выборах депутатов Законодательного Собрания Красноярского края 2011 г. в ходе действий кандидатов, снявших свои кандидатуры без вынуждающих к тому обстоятельств, региональному бюджету был причинен ущерб в размере более чем 240 000 руб. Стоит отметить, что это только средства, выделенные в ходе косвенного финансирования в рамках предоставления бесплатного эфирного времени. Учитывая, что кандидатам также предоставляются

бесплатные печатные площади, помещения для проведения встреч с избирателями и др., о реальных размерах причиняемого государству ущерба остается догадываться.

Для того чтобы эффективно предупреждать подобное поведение и противодействовать ему, в законе должна быть предусмотрена действенная система мер защиты, направленных на ограничение участия в выборах лиц, своими действиями способных нанести существенный вред отношениям, складывающимся в процессе государственного финансирования избирательных кампаний кандидатов. В ч. 2 ст. 7 Конвенции ООН против коррупции закрепляется, что «каждое Государство-участник также рассматривает возможность принятия надлежащих законодательных и административных мер, сообразно целям настоящей Конвенции и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства с тем, чтобы установить критерии применительно к кандидатам и выборам на публичные должности». Понимая под критерием «мерило оценки»¹, можно предположить, что антикоррупционным критерием применительно к кандидатам будет являться качественное требование, которому гражданин, решивший реализовать свое пассивное избирательное право, должен соответствовать с целью предупреждения совершения с его стороны коррупционных действий. К числу критериев, установленных в отношении кандидатов, можно отнести, например, запрет избирать и быть избранным для лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Помимо непосредственного установления определенных критериев к кандидатам в законодательстве должны быть предусмотрены эффективные и достаточные меры, способные обеспечивать их реализацию. К сожалению, это происходит не всегда. Рассматривая указанную выше ситуацию, связанную со злоупотреблением кандидатом своим статусом, можно говорить о таком критерии, как популярность кандидата среди избирателей. Хотя этот критерий прямо не закреплен в избирательном законодательстве, предполагается, что гражданин, решивший участвовать в выборах в качестве кандидата, осознает всю ответственность подобного решения и объективно оценивает свои шансы на победу. Для того чтобы оградить выборы от участия в них заведомо непопулярных лиц, избирательным законодательством в качестве

¹ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 248.

меры предупреждения устанавливается обязанность сбора подписей в поддержку кандидата. Наличие в подписных листах достаточного количества действительных подписей граждан, по мысли законодателя, должно гарантировать хотя бы минимальную популярность кандидата среди населения.

Вместе с тем, данную меру нельзя признать эффективной, поскольку в настоящий момент процедура сбора подписей превратилась в хорошо отработанный механизм получения желаемого результата при наличии достаточных материальных ресурсов, что в сочетании со значительной индифферентностью электората лишает данную процедуру разумного смысла. К тому же институт сбора подписей не способен компенсировать понесенные государством или муниципалитетом затраты, если будет установлено злоупотребление статусом со стороны кандидата. В связи с этим, возможным решением указанной проблемы, на наш взгляд, может стать возвращение в избирательный процесс института избирательного залога.

Избирательный залог уже знаком российскому законодательству, так как существовал в нем до 2009 г.¹ и представлял совокупность юридических норм, регулирующих отношения по поводу альтернативного к сбору подписей избирателей перечисления кандидатом, избирательным объединением установленной законодательством суммы денежных средств собственного избирательного фонда на специальный счет избирательной комиссии с целью регистрации кандидата, списка кандидатов, а также по поводу возврата вышеназванных денежных средств в избирательный фонд либо их перечислению в доход соответствующего бюджета, гарантирующих пассивное избирательное право². Условия возврата избирательного залога при этом могли быть различными: залог не возвращался в случае, если кандидат набирал по результатам голосования менее установленного законом числа голосов либо снимал свою кандидатуру без вынуждающих к тому обстоятельств. Однако его отличительной особенностью было то, что он являлся лишь альтернативой институту сбора подписей и при желании кандидата мог в принципе не вноситься.

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов : Федеральный закон от 9 фев. 2009 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 771.

² См.: Ермакова Э.Л., Вискулова В.В. Избирательный залог: теория, практика, проблемы и пути их решения : монография. М.: РЦИОИТ, 2009. С. 15.

Следует указать, что понимание института залога в национальном и зарубежном законодательствах значительно отличается. Так, в Японии, в отличие от России, внесение избирательного залога является необходимым и обязательным элементом процедуры регистрации кандидата, позволяющим лицу в принципе участвовать в выборах¹. Поэтому, говоря о возвращении института залога в российское избирательное законодательство, необходимо помнить, что только обязательность в рамках процедуры регистрации способна обеспечить эффективность данной меры, направленной на обеспечение критерия популярности кандидата среди избирателей.

Взаимосвязь критерия оценки избирательных шансов кандидата и избирательного залога как меры его обеспечения проявляется в том, что любой кандидат, принимая решение об участии в конкретных выборах в условиях существования залога, будет более взвешенно оценивать свои шансы на основе предполагаемой поддержки избирателей. Кроме того, сама возможность возвращения внесенной суммы будет напрямую зависеть от результатов голосования. Тем самым можно выделить *субъективный* и *объективный* критерий популярности кандидата среди избирателей².

Субъективность рассматриваемого критерия проявляется в самостоятельной оценке кандидатом электоральной ситуации: каков уровень его популярности среди избирателей, каковы шансы на победу. Принимая решение о вступлении в избирательный процесс, гражданин, обладающий пассивным избирательным правом, будет взвешивать все «за» и «против», осознавая, что без реальной поддержки избирателей ему грозят, в том числе, и финансовые потери в связи с невозвратом избирательного залога. Если он, конечно, имеет цель избрания и служения народу.

Объективность же критерия популярности кандидата среди избирателей проявляется в реальном количестве голосов, отданных за него на прошедших выборах. Именно на основе объективных итогов голосования возможно принятие решения о возвращении избирательного залога кандидату, набравшему определенный процент голосов, или его обращению в счет соответствующего бюджета. Стоит отметить, что

¹ См.: Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / Под. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитского. М.: РЦОИТ, 2009. С. 410–412.

² См.: Акунченко Е.А. Субъективный и объективный характер действия антикоррупционного критерия популярности кандидата в избирательном процессе РФ // Молодежь и наука: материалы конференции. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. Т. 1. Ч. 1. С. 245–249.

только в рамках взаимодействия субъективной и объективной стороны критерия популярности кандидата среди избирателей возможна наиболее полная его реализация.

Также, немаловажным аспектом действия избирательного залога является еще и то, что при возникновении ситуации злоупотребления статусом кандидата, расходы, понесенные государством или муниципалитетом, могут быть компенсированы при обращении соответствующего залога. И если гражданин умышленно вступает в избирательный процесс в качестве кандидата не с целью избрания и служения народу, государство при помощи залога автоматически защищает себя от возможного причинения имущественного вреда.

Как верно указывает К. Азиз, «избирательный залог – это, с одной стороны, возможность покрытия малой части материальных затрат государства за счет не обладающих авторитетом у электората кандидатов, участвующих на выборах не ради получения президентского мандата, с другой стороны, избирательный залог выступает как ответственность за преодоление кандидатом процентного «барьера», выступающего единственным гарантом возврата ранее внесенного денежного взноса»¹. Таким образом, становятся очевидными последствия, связанные с обращением избирательного залога в бюджет государства и возникающие ввиду несоответствия кандидата, не набравшего определенный процент голосов, требованиям критерия популярности среди избирателей.

Избирательный залог не следует воспринимать как дополнительный административный барьер, препятствующий менее состоятельным гражданам осуществлять свое пассивное избирательное право. Справедливой представляется точка зрения Н.В. Гришина, который указывает, что исключение избирательного залога из национальной практики под предлогом борьбы с имущественным цензом является абсурдом, поскольку залог давал дополнительные гарантии кандидатам, защищал их от административного произвола на этапе выдвижения и регистрации. Подобная

¹ Азиз К. Правовые условия для кандидатов, претендующих на должность главы государства (на примере Кыргызской Республики, Российской Федерации и законодательства отдельных зарубежных государств) // Алтайский юридический вестник. 2013. № 2. С. 44.

постановка вопроса, по его мнению, приводит к «выхолащиванию либеральных публичных ценностей выборов»¹.

Подводя итог, следует сказать, что в любом демократическом государстве кандидат представляет собой объект повышенной охраны, поскольку обеспечение равных, свободных и защищенных от противоправного вмешательства выборов требует дополнительного гарантирования его правового статуса. Только там, где обеспечен конкурентный политический процесс, возможно осуществление действительного народовластия. Вместе с тем гарантии, которые государство реализует в отношении любого из кандидатов, не должны превращаться в ресурс, использующийся в корыстных целях. Любой кандидат, заявивший о намерении участвовать в выборах, должен осознавать тот груз ответственности, который на него возлагается. Принимая статус кандидата, гражданин представляет не только себя, но и всех тех, кто поддерживает его позицию, готов отдать ему предпочтение в день голосования. Право лица избирать и быть избранным не исчерпывается формальным участием в выборах. Они не должны превращаться лишь в борьбу частных интересов участвующих в них кандидатов.

Меры восстановления на сегодняшний день представляют собой малоизученный инструмент предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе. В отличие от мер безопасности, рассмотренные нами меры выполняют компенсаторную функцию права и преимущественно направлены на создание такого правового положения объекта охраны и (или) источника опасности, при котором гарантировано возмещение возможного или причиненного вреда, а также восстановление нарушенных прав. Тем самым посредством мер восстановления в избирательном процессе может быть реализовано одно из основных направлений противодействия коррупции – минимизация и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Вместе с тем не стоит упускать из внимания превентивный потенциал мер восстановления, поскольку их существование обеспечивает не только компенсацию вреда, но и воздействие на мотивационную сферу электорального

¹ Гришин Н.В. Публичные ценности российского избирательного процесса // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 82.

поведения. Возможность материальных издержек будет способствовать адекватной оценке коррупционных рисков и недопущению противоправных деяний со стороны участников избирательного процесса.

Избирательный залог – это комплексный инструмент, при помощи которого возможно эффективное предупреждение участия в выборах лиц, заведомо не имеющих какой бы то ни было поддержки избирателей и использующих свой статус в целях, не связанных с институтом демократических выборов. Проспективный характер действия данной меры восстановления позволяет не только предупреждать коррупцию при использовании выделяемого государственного финансирования, но также своевременно реагировать на подобные действия и компенсировать причиняемый ими ущерб. Возвращение данного института в российское избирательное законодательство является важным шагом на пути реализации положений Конвенции ООН против коррупции в национальной правовой системе.

§ 5. Меры ответственности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе

Меры юридической ответственности играют важную роль в предупреждении коррупционной преступности в избирательном процессе. Вместе с тем, как было показано ранее, их не следует возводить во главу угла предупредительной деятельности, но необходимо рассматривать во функциональном взаимодействии с другими полноценными элементами системы предупреждения этого общественно опасного явления.

На сегодняшний день в науке обосновано, что негативным последствием совершения коррупционных деяний в избирательном процессе выступают отраслевые меры ответственности: конституционно-правовой, дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной¹. Изучение последней имеет приоритетное значение для целей настоящего исследования, однако оно не может быть

¹ См.: Дамм И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 136–137.

полноценно осуществлено без общей характеристики системы мер юридической ответственности за коррупционные нарушения норм избирательного законодательства.

Юридическая ответственность за нарушения законодательства о выборах, пишет В.В. Игнатенко, представляет собой публично-правовое средство обеспечения правопорядка при реализации гражданами избирательных прав, организации и проведении выборов¹. Основанием применения мер юридической ответственности может выступать только нарушение норм законодательства о выборах. Сообразно предмету нашего исследования понятие коррупционного правонарушения в избирательном процессе предлагает И.А. Дамм: «общественно вредное либо общественно опасное, виновное деяние, обладающее признаками коррупции в избирательном процессе, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, конституционно-правовая, административная или уголовная ответственность»².

В общем виде конституционно-правовая ответственность за нарушение норм избирательного законодательства (избирательно-правовая ответственность) понимается как «применение к кандидатам, наблюдателям, избирательным объединениям, избирательным блокам, избирательным комиссиям и их членам, иным субъектам, допустившим нарушение избирательных прав граждан, невыполнение либо ненадлежащее выполнение своих юридических обязанностей, мер государственного принуждения, предусмотренных законодательством о выборах и референдумах»³.

А.А. Кондрашев предлагает, на наш взгляд, обоснованную классификацию санкций избирательно-правовой ответственности, в основе которой лежит природа юридического действия: отказ в наделении соответствующим специальным статусом (отказ в регистрации, отказ в заверении списков); нуллификация совокупности юридических действий (признание выборов недействительными и отмена результатов выборов); прекращение существования властного органа (расформирование

¹ См.: *Игнатенко В.В.* Юридическая ответственность и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2001. С. 8.

² См.: *Зырянова (Дамм) И.А.* К вопросу о понятии коррупционного правонарушения в избирательном процессе // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 195.

³ *Матейкович М.С.* Проблемы конституционной ответственности субъектов избирательного процесса в Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 10. С. 31.

избирательной комиссии); утрата юридической силы правового акта (отмена актов избирательных комиссий); лишение специального статуса (отмена регистрации кандидата, списка кандидатов); лишение права принятия значимых решений в избирательном процессе (удаление наблюдателя, отстранение члена участковой комиссии)¹.

Основной объем санкций за коррупционные правонарушения в избирательном процессе нацелен на предупреждение общественно опасного поведения кандидатов и их представителей. Применение указанных санкций возможно в случае установления судом факта подкупа избирателей кандидатом, его доверенным лицом, уполномоченным представителем по финансовым вопросам, действующими по их поручению иным лицом или организацией, а также факта неоднократного использования кандидатом преимуществ своего должностного или служебного положения. При этом, как отмечается, субъектом конституционно-правового деликта могут выступать как индивиды (выдвинутый, зарегистрированный или избранный кандидат), так и коллективные образования (избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов)².

Дисциплинарная ответственность участников избирательного процесса на сегодня практически не исследована, поскольку применение соответствующих санкций в избирательном процессе ограничено составом потенциальных субъектов ответственности. К таковым следует отнести только членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих на постоянной (штатной) основе и являющихся лицами, которые замещают государственные (муниципальные) должности, а также работников аппаратов избирательных комиссий, являющихся лицами, которые замещают должности государственной (муниципальной) службы.

На наш взгляд, перспективным направлением развития института дисциплинарной ответственности в избирательном процессе может стать создание механизма правового воздействия на противоправное (аморальное) поведение членов

¹ См.: Кондрашев А.А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 120.

² См.: Шин А.Г. Использование участниками выборов преимуществ своего должностного (служебного) положения как конституционно-правовой деликт: особенности субъекта и субъективной стороны // Избирательное право. 2008. № 2. С. 45.

избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих не на постоянной (штатной) основе. В частности, в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» необходимо предусмотреть норму, по которой соответствующая избирательная комиссия вправе вынести предупреждение члену с правом решающего голоса, работающему не на постоянной (штатной) основе, о нарушении регламента ее деятельности. Подобная норма сформулирована применительно к кандидатам, избирательным объединениям в случае нарушения таковыми норм избирательного законодательства (п. 5.1 ст. 20). В случае неоднократного нарушения регламента избирательная комиссия может получить право на обращение с ходатайством в орган власти, выдвинувший соответствующего члена избирательной комиссии, о прекращении его полномочий. Полагаем, что появление указанных возможностей будет способствовать повышению дисциплины и личной ответственности членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, работающих не на постоянной (штатной) основе.

Под гражданско-правовой ответственностью за нарушение норм избирательного права понимается «обязанность нарушителя избирательного законодательства, одновременно нарушившего частные интересы, возместить убытки, компенсировать моральный вред либо совершить какие-либо действия о восстановлению нарушенного субъективного избирательного права в соответствии со вступившим в законную силу судебным решением»¹. Необходимо указать, что отличие санкций гражданско-правовой ответственности от санкций восстановления, главным образом, состоит в основаниях их применения. Если, как отмечено в указанном выше определении, для применения санкций ответственности должно быть совершено правонарушение и установлено наличие всех элементов его состава, то основанием для применения санкций восстановления наравне с санкциями безопасности достаточно наличия факта общественно опасного деяния, но не требуется наличия признаков субъекта (вменяемость, достижение определенного возраста) и признаков субъективной стороны (вина, мотив, цель)².

¹ Орлов Д.В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 85.

² См.: Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности. С. 43.

В качестве примера гражданско-правовой ответственности в избирательном процессе следует привести п. 34 ст. 38 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», согласно которому в случае необходимости дополнительного выдвижения кандидатов, списка кандидатов в связи с тем, что зарегистрированный кандидат без вынуждающих к тому обстоятельств снял свою кандидатуру или избирательное объединение без вынуждающих к тому обстоятельств отозвало зарегистрированного кандидата, зарегистрированный список кандидатов, все расходы, понесенные избирательной комиссией, организующей выборы, при подготовке и проведении выборов, возмещаются за счет такого кандидата, избирательного объединения. В случае если кандидат снял свою кандидатуру без вынуждающих к тому обстоятельств, под влиянием материальной или иной личной выгоды, возложение на него компенсаторных обременений будет способствовать минимизации или ликвидации последствий совершения коррупционных деяний в избирательном процессе.

Меры административной ответственности за нарушение избирательных прав граждан широко распространены, и многие из них прямо направлены на предупреждение коррупционных правонарушений в избирательном процессе. Административные правонарушения, содержащие признаки коррупции, как пишет С.К. Илий, создают причины и условия непосредственно для взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями и др. Безнаказанность за совершение коррупционных административных правонарушений порождает коррупционную преступность¹.

К числу административных правонарушений коррупционной направленности, посягающих на избирательные права, по мнению В.В. Игнатенко, относятся: подкуп избирателей (ст. 5.16 КоАП РФ); непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов (ст. 5.17 КоАП РФ); незаконное финансирование избирательной кампании, оказание запрещенной законом материальной поддержки, связанные с проведением выборов (ст. 5.20 КоАП РФ); использование преимуществ

¹ См.: Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. 2015. № 5. С. 460–468.

должностного или служебного положения в период избирательной кампании (ст. 5.45 КоАП РФ); сбор подписей избирателей в запрещенных местах, а также сбор подписей лицами, которым участие в этом запрещено федеральным законом (ст. 5.47 КоАП РФ); нарушение правил перечисления средств, внесенных в избирательный фонд (ст. 5.50 КоАП РФ) и др.¹

Согласимся с И.А. Дамм, по мнению которой к таковым также следует отнести: нарушение установленных законодательством о выборах порядка и сроков уведомления избирательной комиссии о факте предоставления помещений и права на предоставление помещений для встреч с избирателями (ст. 5.15 КоАП РФ); незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании кандидата, избирательного объединения (ст. 5.18 КоАП РФ); использование незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании (ст. 5.19 КоАП РФ); невыполнение уполномоченным лицом требований законодательства о выборах об обеспечении кандидатам, избирательным объединениям равных условий для проведения агитационных публичных мероприятий (ст. 5.52 КоАП РФ)². Однако, несмотря на обширный перечень составов за нарушение порядка информационного обеспечения выборов (ст. 5.5, 5.10, 5.11, 5.48 КоАП РФ), действующий КоАП РФ не содержит специальных статей, посвященных ответственности за коррупционные деяния организаций, осуществляющих выпуск СМИ, и их представителей.

Сообразно предложенной и рассмотренной в рамках первой главы типологии коррупционной преступности в избирательном процессе указанные выше составы коррупционных правонарушений можно структурировать аналогичным образом:

- правонарушения, в основе которых лежит подкуп участников избирательного процесса (ст. 5.16 КоАП РФ);
- правонарушения, в основе которых лежит незаконное использование административного ресурса (ст. 5.15, 5.45, 5.47, 5.52 КоАП РФ);
- правонарушения, в основе которых лежит незаконное финансирование избирательной кампании (ст. 5.17, 5.18, 5.18, 5.19, 5.20, 5.50 КоАП РФ).

¹ См.: *Игнатенко В.В.* Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 24.

² См.: *Дамм И.А.* Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 150–166.

Данная типология позволяет оценить эффективность механизма предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе с позиции правового воздействия на фоновые по отношению к ней явления. Традиционный постулат о том, что нормы административно-деликтного права должны обеспечивать охрану общественных отношений от деяний, представляющих меньшую по сравнению с преступлениями общественную опасность, в данном случае предопределяет выстраивание иерархии противоправных деяний на основе единого объекта посягательств и дифференциации их объективной стороны. Криминогенные факторы различных коррупционных преступлений подлежат деликтолизации с целью исключения их (факторов) из механизма социальной детерминации преступности посредством применения к виновному лицу санкций административной ответственности.

Наиболее наглядно описанная модель проявляется в рамках охраны установленного законом порядка финансирования избирательной кампании. КоАП РФ содержит ряд составов административных правонарушений, совершение которых, с одной стороны, находится во функциональной связи с более опасным (уголовно-наказуемым) деянием, а с другой – служит индикатором его совершения. К числу таких составов следует отнести, например, непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов (ст. 5.17 КоАП РФ). Публичное обнародование указанных сведений носит явный антикоррупционный характер, в связи с чем нарушение порядка представления или опубликования финансового отчета потенциально может способствовать совершению коррупционного деяния, охватываемого диспозицией ст. 141¹ УК РФ. Подобным образом нарушение установленных законодательством о выборах порядка и сроков уведомления избирательной комиссии о факте предоставления помещений и права на предоставление помещений для встреч с избирателями (ст. 5.15 КоАП РФ) может указывать на латентное незаконное предоставление преимуществ провластным кандидатам или избирательным объединениям, которое при наличии признаков соответствующего состава может быть квалифицировано как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ). При этом такой тип коррупционной

преступности, как подкуп («продажность») участников избирательного процесса, очевидно выпадает из рассмотренной нами модели.

Качественно иную группу административных правонарушений составляют деяния, объективная сторона которых полностью или частично совпадает с аналогичным элементом состава преступления. Здесь о степени общественной опасности может свидетельствовать либо повторность правонарушения, либо размер причиненного им вреда. Последний признак положен в основу разграничения составов незаконного финансирования избирательной кампании, оказания запрещенной законом материальной поддержки, связанных с проведением выборов (ст. 5.20 КоАП РФ), и нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения (ст. 141¹ УК РФ).

Изучение норм КоАП РФ и УК РФ в части охраны избирательных отношений от коррупционных посягательств позволяет выделить следующие группы составов применительно к каждому из указанных типов коррупционной преступности в избирательном процессе: правонарушения, создающие условия для совершения коррупционных преступлений (ст. 5.15, 5.17, 5.47, 5.50, 5.52 КоАП РФ и др.); правонарушения, представляющие по сравнению со схожими коррупционными преступлениями меньшую общественную опасность (ст. 5.16, 5.18, 5.19, 5.20, 5.45 КоАП РФ др.).

Построение особенных частей рассматриваемых кодексов с учетом данной классификации, на наш взгляд, будет способствовать повышению эффективности предупреждения рассматриваемого вида коррупционной преступности. Данная гипотеза основывается на том, что соподчинение норм административного и уголовного законодательства в целях разграничения преступлений и проступков, назначаемых за их совершение наказаний и создание надлежащих процессуальных гарантий для лиц, привлекаемых к ответственности, является перспективным направлением уголовно-правовой политики по устранению нормативно-правовых коллизий и предупреждению произвольного отнесения одного и того же деяния либо к уголовной,

либо к административной сфере в силу неопределенности соответствующих отраслевых норм¹.

Полагаем, что проблемы разграничения смежных составов административных правонарушений и уголовных преступлений возникают при несоблюдении оснований для выделения указанных нами групп составов. Это противоречие проявляется при соотношении административно-наказуемого подкупа избирателей (ст. 5.16 КоАП РФ) и преступного воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, соединенного с подкупом (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ). Данные составы не поддаются соотношению ни по критерию создания условий для совершения коррупционного преступления, ни по критерию различной степени общественной опасности при схожести объективной стороны.

В литературе уже сломано немало копий в споре о том, как следует квалифицировать деяния, составляющие по смыслу подкуп избирателей при тех или иных дополнительных условиях. Особо радикальным в данном случае является высказываемое с завидной регулярностью предложение об исключении из числа административных правонарушений подкупа избирателей и обособлении данного состава в рамках УК РФ². И при прочих равных с ним следует согласиться.

Во-первых, оценка подкупа как коррупционного действия через категорию воспрепятствования фактически лишает «потерпевших» избирателей свободы воли. С тем же успехом состав ст. 291 УК РФ (дача взятки) можно перевести в разряд воспрепятствования законной деятельности органов власти, как например, осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ), а состав получения взятки (ст. 290 УК РФ) декриминализовать.

Во-вторых, как уже отмечалось, «подкуп» – это парная категория, которая неразрывно связана с категорией «продажность». Их общественная опасность не всегда сопоставима, но всегда взаимообусловлена. Однако в рамках конструкции

¹ См.: *Есаков Г.А.* От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1. С. 37–45.

² *Багмет, А.М., Бычкова Е.И.* Указ. соч. С. 9–12; *Кабанов П.А.* Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания. С. 47; *Кругленя А.Н.* Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение? С. 31; *Турищева Н.Ю.* Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав. С. 47–52 и др.

воспрепятствования осуществлению избирательных прав, соединенного с подкупом, представить равноценные акцептные действия избирателя в ходе этой коррупционной сделки достаточно сложно. По сути, он (избиратель) вряд ли воспрепятствует в ответ на действия корруппатора, но реализует свой специальный правовой статус под влиянием материальной выгоды. Поэтому «безответность» воспрепятствования в очередной раз подчеркивает неудачность выбранной конструкции.

Эффективное взаимодействие мер административной и уголовной ответственности в рамках системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе имеет важное значение. Но для достижения такого взаимодействия необходимо формирование механизма антиделиктного и антикриминального воздействия, который учитывал бы сущностные характеристики явления, подлежащего предупреждению. Анализ Особенной части действующего уголовного закона не дает оснований утверждать о его наличии в отношении коррупционной преступности в избирательном процессе. Приходится констатировать, что положения главы 19 УК РФ, направленные на охрану избирательных прав граждан, не являются системными и фактически направлены на «симптоматическое лечение» деформированных электоральных отношений.

Общественная опасность деяния является ключевым основанием его криминализации и в силу объективности уголовно-правового запрета содержательно определяется объективными признаками (объектом и объективной стороной) состава преступления¹. Поскольку коррупционная преступность в избирательном процессе, как мы уже неоднократно отмечали, представляет собой самостоятельное системно-структурное явление, которое имеет несколько типичных форм выражения, – полагаем, что уголовно-правовая охрана избирательной системы от коррупционных посягательств должна быть построена вокруг общего видового объекта и с учетом дифференциации объективной стороны каждого из предложенных типов.

Предложения о системной редакции действующего Уголовного кодекса РФ в части выделения полноценной главы, посвященной преступлениям против

¹ См.: *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Указ. соч. С. 251.

избирательных прав граждан и права на участие в референдуме, высказывались неоднократно¹. Однако определение конкретного места нового элемента в структуре уголовного закона всегда ставилось в зависимость от содержания объекта уголовно-правовой охраны. Значительная часть исследователей понимает под ним либо комплекс избирательных прав и права на участие в референдуме, либо общественные отношения, возникающие в связи с реализацией указанных прав, либо государственные гарантии такой реализации. При этом от автора к автору набор признаков внутри объекта и их содержание заметно отличаются.

Т.Н. Елисеева предлагает следующее определение: «общественные отношения, обеспечивающие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме, т.е. любых избирательных действий, действий по подготовке и проведению референдума, предусмотренных законодательством, при проведении выборов и референдумов всех уровней (федеральных, региональных, местных)»².

По мнению Н.Г. Мажинской, объект преступлений против избирательных прав граждан – это «общественные отношения, связанные с реализацией гражданами РФ конституционного права избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, гарантируемые Конституцией РФ и поставленные под охрану уголовного закона, а также конституционные права и свободы граждан РФ, которые граждане реализуют, участвуя в выборах и референдуме»³.

«Непосредственный объект преступлений против избирательных прав, – пишет А.Н. Кругленя, – это охраняемые уголовным законом общественные отношения, связанные с реализацией субъективных избирательных прав: основных (конституционных) прав избирать и быть избранным, производных от них прав на выдвижение кандидатов, участие в голосовании и др., а также их гарантий с целью избрания представителей в органы государственной власти и местного самоуправления»⁴.

¹ См.: *Колышницын А.С.* Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 167; *Кругленя А.Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 12; *Толстикова, И.Н.* Указ. соч. С. 179 и др.

² *Елисеева Т.Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 100.

³ *Мажинская Н.Г.* Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 65.

⁴ *Кругленя А.Н.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 92.

Схожие идеи высказывают и другие исследователи. Вместе с тем указанное понимание объекта преступлений против избирательных прав граждан вызывает обоснованную критику, поскольку реализация данных прав посредством института демократических выборов имеет публично-правовую природу и является средством формирования и обновления представительных органов государственной и местной власти. Проводя дифференциацию объекта преступного посягательства по горизонтали, И.С. Щербина предлагает понимать под основным непосредственным объектом данной группы преступлений общественные отношения, возникающие по поводу реализации избирательных прав граждан (в том числе иностранных) и права на участие в референдуме, а в качестве дополнительного – отношения по поводу формирования и нормального функционирования органов государственной власти и местного самоуправления¹.

Отмечая многообъектность данной группы преступлений, И.Н. Толстикова придерживается противоположной точки зрения. По ее словам, основным объектом данной группы преступлений являются общественные отношения по поводу формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления, а дополнительным – общественные отношения по поводу реализации избирательных прав граждан: «Сущность выборов состоит именно в получении власти. Лицо, совершающее преступление, связанное с выборами, прежде всего, стремится получить в нарушение закона власть либо для себя, либо для другого лица. Нарушение избирательных прав конкретного гражданина для него вторично»². С данной позицией полностью или частично согласны А.П. Свигузова³, А.В. Торопов⁴ и др.

Полагаем, что подобное понимание объекта преступлений против избирательных прав граждан заслуживает внимания и нуждается в экстраполяции для целей нашего исследования. В условиях развития в Российской Федерации

¹ См.: *Щербина И.С.* Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 106–107.

² *Толстикова И.Н.* Указ. соч. С. 51.

³ См.: *Свигузова А.П.* Понятие и виды преступлений, посягающих на избирательные права и право на участие в референдуме (электоральных преступлений): правовой анализ действующих норм уголовного законодательства Российской Федерации // *Следователь*. 2009. № 4. С. 23–28.

⁴ См.: *Торопов А.В.* Правовое регулирование ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий (современное состояние и перспективы) : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. С. 46–49.

демократических институтов процедура выборов, основанная на принципах равенства, свободы волеизъявления и лишённая какого бы то ни было противоправного воздействия, имеет важное социальное значение. В соответствии с положениями ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ (ч. 1), который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2). Провести демаркационную линию между общественной опасностью посягательств на отношения, связанные с порядком формирования органов представительной власти, и отношения, связанные с порядком их функционирования, на наш взгляд, невозможно, поскольку одно взаимообуславливает другое.

Традиционно под родовым объектом раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ понимается совокупность общественных отношений, обеспечивающих управление обществом посредством официальных органов власти¹. Большинство коррупционных преступлений в избирательном процессе, как мы уже отмечали, характеризуются корыстной и (или) иной личной заинтересованностью в достижении определенного политического результата на выборах. Подкуп и продажность избирателей, кандидатов, организаций, осуществляющих выпуск СМИ, злоупотребление административным ресурсом, незаконное финансирование избирательной кампании, а также иные коррупционные девиации электорального поведения не столько приводят к нарушению избирательных прав отдельных граждан здесь и сейчас, сколько негативно сказываются на нормальном функционировании сформированных под влиянием коррупции органов народного представительства в будущем.

Стремление *повлиять на выбор не одного, но на волеизъявление большинства* определяет сущность коррупционных преступлений в избирательном процессе. При этом не существует принципиального различия между деяниями, направленными на массовый подкуп избирателей, и административным давлением на членов участковой избирательной комиссии с целью документального закрепления фиктивных результатов голосования. Указанные преступления совершаются для того, чтобы достичь определенного политического результата на выборах, а именно захватить или

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. И.В. Шишко. М.: Проспект, 2011. С. 596.

удержать власть. В случае успеха в качестве потерпевших окажутся не только те избиратели, которых подкупили, и не только те члены избирательных комиссий, на которых было оказано административное давление, а все население муниципалитета, региона или страны в целом. Поэтому видовым объектом коррупционных преступлений в избирательном процессе следует признать не общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, а *нормальную, регламентированную законом деятельность органов представительной власти и выборных должностных лиц.*

Таким образом, уголовная ответственность за коррупционные преступления в избирательном процессе может быть сконцентрирована в рамках родового объекта раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ. При этом для того, чтобы не нарушать архитектуру уголовного закона, в зависимости от особенностей основного непосредственного объекта и объективной стороны отдельных коррупционных преступлений в избирательном процессе, их расположение в главах соответствующего раздела будет отличаться. Эта гипотеза позволяет определить форму и содержание соответствующих мер уголовной ответственности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе.

Пожалуй, на сегодняшний день не вызывает возражений выделение самостоятельной нормы об уголовной ответственности за подкуп избирателей. На наш взгляд, предупредительный потенциал мер уголовной ответственности за подкуп избирателей может быть успешно реализован в рамках существующих запретов на получение и дачу взятки (ст. 290 и 291 УК РФ). Но для применения указанных норм в сфере избирательных отношений необходим пересмотр законодательного определения должностного лица, указанного в прим. 1 к ст. 285 УК РФ. В литературе неоднократно высказывались предложения о расширении признаков данной категории субъектов преступлений. Как отмечает Т.Б. Басова, при формулировании дефиниции должностного лица в законе необходимо употреблять термин «управленческие функции», а также в перспективе унифицировать признаки должностного лица безотносительно тому, является оно государственным (публичное должностное лицо)

или негосударственным (частное должностное лицо)¹. Полагаем, что в целях уголовно-правовой охраны избирательных отношений от коррупционных посягательств признаки публичного должного лица могут быть расширены.

По мнению В.В. Астанина, консолидация признаков, которые указаны в Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, позволяет сделать вывод о том, что «к субъектам коррупционных деяний можно относить не только государственных служащих, но и лиц, оказывающих публичные функции в целом, независимо от того, в какой сфере – частной, государственной или общественной (политической), безотносительно к какой-либо определенно занимаемой должности (руководитель, исполнитель)»². А.В. Кудашкин и Т.Л. Козлов пишут, что «коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач, воинское должностное лицо и т.д.)»³.

Отказ от устаревшей социалистической трактовки «должностного лица», справедливо указывает Н.В. Щедрин, позволит преодолеть споры о том, могут ли быть субъектами коррупции преподаватели, врачи, кандидаты на избираемые должности, избиратели, лица, осуществляющие управленческие функции в негосударственных и коммерческих структурах»⁴. Каждое из указанных лиц либо оказывает населению публичные услуги (например, в сфере образования, здравоохранения и др.), либо выполняет публичную функцию (реализует свое избирательное (активное или пассивное) право с целью формирования органов народного представительства).

¹ См.: *Басова Т.Б.* Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 229.

² *Астанин В.В.* Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в деятельности государственных служащих. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2011. С. 15.

³ *Кудашкин А.В., Козлов Т.Л.* Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 4.

⁴ *Щедрин Н.В.* О коррупции, коррупционерах и коррупционной выгоде // *ВВ: Вопросы права и политики.* 2014. № 3. С. 12–27.

В связи с чем более целесообразно понимать под субъектом коррупции «лицо, имеющее публичный статус»¹.

Расширение объема понятия «должностное лицо» до степени включения в него избирателей и кандидатов как лиц, имеющих специальный правовой статус и осуществляющих публичную функцию, позволит решить еще один насущный вопрос, который состоит в криминализации «продажности» указанной категории участников избирательного процесса. В результате проведенного нами опроса представителей избирательной системы установлено, что более трети опрошенных членов избирательных комиссий Красноярского края высказались за введение ответственности в отношении «продажных» избирателей (33,0 %) и кандидатов (31,3 %). С учетом того, что на практике сумма «избирательной взятки» не превышает нескольких тысяч рублей, большинство случаев подкупа избирателей будут квалифицироваться по ст. 291.2 «Мелкое взяточничество» УК РФ, размер санкций которой, на наш взгляд, соответствует характеру и степени общественной опасности данного деяния.

Отметим также, что уголовно-правовое воздействие помимо охранительной выполняет социально-интегративную функцию, важным элементом реализации которой выступает обеспечение эффективного общесоциального информирования об объектах, имеющих исключительную ценность для российского общества². В условиях пренебрежения к институту демократических выборов, уголовно-правовая сигнализация об особой опасности коррупционного вмешательства в процесс волеформирования и волеизъявления избирателей должна напоминать участникам избирательного процесса о том, какая важная социальная функция на них возложена. Кроме того, возможное применение в отношении избирателей мер уголовной ответственности, следуя логике системного подхода к осуществлению предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, должно сопровождаться массовым антикоррупционным просвещением, направленным на формирование «антикоррупционного иммунитета» у данной категории субъектов избирательных отношений.

¹ Щедрин Н.В. Определение коррупции в федеральном законе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 3. С. 34.

² См.: Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права : монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. С. 118–134.

Унификация дефиниции должностного лица применительно к публично-правовым и корпоративным сферам управления позволит в равной степени отнести к субъектам уголовной ответственности за коррупционные преступления в избирательном процессе представителей как государственных и муниципальных, так и негосударственных организаций, осуществляющих выпуск СМИ. Однако, на наш взгляд, в перспективе необходимо рассмотреть вопрос о «выравнивании» размера уголовно-правовых санкций за общественно опасное коррупционное поведение в избирательном процессе со стороны как частных, так и государственных масс-медиа, поскольку потенциальный вред избирательным отношениям не зависит от организационно-правовой формы таких организаций.

В целом антикоррупционная безопасность избирательной системы эквивалентно обеспечена мерами уголовной ответственности за злоупотребление административным ресурсом в избирательном процессе. Основные формы этого типа коррупционной преступности охватываются составами преступлений, предусмотренными в ст. ст. 201, 285, 286 УК РФ. Вместе с тем высокая латентность данных преступлений, помноженная на недостатки в работе правоохранительных органов и характерные особенности избирательных кампаний (скоротечность и цикличность), делают указанные составы преступлений практически неприменимыми в целях защиты избирательных прав граждан.

Говоря о преступлениях против избирательных прав граждан, состав которых предполагает наличие специального субъекта и использование им своего должностного (служебного) положения для достижения преступного результата (речь идет о п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 142² УК РФ), необходимо подчеркнуть, что их перемещение из главы 19 в главу 30 УК РФ также представляется логичным, поскольку в большинстве случаев указанные составы имеют специальный характер по отношению к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Совершенствование уголовной ответственности за незаконное финансирование избирательных кампаний является перспективным направлением уголовной политики России. Существующая норма, с введением которой нарушение

установленного законом порядка финансового обеспечения выборов получило уголовно-правовую оценку, несмотря на свой прогрессивный характер, отличается крайней казуистичностью. Альтернативные конструкции составов преступлений оправданы в случаях, когда для описания объективной стороны не удается найти единый обобщающий термин, такой как, например, убийство, кража и т.д. Однако конструкцию ст. 141¹ УК РФ с этой точки зрения вряд ли можно признать удачной. В свое время диспозиции ее частей Н.Ф. Кузнецова назвала «словесными монстрами»¹.

Прямо или косвенно затрагивающие данную проблему работы в основном нацелены на «перепланировку» ст. 141¹ УК РФ с целью повышения ее практической применимости. Однако полагаем, что намного важнее преломить спектр ее охранительного воздействия с учетом реалий российской электоральной практики как на федеральном и региональном, так и (в большей степени) на муниципальном уровне. Следует поддержать авторов, призывающих к отмене нижнего порога суммы незаконного финансирования избирательной кампании, поскольку его размер, закрепленный в примечании к ст. 141¹ УК РФ, попросту исключает из числа преступных большинство деяний, совершаемых в рамках региональных и муниципальных выборов². Альтернативой ему, как нам представляется, могло бы стать введение административной преюдиции со сроком действия, который будет соизмерим с продолжительностью соответствующего электорального цикла.

Кроме того, с учетом рассмотренных выше позиций об основном объекте коррупционных преступлений в избирательном процессе, а также принимая во внимание несомненную близость незаконного финансирования избирательной кампании с деяниями, составляющими объективную сторону получения и дачи взятки, считаем перспективным перемещение ст. 141¹ из главы 19 в главу 30 УК РФ, а также ее последующем разделении на два самостоятельных состава, которые будут

¹ См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений : курс лекций. М.: Городец, 2007. С. 305.

² См.: *Вист И.И.* Уголовно-правовой анализ квалификации преступлений против избирательных прав граждан // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 131–134; *Дамм И.А.* Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие. С. 182–183; *Елисеева Т.Н.* Некоторые новеллы уголовного законодательства об ответственности за нарушения порядка финансирования избирательной кампании // Российский следователь. 2007. № 16. С. 17–19 и др.

устанавливать уголовный запрет, с одной стороны, на действия, связанные с незаконным формированием и оборотом средств избирательного фонда, а с другой – на действия, осуществляемые за рамками правового режима избирательного фонда.

Подводя итог обоснованию гипотезы о необходимости расширения признаков должностного лица и переносе некоторых составов коррупционных преступлений в избирательном процессе в главу 30 «Преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» УК РФ, отметим, что при реализации данного подхода в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» УК РФ останутся только те преступления против избирательных прав граждан, совершение которых не предполагает причинения вреда общественным отношениям по формированию органов представительной власти и избиранию должностных лиц. Примером таковых выступают случаи «бытового» воспрепятствования реализации избирательных прав граждан, совершаемого не в связи с корыстной и (или) иной личной заинтересованностью в достижении определенного политического результата на выборах, а основанного на иных низменных мотивах (личная неприязнь, хулиганские побуждения и др.).

Таким образом, проведенный анализ мер юридической ответственности в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе свидетельствует о том, что механизм охраны избирательных отношений от коррупционных посягательств далек от идеала. Решение рассмотренных в настоящей работе теоретических проблем, совершенствование норм, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение законодательства о выборах, а также реформирование уголовного закона с учетом разработанных в настоящей работе положений о понятии, признаках и типах коррупционной преступности в избирательном процессе позволят правоохранительным органам и иным уполномоченным субъектам противодействия коррупции повысить эффективность своей работы.

Для этого представляется важным выстраивание строгой иерархии соподчинения мер административной и уголовной ответственности, дифференциация которых должна быть произведена по одному из двух оснований:

– меры административной ответственности, направленные на предупреждение правонарушений, которые создают условия для совершения коррупционных преступлений;

– меры административной ответственности, направленные на предупреждение правонарушений, которые представляют меньшую общественную опасность по сравнению с аналогичными коррупционными преступлениями.

Кроме того, заслуживает пристального внимания проблема видового объекта коррупционных преступлений в избирательном процессе. По нашему мнению, таковым являются не общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, а *нормальная, регламентированная законом деятельность органов представительной власти и выборных должностных лиц*. Подобный подход позволит восполнить недостатки криминализации основных проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе путем изменения понятия «должностное лицо», изложенного в прим. 1 к ст. 285 УК РФ, и признать в качестве таковых избирателей и кандидатов как лиц, имеющих специальный правовой статус и выполняющих публичную функцию. Это, в свою очередь, решит проблему криминализации «продажности» указанных участников избирательного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного научного исследования можно сделать следующие выводы и внести предложения:

1. История возникновения и развития коррупции в избирательном процессе уходит корнями в глубокую древность. Выборы как важнейший институт демократического общества, в рамках которого принимается реальное решение о наделении или лишении власти, со времен Древнего Рима привлекал «нечистых на руку» лиц, желающих получить искомую должность или оказать влияние на политическую сторону жизни социума любой ценой. Указание на цену в данном случае далеко не случайно. Подкуп («продажность») участников избирательного процесса, злоупотребление властью, незаконная материально-техническая поддержка электоральных процедур – распространенные коррупционные деяния, сопровождающие процесс волеформирования и волеизъявления граждан на протяжении длительного периода времени.

Общественная опасность преступлений против избирательных прав граждан крайне высока, поскольку вмешательство в избирательный процесс с целью искажения реальной политической воли граждан; использование гарантий, предоставляемых со стороны государства, для удовлетворения интересов зачастую прямо противоположных сущностному предназначению института выборов; целенаправленная деятельность по дискредитации их аксиологической основы – все это может привести к тяжелым негативным последствиям. Однако степень общественной опасности подобных деяний многократно возрастает в случае, когда преступное поведение основано на корыстной и (или) иной личной заинтересованности в достижении определенного политического результата на выборах вопреки законным интересам общества и государства. Масштабное распространение коррупции в избирательном процессе способно подорвать аксиологическую основу демократического общества и, под видом легального волеизъявления граждан, привести к приватизации государственной власти либо фактической потере национального суверенитета.

2. Коррупционная преступность в избирательном процессе представляет собой самостоятельное системно-структурное явление, которому как одному из

проявлений политической коррупции присущи основные характерные черты рода наряду с особыми признаками вида. Сфера существования коррупционной преступности, определяемая формой и содержанием электоральных процедур, обуславливает совершение преступных деяний специальными субъектами (в широком смысле – участниками избирательного процесса), преследующими специальные коррупционные цели (достижение определенного политического результата на выборах, реже – личное обогащение или обогащение в групповых интересах), использующими для их достижения свой специальный правовой статус или служебное положение.

В силу особенностей современного уголовно-правового регулирования совокупность коррупционных преступлений в избирательном процессе структурно состоит из трех групп, дифференцированных по содержанию элементов их составов.

Первая группа, условно названная нами «специальные коррупционные преступления в избирательном процессе», представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан. Данные преступления совершаются в условиях избирательного процесса и, в силу особенностей объекта посягательства, всегда направлены на достижение политических целей (пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 141, ст. 141¹, ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 141² УК РФ).

Вторая группа, условно названная нами «общие коррупционные преступления в избирательном процессе», представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают иные общественные отношения (отношения, направленные на обеспечение нормального функционирования органов власти, интересы службы в коммерческих и иных организациях и др.). Отличительной чертой данной группы коррупционных преступлений является их общий по отношению к избирательному процессу характер, несмотря на наличие специальных субъектов (участников избирательного процесса) и направленность на достижение политических целей (ст. 201, 204, 204¹, 204², 285, 286, 290, 291, 291¹, 291² УК РФ и др.).

Третья группа, условно названная нами «преступления коррупционной направленности в избирательном процессе», представляет собой совокупность преступлений, основным непосредственным объектом которых также выступают иные

общественные отношения. Но, несмотря на их совершение в условиях избирательного процесса, коррупционные преступления данной группы не направлены на достижение политических целей (ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 292 УК РФ и др.).

Функциональные связи между коррупционными преступлениями в избирательном процессе и их группами могут быть выявлены как на уровне взаимодействия с иными элементами вышестоящей системы, так и внутри самой системы. Как элемент вышестоящей системы коррупционная преступность в избирательном процессе вступает в активное взаимодействие:

а) с практикой коррупционного лоббизма в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, которая является логичным продолжением деятельности должностных лиц, избранных посредством реализации «грязных» избирательных технологий;

б) с организованной преступностью, поскольку избрание представителей криминалитета означает легализацию их преступного прошлого и обеспечивает им относительную безопасность от уголовного преследования в будущем;

в) со стремлением ряда государств подорвать суверенитет Российской Федерации, так как существенное искажение результатов волеизъявления способно привести к власти лиц, подконтрольных зарубежным политическим акторам.

В свою очередь, внутрисистемные функциональные связи между выделенными коррупционными преступлениями в избирательном процессе и их группами не столь очевидны, но могут быть выявлены при типологизации проявлений изучаемого вида преступности.

3. Зарегистрированные на сегодняшний день показатели коррупционной преступности в избирательном процессе не позволяют выявить каких-либо научно обоснованных закономерностей или тенденций развития данного явления, кроме устойчивости и цикличности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, вызвано высоким уровнем латентности коррупционных преступлений в избирательном процессе, который является следствием ряда общих и специальных факторов.

Полагаем, что полномасштабному изучению состояния, структуры и динамики коррупционной преступности в избирательном процессе еще предстоит

состояться в результате накопления достаточных эмпирических данных. В числе приоритетных направлений исследовательской работы следует отметить использование объективных методов оценки латентности данного вида преступности на основе математического анализа статистических данных, представляющих электроальную активность населения (показатели явки, результаты голосования, заявления о нарушении избирательных прав и др.), а также методов, основанных на принципе аналогии однородных по социально-политическим параметрам территорий.

В целях повышения эффективности статистического учета коррупционных преступлений в избирательном процессе автором внесено предложение о дополнении перечня № 23 в указании Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 дек. 2017 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» иными составами коррупционных преступлений в избирательном процессе (ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 142² УК РФ), а также об изменении содержания справочника № 1 «Классификатор видов экономической деятельности» путем присвоения соответствующего кода деятельности, связанной с организацией и проведением выборов.

4. В результате проведенного анализа возможных форм и видов коррупции в избирательном процессе выделены три типичных проявления коррупционной преступности в избирательном процессе:

– подкуп («продажность») участников избирательного процесса (включает преступления, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 204, ст. 204¹, ст. 204², ст. 290, ст. 291, ст. 291¹, ст. 291² УК РФ);

– злоупотребление административным ресурсом (включает преступления, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142¹, ч. 1 ст. 142², ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ст. 201, ст. 285, ст. 286, ст. 292 УК РФ);

– незаконное финансирование избирательной кампании (включает преступления, предусмотренные ст. 141¹ УК РФ).

Внутри данных типов, как в «плавильном котле», смешиваются различные виды преступлений, основным непосредственным объектом которых выступают

избирательные права граждан, порядок проведения выборов, правоотношения собственности, интересы службы в коммерческих или иных организациях, нормальное функционирования органов власти и др. Это объясняется тем, что на сегодняшний день уголовный закон не учитывает специфику коррупционных отношений в избирательном процессе и реализуемые на практике избирательные технологии.

Представленные типы коррупционной преступности далеко не всегда проявляются в чистом виде, и зачастую отдельные уголовного-наказуемые коррупционные деяния находят объективное выражение в результате их взаимодействия. Данная типология проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе не только позволяет раскрыть системно-структурный характер данного явления и предметно взглянуть на содержание элементов его структуры и содержание функциональных связей между ними, но также имеет важное криминологическое значение для систематизации и оптимизации уголовно-правовых запретов в рассматриваемой сфере общественных отношений.

5. Детерминанты коррупционной преступности в избирательном процессе разнообразны и могут быть классифицированы по различным основаниям. В рамках настоящего исследования были подвергнуты критическому анализу причинные комплексы, дифференцированные по содержанию и природе происхождения: субъективные (социально-психологические) и объективные (социально-экономические, политические, правовые, организационно-управленческие) детерминанты.

Комплексное изучение и последовательное воздействие на указанные «болевы точки» могло бы существенно снизить уровень коррупции в избирательном процессе. При этом важно обратить внимание на главный принцип построения системы противодействия коррупционной преступности: применение репрессии через деятельность правоохранительных органов должно сочетаться с общим и специальным предупреждением коррупционных проявлений путем использования социально-профилактических и принудительных мер, заблаговременно обеспечивающих антикоррупционную безопасность, то есть до момента причинения вреда общественным отношениям. Эффективное применение мер предупредительного воздействия в целях выявления и устранения причин и условий коррупционной преступности в избирательном

процессе зависит от того, в какой степени оно отражает системно-структурный характер предупреждаемого явления.

6. В рамках системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе необходимо различать две группы мер, отличающихся по методу предупредительного воздействия: социально-профилактические и принудительные меры. В своем функциональном единстве указанные меры представляют собой комплексный инструмент охраны общественных отношений, поскольку эффективное предупредительное воздействие предполагает сочетание мотивационных и просветительских мер с мерами правового регулирования общественных отношений. При рациональном и научно обоснованном использовании в системе предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе данные меры способны сформировать такую модель поведения, при которой даже в случае совершения противоправных деяний причиненный вред либо полностью исключается, либо сводится к минимуму.

Социальная профилактика коррупционной преступности в избирательном процессе является важным элементом системы предупреждения этого общественно опасного явления. В ее основе лежат меры стимулирования общественно-полезного поведения широкого круга участников избирательного процесса, направленные на распространение среди объектов профилактики базовых антикоррупционных знаний об основных признаках коррупции и ее специфических чертах в сфере избирательного процесса. Различающиеся по цели, средствам и результатам, антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование в избирательном процессе в случае системного и комплексного осуществления способны обеспечить преодоление основных коррупциогенных стереотипов, крепко укоренившихся в российском обществе.

Принудительные меры предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе представлены в виде мер безопасности, мер восстановления и мер ответственности.

Антикоррупционные меры безопасности направлены на некарательное ограничение поведения участников избирательного процесса с целью предупреждения

коррупционного воздействия на процессы волеформирования и волеизъявления избирателей. Основу антикоррупционных мер безопасности в избирательном процессе составляют антикоррупционные обязанности, запреты и ограничения (стандарты поведения), содержание которых варьируется в зависимости от статуса или положения субъектов избирательных отношений. Перспективным направлением развития законодательства о выборах представляется распространение общих антикоррупционных стандартов поведения на членов избирательных комиссий с правом решающего голоса вне зависимости от основы замещения указанной должности, а также активизация антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, принимаемых избирательными комиссиями.

Антикоррупционные меры восстановления направлены на ограничение коррупциогенного поведения участников избирательного процесса, которое может привести к причинению материального или нематериального вреда иным участникам избирательного процесса или избирательному корпусу в целом, посредством перспективного обеспечения инструментов восстановления. Важнейшим направлением реформирования избирательного законодательства представляется возвращение в электоральную практику избирательного залога, который представляет собой комплексный инструмент эффективного предупреждения участия в выборах лиц, заведомо не имеющих какой бы то ни было поддержки избирателей и использующих свой статус в целях, не связанных с институтом демократических выборов. Его применение на безальтернативной основе позволяет не только предупреждать коррупцию в процессе государственного финансирования избирательных кампаний, но и своевременно реагировать на подобные действия, а также компенсировать причиняемый ими ущерб.

Антикоррупционные меры ответственности в избирательном процессе представлены большим набором негативных правовых санкций различной отраслевой принадлежности. В целях эффективного предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе представляется необходимым выстраивание строгой иерархии мер уголовной и административной ответственности, дифференциация которых должна быть произведена по одному из двух оснований:

– меры административной ответственности, направленные на предупреждение правонарушений, которые создают условия для совершения коррупционных преступлений;

– меры административной ответственности, направленные на предупреждение правонарушений, которые представляют меньшую общественную опасность по сравнению с аналогичными коррупционными преступлениями.

Кроме того, заслуживает пристального внимания проблема видового объекта коррупционных преступлений в избирательном процессе. По нашему мнению, таковым являются не общественные отношения, возникающие в связи с реализацией избирательных прав граждан, а нормальная, регламентированная законом деятельность органов представительной власти и выборных должностных лиц, поскольку их формирование (избрание) вопреки политическим предпочтениям избирателей под влиянием коррупционной выгоды является причиной последующего коррумпирования государственного аппарата. Подобный подход позволит восполнить недостатки криминализации основных проявлений коррупционной преступности в избирательном процессе путем изменения понятия «должностное лицо», изложенного в прим. 1 к ст. 285 УК РФ, и признать в качестве таковых избирателей и кандидатов как лиц, имеющих специальный правовой статус и выполняющих публичную функцию. Это, в свою очередь, решит проблему криминализации «продажности» указанных участников избирательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативные и правоприменительные акты**

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июл. 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Конвенция ООН против коррупции : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 окт. 2003 г. № 58/4 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию : договор Совета Европы от 27 янв. 1999 г. № 173 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2394.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 авг. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 июл. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 3 нояб. 2015 г. № 303-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6204.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов : Федеральный закон от 9 фев. 2009 г. №3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 771.

8. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 фев. 2014 г. №20-ФЗ (ред. от 4 июн. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

9. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 янв. 2003 г. №19-ФЗ (ред. от 5 дек. 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

10. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июл. 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

11. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами : Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (ред. от 28 дек. 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2306.

12. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : Федеральный закон от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50. – Ч. 4. – Ст. 6953.

13. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 2 мар. 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152

14. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 6228.

15. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июл. 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 4 июн. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.

16. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

17. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26. – Ч. 1. – Ст. 3851.

18. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 3 июля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

20. О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы : Указ Президента РФ от 11 апр. 2014 г. № 226 (ред. от 15 июля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.

22. О Федеральной целевой программе повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 фев. 1995 г. № 228 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 862.

23. Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации) : Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 17 фев. 1998 г. // Российская газета. 1998. 24 фев.

24. О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия

коррупции : Постановление Правительства РФ от 5 июля 2013 г. № 568 (ред. от 15 фев. 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3833.

25. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Постановление Правительства РФ от 26 фев. 2010 г. № 96 (ред. от 4 июня 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

26. Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы : Распоряжение Правительства РФ от 14 мая 2014 г. № 816-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 21. – Ст. 2721.

27. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности [Электронный ресурс] : Указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 дек. 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

28. Об утверждении статистического отчета «Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по противодействию коррупции» [Электронный ресурс] : Приказ Следственного комитета РФ от 28 мар. 2011 г. № 41 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

29. О Всероссийском конкурсе на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления в Российской Федерации и участников избирательных кампаний [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 11 нояб. 2007 г. № 314/1801-6 // Официальный сайт ЦИК России. – URL: http://www.cikrf.ru/law/decrees_of_cec/2015/11/11/314-1801-6%20.html.

30. О Комплексе мер по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума) и обучению организаторов выборов и референдумов в Российской Федерации на 2006–2008 годы [Электронный ресурс] : Постановление

Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 28 фев. 2006 г. № 172/1109-4 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

31. О Комплексе мер по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов и других участников избирательного и референдумного процессов в Российской Федерации на 2009–2011 годы : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 апр. 2009 г. № 156/1111-5 // Вестник ЦИК России. – 2009. – № 4.

32. О Комплексе мер по повышению профессиональной подготовки организаторов выборов и референдумов и правовому обучению избирателей в Российской Федерации на 2000–2005 годы : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20 окт. 2000 г. № 113/1176-3 // Вестник ЦИК России. – 2000. – № 22.

33. О Концепции обучения кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса в Российской Федерации в 2016–2018 годах : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 10 фев. 2016 г. № 323/1839-6 // Вестник ЦИК России. – 2016. – № 3.

34. О Координационном совете при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по повышению правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 21 мар. 2001 г. № 124/1232-3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

35. О Молодежной электоральной концепции : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мар. 2014 г. № 221/1429-6 // Вестник ЦИК России. – 2014. – № 3.

36. О Сводном плане основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Российской Федерации на 2011 год : Постановление Центральной избирательной

комиссии Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 233/1524-5 // Вестник ЦИК России. – 2011. – №1.

37. О Сводном плане основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Российской Федерации на 2012 год : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 апр. 2012 г. №116/909-6 // Вестник ЦИК России. – 2012. – №7.

38. Об Отчете Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о расходовании средств федерального бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов Президента Российской Федерации, и Сведениях о поступлении средств в избирательные фонды кандидатов на должность Президента Российской Федерации и расходовании этих средств [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 4 июня. 2018 г. № 160/1311-7 // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/40049>.

39. Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс] : Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 24 нояб. 2010 г. № 228/1503-5// Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/25409>.

40. О Типовом положении об учебном центре (кабинете) избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, территориальной избирательной комиссии по обучению кадров избирательных комиссий и других участников избирательного (референдумного) процесса : Распоряжение ЦИК России от 28 нояб. 2017 г. № 349-р // Вестник ЦИК России. – 2017. – № 11.

41. Об утверждении Перечня должностей федерального государственного казенного учреждения «Федеральный центр информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» и федерального казенного

учреждения «Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации», при назначении на которые граждане и при замещении которых работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей [Электронный ресурс] : Распоряжение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 мар. 2014 г. № 75-р // Официальный сайт ЦИК России. – URL: http://cikrf.ru/protiv_corrupcii/normativdocs/rasp-75.php.

42. Об утверждении Положения о Рабочей группе по реализации Молодежной электоральной концепции [Электронный ресурс] : Распоряжение Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 5 июня. 2014 г. № 184-р // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru/molod/184-p.html>.

43. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2013 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

44. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2014 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

45. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2015 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

46. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2016 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

47. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2017 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

48. Информация о выполнении Плана Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по противодействию коррупции в 2017 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru>.

49. О развитии и совершенствовании законодательства Российской Федерации о выборах и референдумах // Доклад Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2000.

50. Отчет о работе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в 2007–2016 годах [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/30619>.

51. О государственных должностях Красноярского края : Закон Красноярского края от 26 дек. 2006 г. № 21-5553 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2007. – № 3.

52. Об Избирательной комиссии Красноярского края : Закон Красноярского края от 25 мая 2007 № 1-25 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2007. – № 24 (176)/1.

53. Об утверждении Плана основных мероприятий по повышению правовой культуры избирателей (участников референдума), обучению организаторов выборов и референдумов, совершенствованию и развитию избирательных технологий в Красноярском крае на 2017 год [Электронный ресурс] : Решение Избирательной комиссии Красноярского края от 28 дек. 2016 г. № 3/16-7 // Официальный сайт Избирательной комиссии Красноярского края. – URL: <http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru>.

54. План противодействия коррупции в Избирательной комиссии Воронежской области на 2018–2019 годы [Электронный ресурс] : Решение Избирательной комиссии Воронежской области от 27 дек. 2017 г. № 50/351-6 // Официальный сайт Избирательной комиссии Воронежской области. – URL: <http://www.voronezh.izbirkom.ru>.

55. План работы Комиссии по противодействию коррупции в Избирательной комиссии Республики Хакасия на первое полугодие 2018 г. [Электронный ресурс] : Протокол заседания Избирательной комиссии Республики Хакасия от 9 янв.

2018 г. // Официальный сайт Избирательной комиссии Республики Хакасия. – URL: <http://www.khakas.izbirkom.ru>.

56. Решение Московской городской избирательной комиссии от 12 июля 2018 г. № 65/5 «Об отказе в регистрации кандидата на должность Мэра Москвы М.Д. Балакина» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московской городской избирательной комиссии. – URL: <http://mosgorizbirkom.ru>.

Материалы судебной практики

57. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

58. Приговор Базарно-Карабулакского районного суда Саратовской области от 21 фев. 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/VJaIYG4QqM5l>.

59. Приговор Октябрьского районного суда г. Орска Оренбургской области от 4 дек. 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2ITFDywb6T6O>.

60. Приговор Олонецкого районного суда Республики Карелия от 15 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/YGU1TQuboygT>.

61. Приговор Саткинского городского суда Челябинской области от 10 мая 2017 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/lky9D79Rrfd8>.

62. Приговор Усть-Калманского районного суда Алтайского края от 13 дек. 2013 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OUmWgz2jwKHb>.

63. Приговор Уярского районного суда Красноярского края от 23 нояб. 2004 г. // Архив Красноярского краевого суда.

64. Приговор Шебалинского районный суд Республики Алтай от 24 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс] // РосПравосудие. – URL: <https://rospravosudie.com/court-shebalinskij-rajonnyj-sud-respublika-altaj-s/act-426512397>.

65. Решение Московского городского суда от 23 июл. 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал «Суды общей юрисдикции города Москвы». – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-admin/details/5ecf34ad-ba39-45ff-9d34-872fd4edf522>.

66. Постановление мирового судьи судебного участка № 31 в ЗАТО г. Зеленогорске Красноярского края от 19 янв. 2017 г. по делу № 5-46/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

67. Постановление мирового судьи судебного участка № 31 в ЗАТО г. Зеленогорске Красноярского края от 23 авг. 2017 г. по делу № 5-610/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

68. Постановление мирового судьи судебного участка № 37 в г. Канске Красноярского края от 2 дек. 2016 г. по делу № 5-558/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

69. Постановление мирового судьи судебного участка № 98 в Манском районе Красноярского края от 19 дек. 2017 г. по делу № 5-749/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

70. Постановление мирового судьи судебного участка № 113 в Центральном районе г. Норильска Красноярского края от 8 июн. 2017 г. по делу № 5-114/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

71. Постановление мирового судьи судебного участка № 113 в Центральном районе г. Норильска Красноярского края от 8 июн. 2017 г. по делу № 5-115/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

72. Постановление мирового судьи судебного участка № 158 в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края от 2 дек. 2016 г. по делу № 12-87/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

73. Постановление мирового судьи судебного участка № 158 в Таймырском Долгано-Ненецком районе Красноярского края от 6 дек. 2016 г. по делу № 12-37/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

74. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 11 апр. 2017 г. по делу № 5-107/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

75. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 13 янв. 2017 г. по делу № 5-02/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

76. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 25 нояб. 2016 г. по делу № 5-366/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

77. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 28 июл. 2017 г. по делу № 5-222/2017 // Архив Красноярского краевого суда.

78. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 29 нояб. 2016 г. по делу № 5-364/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

79. Постановление мирового судьи судебного участка № 165 в Эвенкийском районе Красноярского края от 29 нояб. 2016 г. по делу № 5-365/2016 // Архив Красноярского краевого суда.

Диссертации и авторефераты

80. Акутаев, Р.М. Криминологический анализ латентной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Акутаев Расул Магомедович. – СПб., 1999. – 358 с.

81. Александровская, С.В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской Республики: V–I вв. до н.э. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Александровская Светлана Валериевна. – Краснодар, 2004. – 247 с.

82. Астанин, В.В. Анतिकоррупционная политика России: криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Астанин Виктор Викторович. – М., 2009. – 382 с.

83. Астанин, В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Астанин Виктор Викторович. – М., 2001. – 209 с.

84. Басова, Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Басова Татьяна Борисовна. – Владивосток, 2005. – 403 с.

85. Вискулова, В.В. Финансирование федеральных выборов в России: соотношение публично-правового и частного начал (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Вискулова Виктория Вячеславовна. – Москва, 2004. – 230 с.

86. Вист, И.И. Уголовная ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Вист Игорь Иванович. – Омск, 2015. – 174 с.

87. Газимзянов, Р.Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков (криминологическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Газимзянов Ренат Рахимзянович. – Нижний Новгород, 2005. – 204 с.

88. Ганихин, А.А. Легализация (отмывание) имущества, приобретенного преступным путем: финансово-экономический и уголовно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ганихин Андрей Александрович. – Екатеринбург, 2003. – 184 с.

89. Дамм, И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дамм Ирина Александровна. – Красноярск, 2006. – 249 с.

90. Евдокимов, С.В. Правовосстановительные меры в Российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Евдокимов Сергей Викторович. – Нижний Новгород, 1999. – 218 с.
91. Елисеева, Т.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Елисеева Татьяна Николаевна. – М., 2004. – 210 с.
92. Иванченко, А.В. Организационно-правовая основа избирательного процесса в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. : 12.00.02 / Иванченко Александр Владимирович. – М., 1997. – 52 с.
93. Кабанов, П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кабанов Павел Александрович. – Казань, 2008. – 495 с.
94. Климова, Ю.Н. Преступность и массовая коммуникация в период предвыборной агитации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Климова Юлия Николаевна. – Нижний Новгород, 2003. – 233 с.
95. Кольшницын, А.С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кольшницын Александр Сергеевич. – Рязань, 2006. – 195 с.
96. Кривенцов, П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кривенцов Павел Алексеевич. – М., 2015. – 184 с.
97. Кругленя, А.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кругленя Анна Николаевна. – М., 2013. – 284 с.
98. Мажинская, Н.Г. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Мажинская Наталья Геннадьевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 211 с.

99. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малько Александр Васильевич. – Саратов, 1995. – 362 с.
100. Муслов, Б.В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Муслов Борис Валерьевич. – СПб., 2006. – 166 с.
101. Номоконов, В.А. Преступное поведение: механизм, детерминации, причины, ответственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Номоконов Виталий Анатольевич. – М., 1991. – 36 с.
102. Орлов, Д.В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Орлов Дмитрий Викторович. – Нижний Новгород, 2007. – 259 с.
103. Паликова, А.М. Влияние средств массовой информации на формирование электоральных предпочтений российских избирателей : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Паликова Анна Михайловна. – М., 2011. – 168 с.
104. Романенко, О.В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Романенко Олег Владимирович. – М., 2004. – 197 с.
105. Сазонова, Н.В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сазонова Наталья Васильевна. – Красноярск, 2004. – 164 с.
106. Сарсенов, К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарсенов Карим Маратович. – СПб., 1996. – 196 с.
107. Серков, С.В. Конституционно-правовое регулирование голосования на выборах в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Серков Станислав Валерьевич. – Тюмень, 2007. – 186 с.
108. Талапина, Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / Талапина Эльвира Владимировна. – М., 2015. – 469 с.

109. Терещенко, Н.В. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Терещенко Николай Викторович. – Ставрополь, 2002. – 216 с.

110. Толстикова, И.Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Толстикова Ирина Николаевна. – Красноярск, 2005. – 214 с.

111. Торопин, Ю.В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел : по материалам Центрального федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Торопин Юрий Викторович. – М., 2013. – 266 с.

112. Торопов, А.В. Правовое регулирование ответственности за преступные нарушения законодательства о выборах, совершаемые членами избирательных комиссий (современное состояние и перспективы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Торопов Александр Владимирович. – Тюмень, 2011. – 153 с.

113. Хузмиева, М.Б. Защита прав собственности и иных вещных прав от посягательств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Хузмиева Мадина Борисовна. – Краснодар, 2009. – 225 с.

114. Чашников, В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чашников Всеволод Александрович. – Екатеринбург, 2006. 225 с.

115. Шевченко, Г.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Шевченко Галина Николаевна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 205 с.

116. Шульгин, С.Г. Влияние рентоориентированного поведения на политические деловые циклы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Шульгин Сергей Георгиевич. – М., 2006. – 172 с.

117. Щедрин, Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Щедрин Николай Васильевич. – Красноярск, 2001. – 348 с.

118. Щербина, И.С. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Щербина Инна Сергеевна. – Екатеринбург, 2012. – 229 с.

Научная литература

119. Авакьян, С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 5. – С. 23–39.

120. Азиз, К. Правовые условия для кандидатов, претендующих на должность главы государства (на примере Кыргызской Республики, Российской Федерации и законодательства отдельных зарубежных государств) / К. Азиз // Алтайский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 41–44.

121. Акунченко, Е.А. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы [Электронный ресурс] / Е.А. Акунченко, И.А. Дамм, Н.В. Щедрин // Национальная безопасность / nota bene. – 2018. – № 1. – С. 49–71.

122. Акунченко, Е.А. Вариативность института избирательного залога в аспекте комплексного понимания мер предупредительного воздействия / Е.А. Акунченко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 147–153.

123. Акунченко, Е.А. Избирательный залог как средство обеспечения антикоррупционного критерия популярности кандидата среди избирателей / Е.А. Акунченко // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 66–73.

124. Акунченко, Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе / Е.А. Акунченко // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 34–40.

125. Акунченко, Е.А. Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе и основные меры его предупреждения / Е.А. Акунченко // Академический юридический журнал. – 2017. – № 2. – С. 45–51.

126. Акунченко, Е.А. Коррупция и коррупционная преступность в избирательном процессе / Е.А. Акунченко // Право и политика. – 2018. – № 8. – С. 28–42.

127. Акунченко, Е.А. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний / Е.А. Акунченко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 14–19.

128. Акунченко, Е.А. Меры принуждения в системе охранительных правоотношений / Е.А. Акунченко // Проспект Свободный-2015 : материалы научной конференции, посвященной 70-летию Великой Победы [Электронный ресурс] / Отв. ред. Е.И. Костоглодова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: PC не ниже класса PentiumI; 128 Mb RAM; Windows 98/XP/7; дисковод CD-ROM; Adobe Reader V8.0 и выше. – Заглавие с экрана.

129. Акунченко, Е.А. Некоторые вопросы уголовной ответственности представителей СМИ за совершение коррупционных деяний в период избирательной кампании / Е.А. Акунченко // Енисейские правовые чтения : сборник научных статей. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2017. – С. 444–446.

130. Акунченко, Е.А. Роль антикоррупционного просвещения в предупреждении подкупа избирателей / Е.А. Акунченко // Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.Г. Рагозина, И.Ю. Мурашкин. – Омск: Изд-во Омской юридической академии, 2017. – С. 12–17.

131. Акунченко, Е.А. Субъективный и объективный характер действия антикоррупционного критерия популярности кандидата в избирательном процессе РФ / Е.А. Акунченко // Молодежь и наука : материалы конференции. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 245–249.

132. Андрейчук, С.В. Деньги на выборах: Проблемы обеспечения прозрачности финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации : доклад / С.В. Андрейчук. – М.: Трансперенси Интернешнл – Р, 2017. – 40 с.

133. Антонов, О.Ю. Функционирование преступной деятельности, связанной с проведением избирательных кампаний и референдумов / О.Ю. Антонов, В.И. Елинский // Российский следователь. – 2011. – № 9. – С. 15–20.

134. Антонян, Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности : монография / Ю.М. Антонян. – М.: Камерон, 2006. – 304 с.
135. Ардашкин, В.Д. О принуждении по советскому праву / В.Д. Ардашкин // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33–39.
136. Артемьева, М.В. Коррупция и коррупционные преступления / М.В. Артемьева // Юридическая наука. – 2011. – № 1. – С. 43–47.
137. Астанин, В.В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики / В.В. Астанин // Мониторинг правоприменения. – 2016. – № 3. – С. 4–8.
138. Астанин, В.В. Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в деятельности государственных служащих / В.В. Астанин. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2011. – 276 с.
139. Багмет, А.М. Особенности квалификации подкупа избирателей как вида электоральной коррупции / А.М. Багмет, Е.И. Бычкова // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 9–12.
140. Бадретдинов, И.Р. Обучение членов избирательных комиссий: правовые, организационные, материально-технические, финансовые и кадровые основы / И.Р. Бадретдинов // Путь науки. – 2014. – № 10. – С. 88–91.
141. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Красноярский университет, 1985. – 120 с.
142. Барсукова, С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей / С.Ю. Барсукова // Journal of Institutional Studies. – 2011. – № 3. – С. 46–56.
143. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 184 с.
144. Белов, С.А. Признание выборов недействительными: конфликт правовых ценностей в судебной практике / С.А. Белов, Ю.А. Мелихова // Петербургский юрист. – 2016. – № 2. – С. 81–97.

145. Белоновский, В.Н. Фальсификации и правонарушения в древнеримской электоральной культуре / В.Н. Белоновский, А.А. Кальгина // Закон и право. – 2015. – № 2. – С. 42–44.

146. Бикеев, И.И. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. – 2010. – № 3. – С. 178–188.

147. Богданова, Е.Е. Восстановление положения, существовавшего до нарушения права / Е.Е. Богданова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 147–153.

148. Бузин, А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними / А.Ю. Бузин. – М.: Панорама, 2007. – 271 с.

149. Букалерева, Л.А. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» / Л.А. Букалерева, М.Н. Копылов // Общество и право. – 2012. – № 1. – С. 105–109.

150. Веденеев, Ю.А. Развитие избирательной системы российской федерации: проблемы правовой институционализации / Ю.А. Веденеев // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 47–57.

151. Вист, И.И. Уголовно-правовой анализ квалификации преступлений против избирательных прав граждан / И.И. Вист // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 1. – С. 131–134.

152. Вишневский, Б.Л. Пять технологий подкупа избирателей / Б.Л. Вишневский // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2002. – С. 251–254.

153. Вишневский, Б.Л. Электоральная коррупция: формы, проявления, методы борьбы / Б.Л. Вишневский // Гражданское общество против коррупции в России / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2002. – С. 238–255.

154. Волков, Б.С. Мотивы преступлений / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. – 152 с.

155. Гаврилов, М.В. Моделирование в антикоррупционной политике / М.В. Гаврилов // Правоведение. – 2006. – № 2. С. 74–85.

156. Ганихин, А.А. Легализация (отмывание) «грязных» денег и избирательные кампании / А.А. Ганихин // Мир юстиции. – 2003. – № 1. – С. 19–20.
157. Гишинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гишинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 520 с.
158. Горбачев, В.П. Муниципальная коррупция и избирательные технологии в Российской Империи / В.П. Горбачев // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 15–24.
159. Горшенков, Г.Н. Криминология: научные инновации : монография / Г.Н. Горшенков. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009. – 214 с.
160. Гращенко, И.А. Фактор влияния финансово-промышленных групп на региональную политику / И.А. Гращенко, М.М. Мейер // Власть. – 2016. – № 7. – С. 85–89.
161. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
162. Григорян, В.А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения / В.А. Григорян // Lex Russica. – 2007. – № 1. – С. 160–173.
163. Гришин, Н.В. Публичные ценности российского избирательного процесса / Н.В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3. – С. 80–88.
164. Гусева, О.Ю. Развитие антикоррупционного избирательного законодательства в Древнем Риме в V–I вв. до н.э. / О.Ю. Гусева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 126–130.
165. Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П.С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. – 243 с.
166. Дамм, И.А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе / И.А. Дамм // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 6. – С. 331–336.

167. Дамм, И.А. Антикоррупционные меры безопасности в сфере образования: понятие и классификации / И.А. Дамм // Национальная безопасность / nota bene. – 2018. – № 3. – С. 11–22.
168. Дамм, И.А. К вопросу об уголовной ответственности за подкуп избирателей / И.А. Дамм // Следователь. – 2007. – № 12. – С. 5–8.
169. Дамм, И.А. Понятие и признаки коррупции в избирательном процессе / И.А. Дамм // Политическая криминология : сборник научных трудов / Под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2006. – С. 16–28.
170. Дамм, И.А. Противодействие коррупции: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм // Вопросы безопасности. – 2018. – № 3. – С. 22–33.
171. Девицкий, Э.И. Подкуп избирателей: взгляд криминолога / Э.И. Девицкий, Д.В. Жмуров // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 289–298.
172. Долгова, А.И. Системно-структурный характер преступности / А.И. Долгова // Вопросы борьбы с преступностью. – 1984. – № 41. – С. 3–16.
173. Драчук, М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий / М.А. Драчук // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1. – С. 173–180.
174. Дулов, С.А. Проблемы коррупции в избирательном процессе. Технологии подкупа избирателей и борьба с ними. Практика отмены регистрации кандидатов судебными и иными уполномоченными органами / С.А. Дулов // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2002. – С. 260–267.
175. Елисеева, Т.Н. Некоторые новеллы уголовного законодательства об ответственности за нарушения порядка финансирования избирательной кампании / Т.Н. Елисеева // Российский следователь. – 2007. – № 16. – С. 17–19.
176. Ермакова, Э.Л. Избирательный залог: теория, практика, проблемы и пути их решения : монография / Э.Л. Ермакова, В.В. Вискулова. – М.: РЦОИТ, 2009. – 182 с.

177. Есаков, Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле / Г.А. Есаков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 37–45.

178. Ескина, Л.Б. Избирательная система и коррупция / Л.Б. Ескина // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2002. – С. 257–259.

179. Жубрин, Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы / Р.В. Жубрин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 627–637.

180. Забайкалов, А.П. Процедуры голосования в избирательном процессе: современное состояние и перспективы развития : монография / А.П. Забайкалов. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – 248 с.

181. Зайцева, О.В. Административный ресурс в избирательных кампаниях как форма проявления коррупции / О.В. Зайцева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 3. – С. 19–24.

182. Зайцева, О.В. Грязные избирательные технологии и коррупция / О.В. Зайцева // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2004. – С. 16–22.

183. Зайцева, О.В. Избирательные технологии и коррупция : отчет о научно-исследовательской работе [Электронный ресурс] / О.В. Зайцева. – Саратов, 2004. – URL: http://sartraccs.ru/print.php?print_file=explore_yung.htm.

184. Зайцева, О.В. Уголовная ответственность участников избирательного процесса и принципы криминализации общественно опасных деяний / О.В. Зайцева // Преступность, уголовная политика, уголовный закон : сборник научных трудов / Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2013. – С. 323–327.

185. Зырянова (Дамм), И.А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? / И.А. Зырянова (Дамм) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 32–37.

186. Зырянова (Дамм), И.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения в избирательном процессе / И.А. Зырянова (Дамм) // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 192–195.

187. Зырянова (Дамм), И.А. Коррупция в избирательном процессе: понятие и признаки / И.А. Зырянова (Дамм) // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1. – С. 97–100.

188. Зырянова (Дамм), И.А. О предупреждении участия в выборах технических кандидатов при помощи избирательного залога как меры безопасности / И.А. Зырянова (Дамм), Е.А. Акунченко // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 82–85.

189. Зырянова (Дамм), И.А. Общая характеристика коррупции и ее негативных последствий в избирательном процессе / И.А. Зырянова (Дамм) // Юридическая мысль. – 2014. – № 2. – С. 77–82.

190. Зырянова (Дамм), И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова (Дамм) // Мир юридической науки. – 2013. – № 10–11. – С. 33–38.

191. Зырянова (Дамм), И.А. Основные формы коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова (Дамм) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 45–50.

192. Зырянова (Дамм), И.А. Проблема определения понятия и перечня коррупционных правонарушений / И.А. Зырянова (Дамм) // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 2. – С. 105–108.

193. Иванов, С.А. Юридическая сила инструкций Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и их место в правовой системе / С.А. Иванов // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 28–35.

194. Игнатенко, В.В. Дефекты в российском избирательном праве как предмет научного исследования / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 59–61.

195. Игнатенко, В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 24–28.
196. Игнатенко, В.В. Юридическая ответственность и избирательный процесс / В.В. Игнатенко. – М.: РЦОИТ, 2001. – 144 с.
197. Илий, С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности / С.К. Илий // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 460–468.
198. Илий, С.К. Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России / С.К. Илий // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 531–543.
199. Илий, С.К. Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности / С.К. Илий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 6. – С. 38–42.
200. Иншаков, С.М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности / С.М. Иншаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 4. – С. 5–10.
201. Иншаков, С.М. Латентная преступность как объект исследования / С.М. Иншаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 16. – С. 107–130.
202. Ищенко, Е.П. Коррупция и грязные избирательные технологии: пути преодоления [Электронный ресурс] / Е.П. Ищенко // Коррупция – коррозия общества и государства. Екатеринбург, 2000. – URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1224687>.
203. Кабанов, П.А. Антикоррупционное просвещение в субъектах российской федерации: опыт правового регулирования организации и перспективы развития / П.А. Кабанов // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2016. – № 4. – С. 35–55.

204. Кабанов, П.А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание / П.А. Кабанов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 42–51.

205. Кабанов, П.А. Криминологическая характеристика электоральной преступности в условиях формирования в России демократического правового государства / П.А. Кабанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 19. – С. 70–74.

206. Кабанов, П.А. О соотношении антикоррупционного образования и антикоррупционного просвещения как видов антикоррупционной деятельности / П.А. Кабанов // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 9. – С. 978–985.

207. Кабанов, П.А. Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания / П.А. Кабанов. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 1998. – 74 с.

208. Кабанов, П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение : монография / П.А. Кабанов. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. – 176 с.

209. Кабанов, П.А. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков : монография / П.А. Кабанов, Г.И. Райков, Д.К. Чирков. – М.: Дружба народов, 2008. – 224 с.

210. Кабанов, П.А. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции / П.А. Кабанов // Юридические исследования. – 2015. – № 2. – С. 12–27.

211. Кабанов, П.А. Российская политическая криминология: спорные вопросы и неоднозначные ответы / П.А. Кабанов // Право и политика. – 2013. – № 7. – С. 854–867.

212. Кабанов, П.А. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа / П.А. Кабанов, Г.И. Райков // Следователь. – 2008. – № 10. – С. 21–25.

213. Кабанов, П.А. Электоральная коррупция: осмысление научных подходов к явлению / П.А. Кабанов // Политические партии и выборы: проблемы

современности : Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 399–404.

214. Кабанов, П.А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: возникновение и становление / П.А. Кабанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2003. – № 1. – С. 136–140.

215. Кабанов, П.А. Электоральное злоупотребление властью как криминологическая категория и ее содержание / П.А. Кабанов, А.П. Свигузова // Следователь. – 2009. – № 3. – С. 62–64.

216. Какителашвили, М.М. К вопросу об основаниях привлечения к уголовной ответственности за нарушения порядка финансирования избирательных кампаний / М.М. Какителашвили // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 4. – С. 51–54.

217. Какителашвили, М.М. Конституционно-правовые проблемы финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации : монография / М.М. Какителашвили. – М.: Белый ветер, 2017. – 264 с.

218. Какителашвили, М.М. Праймериз как инструмент незаконной финансовой поддержки на выборах / М.М. Какителашвили // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 2. – С. 65–70.

219. Какителашвили, М.М. Российский парламентаризм и противодействие электоральной коррупции / М.М. Какителашвили // Актуальные проблемы современного законодательства : материалы всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А.Г. Забелин. – М.: МФЮА, 2016. – С. 34–41.

220. Какителашвили, М.М. Финансирование избирательных кампаний и уголовная ответственность за его нарушения / М.М. Какителашвили // Криминологическая ситуация и реагирование на нее : сборник научных трудов / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. – С. 81–84.

221. Квон, Д.А. Политическая коррупция: понятие, цели, субъекты / Д.А. Квон // Власть. – 2015. – № 7. – С. 45–52.

222. Ким, А.И. Первая Конституция СССР и советское всеобщее избирательное право для трудящихся / А.И. Ким // Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. – Томск: Изд-во Томского университета, 1957. – С. 5–23.

223. Кирьянов, И.К. Административный ресурс на выборах в Государственную Думу Российской Империи четвертого созыва: пермский вариант / И.К. Кирьянов, Е.В. Чугайнова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 3. – С. 199–204.

224. Климова, Н.Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей / Ю.Н. Климова // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 50–54.

225. Климова, Ю.Н. Антикоррупционное направление безопасности субъектов избирательного права / Ю.Н. Климова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 78–90.

226. Климова, Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия / Ю.Н. Климова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 1. – С. 39–48.

227. Климова, Ю.Н. Подкуп избирателей и антикоррупционная электоральная политика / Ю.Н. Климова // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом : сборник научных статей / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – С. 186–191.

228. Климова, Ю.Н. Предупреждение коррупционных преступлений в сфере формирования представительной власти / Ю.Н. Климова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. – 156 с.

229. Князев, С.Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура / С.Д. Князев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 42–54.

230. Ковин, В.С. К вопросу о содержании понятия «электоральная коррупция» / В.С. Ковин, П.В. Панов, О.Б. Подвинцев // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия

коррупции : сборник научных трудов по итогам Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2016. – С. 143–153.

231. Кожевников, С.Н. О принуждении в правоохранительной деятельности советского государства / С.Н. Кожевников // Проблемы применения советского права. – Свердловск, 1973. – Вып. 22. – С. 117–127.

232. Кондрашев, А.А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве / А.А. Кондрашев // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 6. – С. 112–123.

233. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016. – 568 с.

234. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / Под ред. Н.В. Щедрина. – Красноярск: СФУ, 2010. – 324 с.

235. Коргунюк, Ю.Г. Электоральная коррупция: история болезни / Ю.Г. Коргунюк // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 181–186.

236. Котов, Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание / Д.П. Котов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. – 152 с.

237. Красинский, В.В. Борьба с отмыванием денежных средств в ходе выборов: проблема и возможные пути ее разрешения / В.В. Красинский // Право и политика. – 2003. – № 6. – С. 54–63

238. Красинский, В.В. Организованная преступность на выборах и в российских органах власти : монография / В.В. Красинский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 224 с.

239. Кругленя, А.Н. Подкуп на выборах, референдуме: преступление или административное правонарушение? / А.Н. Кругленя // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 2. – С. 24–31.

240. Кругленя, А.Н. Фальсификация избирательных документов и итогов голосования: о практических проблемах установления субъекта преступления / А.Н. Кругленя // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 12. – С. 94–99.

241. Кудашкин, А.В. Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 3–8.
242. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 216 с.
243. Кудрявцев, В.Н. Причинность в криминологии / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1968. – 176 с.
244. Кузнецова, Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 232 с.
245. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации : монография / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 208 с.
246. Кузьмин, А.В. Категориальный статус правосстановительных санкций: понятие, признаки, виды / А.В. Кузьмин, Д.В. Ходукин // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 47–52.
247. Кузьмин, А.В. Формы восстановления нарушенного субъективного права: теоретические и гражданско-правовые аспекты / А.В. Кузьмин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – Ч. 2. – С. 108–112.
248. Куликов, М.Ю. Злоупотребление избирательными правами избирателями, наблюдателями и иными участниками избирательного процесса / М.Ю. Куликов // Избирательное право. – 2015. – № 2. – С. 25–32.
249. Куракин, А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы (история и современность) / А.В. Куракин // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 35–48.
250. Лазарев, Е.А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций / Е.А. Лазарев // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 106–121.
251. Ларичев, В.Д. Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) / В.Д. Ларичев // Общество и право. – 2011. – № 1. – С. 130–133.

252. Латушкин, М.А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения / М.А. Латушкин // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 186–196.

253. Лобачев, С.В. Административный ресурс губернатора на выборах в до-революционную Государственную Думу (по материалам Владимирской губернии) / С.В. Лобачев // История государства и права. – 2010. – № 23. – С. 16–19.

254. Лопашенко, Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер / Н.А. Лопашенко // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. – С. 21–35.

255. Лунеев, В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы (тезисы доклада) / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 99–111.

256. Лунеев, В.В. Политическая коррупция в России / В.В. Лунеев // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах : Вып 1. – М.: Юристъ, 2003. – С. 71–72.

257. Лунеев, В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.

258. Макарова, О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти / О.В. Макарова // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 54–62.

259. Максимов, С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮрИнфоР, 2008. – 255 с.

260. Малкин, Е.Б. Политические технологии / Е.Б. Малкин, Е.Б. Сучков. – 3-е изд., исправ. и доп. – М.: Русская панорама, 2012. – 688 с.

261. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 134–137.

262. Матейкович, М.С. Проблемы конституционной ответственности субъектов избирательного процесса в Российской Федерации / М.С. Матейкович // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 28–35.
263. Матренина, К.Ю. Достоинства комплексов обработки избирательных бюллетеней и комплексов для электронного голосования / К.Ю. Матренина // Государство и право. – 2015. – № 12. – С. 107–112.
264. Мацкевич, И.М. Теоретическое понятие преступности и проблемы его операционализации / И.М. Мацкевич // Lex Russica. – 2006. – № 3. – С. 524–541.
265. Мехонцева, Д.М. Самоуправление и управление (вопросы общей теории систем) : монография / Д.М. Мехонцева. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. – 246 с.
266. Митин, А.Н. Управление переносит будущее в настоящее : монография / А.Н. Митин. – Екатеринбург: УрГЮА, 2010. – 388 с.
267. Нечаев, В.Д. Избиратель: покупатель, продавец или вкладчик? / В.Д. Нечаев // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 6. – С. 40–50.
268. Нигматуллина, Т.А. Региональное проектирование молодежной политики / Т.А. Нигматуллина. – М.: NOTA BENE, 2014. – 184 с.
269. Никитин, А.А. Классификация избирательных технологий / А.А. Никитин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №1.1. – С. 150-153.
270. Нисневич, Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития / Ю.А. Нисневич. – М.: КноРус, 2012. – С. 177.
271. Нисневич, Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах : монография / Ю.А. Нисневич. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. – 204 с.
272. Нисневич, Ю.А. Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России / Ю.А. Нисневич // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 52–60.

273. Номоконов, В.А. Борьба с коррупцией в России: первые итоги / В.А. Номоконов // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2. – С. 88–100.
274. Номоконов, В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность : монография / В.А. Номоконов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1989. – 157 с.
275. Нуреев, Р.М. Взаимосвязь экономического и политического монополизма в российских регионах: административный ресурс и формы его проявления / Р.М. Нуреев, С.Г. Шульгин // Terra Economicus. – 2006. – № 3. – С. 33–40.
276. Панфилова, Е.А. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы / Е.А. Панфилова, С.Н. Шевердяев. – М.: Де Ново, 2005. – 104 с.
277. Паршин, И.С. Причины и условия коррупционной преступности / И.С. Паршин // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 36–40.
278. Подшивалов, В.Е. Антикоррупционная экспертиза и избирательная система Российской Федерации / В.Е. Подшивалов // Избирательное право. – 2017. – № 1. – С. 6–9.
279. Полуэктов, В.В. Полевые и манипулятивные технологии: настольная книга менеджера избирательных кампаний / В.В. Полуэктов. – М.: Русская панорама, 2003. – 464 с.
280. Помазанский, А.Е. Ответственность за нарушение порядка финансирования избирательной кампании в законодательстве о выборах / А.Е. Помазанский // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 122–129.
281. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 353 с.
282. Противодействие коррупции в Российской Федерации : указатель литературы на русском языке (1991–2012 гг.) / Сост.: Е.А. Панфилова, М.И. Савинцева; под ред. Ю.А. Нисневича. – М.: Трансперенси Интернешнл – Р, 2013. – 206 с.

283. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : монография / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: Юстицинформ, 2016. – 512 с.
284. Пшизова, С.Н. Финансирование политического рынка: теоретические аспекты практических проблем (I) / С.Н. Пшизова // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 1. – С. 18–30.
285. Рамазанов, Т.Б. Особенности современной электоральной коррупции / Т.Б. Рамазанов // Право и политика. – 2010. – № 5. – С. 876–881.
286. Рамазанов, Т.Б. Особенности электоральной коррупции в полиэтнических регионах России / Т.Б. Рамазанов // Диалектика противодействия коррупции : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Познание, 2013. – С. 149–151.
287. Римский, В.Л. Административный ресурс на федеральных выборах 2003–2004 годов [Электронный ресурс] / В.Л. Римский // Интернет-мониторинг выборов 2003–2004 годов в России : в 2-х томах. – М.: ИНДЕМ, 2004. – Т. 2: Проблемы российских выборов. – URL: http://www.indem.ru/idd2000/conf/4/Predlojeniya/Admin_Rim.html.
288. Римский, В.Л. Бюрократия, клиентизм и коррупция в России / В.Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2004. – №.6. – С. 65–84.
289. Римский, В.Л. Коррупция как системный фактор российских выборов / В.Л. Римский // Выборы в Российской Федерации / Под ред. М.Б. Горного. – СПб.: Норма, 2002. – С. 283–300.
290. Рогачевский, Л.А. AMBITUS: электоральная коррупция в Римской Республике и ранней Римской Империи (практика выборов и законодательство) / Л.А. Рогачевский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 1. – С. 162–196.
291. Рыжков, Н.Е. Развитие законодательства о финансировании избирательных кампаний кандидатов и избирательных объединений и роль избирательных фондов в его реформировании / Н.Е. Рыжков // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 106 – 110.

292. Сагатовский, В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. – Томск: Изд-во Томского университета, 1973. – 431 с.
293. Свигузова, А.П. Понятие и виды преступлений, посягающих на избирательные права и право на участие в референдуме (электоральных преступлений): правовой анализ действующих норм уголовного законодательства Российской Федерации / А.П. Свигузова // Следователь. – 2009. – № 4. – С. 23–28.
294. Серегина, В.В. Государственное принуждение по советскому праву / В.В. Серегина. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. – 120 с.
295. Скляр, С.В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности / С.В. Скляр // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 6. – С. 35–37.
296. Смищенко, Р.С. Использование административного ресурса в избирательных кампаниях в Российской Федерации / Р.С. Смищенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4–2. – С. 277–279.
297. Соколов, Д.И. О понятии преступности как социального явления / Д.И. Соколов // Вопросы борьбы с преступностью. – 1984. – № 41. – С. 16–23.
298. Соловьев, С.Г. Денежный подкуп избирателей на муниципальных выборах: проблемы теории и практики / С.Г. Соловьев // Современное право. – 2007. – № 1. – С. 54–57.
299. Спекбахер, К. Обзор деятельности Совета Европы в области борьбы с коррупцией, организованной преступностью и легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем / К. Спекбахер // Коррупция и экономические преступления : Сборник материалов семинара Совета Европы «Проблемы борьбы с коррупцией и преступлениями в сфере экономики» / Под ред. А.Н. Тарбагаева. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2000. – С. 35–44.
300. Талапина, Э.В. Антикоррупционный информационный стандарт в государственном управлении: подходы к пониманию / Э.В. Талапина // Государство и право. – 2011. – № 3. – С. 5–15.
301. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / Под ред. С.М. Иншакова. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 839 с.

302. Тихонравов, Е.Ю. Принцип *nullum crimen sine lege* в истории отечественного уголовного права / Е.Ю. Тихонравов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 38. – С. 548–557.
303. Тонков, Е.Е. Коррупция как признак криминализации власти / Е.Е. Тонков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 50–58.
304. Турищева, Н.Ю. Подкуп как способ воспрепятствования осуществлению избирательных прав / Н.Ю. Турищева // Юрист-Правоведъ. – 2008. – № 3. – С. 47–52.
305. Турищева, Н.Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме / Н.Ю. Турищева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. – 339 с.
306. Турищева, Н.Ю. Признаки, дифференцирующие уголовную ответственность за преступления против избирательных прав / Н.Ю. Турищева // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 70–78.
307. Уголовно-правовое воздействие : монография / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. – 288 с.
308. Усс, А.В. Социально-интегративная роль уголовного права : монография / А.В. Усс. – 2-е изд., испр. и доп. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 323 с.
309. Утченко, С.Л. Юлий Цезарь : монография / С.Л. Утченко. – М.: Мысль, 1976. – 366 с.
310. Хрусталева, Е.Н. Избирательный процесс в России: понятие и стадии / Е.Н. Хрусталева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 32–35.
311. Худолей, Д.М. Понятие избирательного процесса / Д.М. Худолей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 18–28.
312. Чуклинов, А.Е. Административный ресурс: проблемы управленческого метода [Электронный ресурс] / А.Е. Чуклинов // Отечественные записки. – 2004. – № 2. – URL: <http://www.strana-oz.ru>.

313. Чуров, В.Е. Итоги выборов. Анализ электоральных предпочтений [Электронный ресурс] / В.Е. Чуров, В.Л. Арлазаров, А.В. Соловьев // Официальный сайт ЦИК России. – URL: <http://cikrf.ru/activity/relevant/detail/29380>.

314. Шапиев, С.М. Подкуп избирателей как вид политической коррупции. Проблемы юридической квалификации и привлечения к ответственности / С.М. Шапиев // Журнал о выборах. – 2011. – № 3. – С. 7–16.

315. Шаргородский, М.Д. Преступность, ее причины и условия в социальном обществе / М.Д. Шаргородский // Преступность и ее предупреждение. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – С. 20–58.

316. Шевердяев, С.Н. Актуальные направления разработки проблематики электоральной коррупции в конституционном праве / С.Н. Шевердяев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 18–23.

317. Шевердяев, С.Н. Развитие понятия использования преимуществ должностного или служебного положения в российском избирательном законодательстве / С.Н. Шевердяев // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 4. – С. 40–59.

318. Шин, А.Г. Использование участниками выборов преимуществ своего должностного (служебного) положения как конституционно-правовой деликт: особенности субъекта и субъективной стороны / А.Г. Шин // Избирательное право. – 2008. – № 2. – С. 41–47.

319. Шин, А.Г. Конституционно-правовая ответственность кандидатов в депутаты или на выборные должности за использование на выборах преимуществ своего должностного (служебного) положения : монография / А.Г. Шин. – Иркутск: Институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2013. – 215 с.

320. Шпилькин, С.А. Статистическое исследование результатов российских выборов 2007–2009 гг. / С.А. Шпилькин // Троицкий вариант – Наука. – 2009. – 27 окт.

321. Щедрин Н.В. О коррупции, коррупционерах и коррупционной выгоде / Н.В. Щедрин // NB: Вопросы права и политики. – 2014. – № 3. – С. 12–27.

322. Щедрин Н.В. О необходимости терминологической конвенции (на примере общей теории предупреждения преступлений) / Н.В. Щедрин // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 1. – С. 280–284.

323. Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н.В. Щедрин. – Красноярск: Красноярский университет, 1999. – 180 с.

324. Щедрин, Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности / Н.В. Щедрин // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 16–24.

325. Щедрин, Н.В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / Н.В. Щедрин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 4. – С. 26–35.

326. Щедрин, Н.В. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовые и криминологические аспекты : монография / Н.В. Щедрин, О.М. Кылина. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. – 120 с.

327. Щедрин, Н.В. Новый Уголовный кодекс России в контексте социального управления / Н.В. Щедрин // Lex Russica. – 2015. – № 3. – С. 48–62.

328. Щедрин, Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н.В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 89–92.

329. Щедрин, Н.В. О принципах противодействия коррупции / Н.В. Щедрина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 280–284.

330. Щедрин, Н.В. О совершенствовании законодательного определения коррупции / Н.В. Щедрин // Право и политика. – 2009. – № 7. – С. 1448–1452.

331. Щедрин, Н.В. Определение коррупции в федеральном законе / Н.В. Щедрин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 3. – С. 31–36.

332. Щедрин, Н.В. Правила безопасности против коррупции / Н.В. Щедрин // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. – С. 53–82.

333. Щедрин, Н.В. Пределы предупредительной деятельности / Н.В. Щедрин // Lex Russica. – 2018. – № 9.

334. Щедрин, Н.В. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций / Н.В. Щедрин, О.М. Кылина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 3. – С. 40–49.

335. Эбзеев, Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования / Б.С. Эбзеев. – М.: Проспект, 2014. – 336 с.

336. Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия) : монография / Под ред. П.А. Кабанова. – М.: Граница, 2012. – 92 с.

337. Эминов, В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ / В.Е. Эминов. – М.: Норма, 2011. – 128 с.

Учебная литература

338. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учебный курс в 2 т. / С.А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2014. – Т. 2. – 912 с.

339. Алексеев, А.И. Криминология : курс лекций / А.И. Алексеев. – М.: Щит-М, 1999. – 340 с.

340. Арановский, К.В. Избирательное право России : учебное пособие / К.В. Арановский, В.В. Игнатенко, С.Д. Князев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2007. – 232 с.

341. Головин, А.Г. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : курс лекций / А.Г. Головин. – М.: Норма, 2016. – 256 с.

342. Гражданское право. Общая часть : учебник: в 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – Т. 1. – 496 с.

343. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учебник / Отв. ред. А.А. Вешняков. – М.: Норма, 2003. – 816 с.

344. Кардополов, Ю.Ф. Методы криминологических исследований : учебное пособие / Ю.Ф. Кардополов. – 2-е изд., исправ. и доп. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2005. – 203 с.
345. Клейменов, М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2018. – 400 с.
346. Князев, С.Д. Российское избирательное право : учебник / С.Д. Князев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2001. – 448 с.
347. Ковалкин, А.А. Латентная преступность и ее выявление органами внутренних дел : учебное пособие / А.А. Ковалкин. – Киев: КВШ МВД СССР, 1985. – 96 с.
348. Криминология : учебник / Под ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2016. – 1008 с.
349. Криминология : учебник / Под ред. В.Е. Эминова. – М.: Проспект, 2015. – 368 с.
350. Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2015. – 800 с.
351. Криминология : учебник / Под ред. Г.А. Аванесова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 576 с.
352. Криминология : учебник / Под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. – М.: Манускрипт, 1992. – 319 с.
353. Криминология : учебник / Под ред. И.М. Мацкевича. – М.: Норма, 2017. – 368 с.
354. Криминология : учебник / Под ред. Ю.Ф. Кваши. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 704 с.
355. Криминология : учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 640 с.
356. Криминология : учебное пособие / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2016. – 304 с.
357. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : курс лекций / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

358. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник : учебник / Под. ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 416 с.

359. Организация антикоррупционного просвещения молодых избирателей (Опыт Избирательной комиссии Красноярского края) : учебно-методическое пособие / И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: Избирательная комиссия Красноярского края, 2015. – 92 с.

360. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования : учебное пособие / Под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 200 с.

361. Проблемы общей теории права и государства : учебник / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.

362. Прокументов, Л.М. Криминология (Общая часть) : учебное пособие / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. – 284 с.

363. Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / Под. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитского. – М.: РЦОИТ, 2009. – 448 с.

364. Старков, О.В. Криминология. Теория и практика : учебник / О.В. Старков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 641 с.

365. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2002. – 432 с.

366. Теория государства и права : учебник / Г.А. Борисов. – Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2007. – 292 с.

367. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. И.В. Шишко. – М.: Проспект, 2011. – 752 с.

368. Чуклинов, А.Е. Административный ресурс как специфическая форма политической коррупции : спец. учебный курс / А.Е. Чуклинов. – Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2004. – 59 с.

369. Щедрин, Н.В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности : лекция / Н.В. Щедрин. – Красноярск: ЮИ Крас ГУ, 2006. – 26 с.

370. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности : учебное пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1999. – 58 с.

Источники на иностранном языке

371. Frisch, W. (1990) Die Maßregeln der Besserung und Sicherung im strafrechtlichen Rechtsfolgensystem, ZStW, 102. S. 343;

372. Gurevitch, M. & Blumler, J. (2000) Political Communication Systems and Democratic Values. In Doris A. Graber (Ed.), *Media Power in Politics*, pp. 24–35. Washington DC: Congressional Quarterly.

373. Jescheck, H.-H. (1998) Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate im ausländischen Recht, Baden-Baden: Verlag Nomos. S. 202;

374. Metzger, E. (1976) Das ausländische Strafrecht der Gegenwart, Berlin: Duncker und Humbolt. B. 5. S. 173.

375. Roxin, C. (1997) Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. Verlag Beck. 3 Aufl. Muenchen. S. 3.

376. Schedrin, N.V. (2011) Concept, Kinds and Limits of Security Measures. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (1), P. 114.

377. Schröder, H. (1954) Die Vereinheitlichung der Strafe und sichernden. Maßnahmen, ZStW, 66. S. 181.

Справочная литература и статистические материалы

378. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

379. Петрученко, О.А. Латинско-русский словарь / О.А. Петрученко. – Ре-принт 9-го издания 1914 г. – М.: Эксмо, 2017. – С. 152.

380. Распределение численности малоимущего населения по возрастно-половым группам от 3 мар. 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/2-11.doc.

381. Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

382. Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.

383. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода от 15 мая 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/2-3.doc.

Материалы из средств массовой информации

384. О захвате власти в Нововоронеже [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Русспрес». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1808471>.

385. В отношении главреда ивановского телеканала возбудили уголовное дело [Электронный ресурс] // Коммерсант.RU. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060493>.

386. Золото мандатов // Газета «Новые известия». – 2007. – 17 янв.

387. Памфилова предупредила глав регионов об ответственности за использование административного ресурса на выборах // Российская газета. – 2018. – 16 фев.

388. Первый канал оценил прайм-тайм по будням для предвыборной агитации дороже «России-1» [Электронный ресурс] // Газета.RU. – URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/09/28/n_2029286.shtml.

389. Председатели региональных избиркомов изучили вопросы противодействия коррупции [Электронный ресурс] // Официальный сайт РЦОИТ при ЦИК России. – URL: <http://www.rcoit.ru/main/ik/education/62076>.

390. Путин: против праймериз выступают продажные депутаты [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Вести.Ру». – URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=550221>.

391. Словарь русского публичного языка конца XX века // Коммерсантъ Власть. – 2003. – № 24. – С. 64.

392. СПС «погорел» на подкупе избирателей [Электронный ресурс] // Национальная безопасность. – URL: <http://www.nacbez.ru/akmonitor/article.php?id=2347>.

393. Физик, политолог и политгеограф о фальсификациях на выборах [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Esquire». – URL: <https://esquire.ru/articles/2195-elections>.

394. Центризбирком получил почти 500 жалоб на административный ресурс // Ведомости. – 2018. – 16 мар.

395. Центризбирком призывает не оценивать выборы «по Гауссу» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Meduza». – URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/13/tsentrizbirkom-prizyvaet-ne-otsenivat-vybory-po-gaussu-eto-i-pravda-ne-luchshiy-metod>.

396. Экс-депутат Нововоронежской гордумы еще раз предстанет перед судом [Электронный ресурс] // Коммерсант.RU. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060493>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**Сведения о количестве зарегистрированных преступлений против избирательных прав граждан
в Российской Федерации в период с 1993 по 2017 г.**

УК РФ	Год																									Итого
	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
ст. 141	5	6	9	15	13	14	47	30	33	35	40	45	61	35	36	10	21	23	7	4	0	4	7	3	6	509
ст. 141 ¹	Введена 04.07.2003											1	4	0	1	2	1	1	2	0	0	2	0	0	1	15
ст. 142	17	25	51	301	46	12	12	34	43	21	41	94	63	53	20	515	29	24	44	22	8	9	11	15	8	1518
ст. 142 ¹	Введена 04.07.2003											10	9	1	18	6	3	2	15	14	7	6	11	17	14	133
ст. 142 ²	Введена 29.07.2017																							3	3	
Всего	22	31	60	316	59	26	59	64	76	56	81	150	137	89	75	533	54	50	68	40	15	21	29	35	29	2175

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности против избирательных прав граждан в Российской Федерации в период с 2011 по 2017 г.

УК РФ	Год							Итого
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
пп. «а», «б» ч. 2 ст. 141	0	1	0	0	1	0	0	2
ст. 141 ¹	2	0	0	2	0	0	1	5
ч. 2 ст. 142	0	0	0	0	1	2	2	5
Всего	2	1	0	2	2	2	3	12

**Сводная таблица результатов опроса членов избирательных комиссий
Красноярского края**

Вопрос	Варианты ответа	Абс.	%
<i>1. Коррупция в избирательном процессе для Вас – это:</i>	1. Позитивное явление	7	1,3
	2. Нейтральное явление	8	1,5
	3. Негативное явление	521	97,2
Всего		536	100,0
<i>2. Коррупция в избирательном процессе для Вас – это:</i>	1. Высокий	30	5,6
	2. Средний	68	12,7
	3. Низкий	195	36,4
	4. Затрудняюсь ответить	243	45,3
Всего		536	100,0
<i>3. Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями коррупции в избирательном процессе?</i>	1. Да, сталкивался с этим лично	9	1,7
	2. Лично не сталкивался, но много слышал от коллег (друзей / знакомых / СМИ)	79	14,7
	3. Затрудняюсь ответить, поскольку не уверен, что то, с чем я сталкивался, имело коррупционный характер	44	8,2
	4. Нет, не сталкивался	404	75,4
Всего		536	100,0
<i>4. Что, на Ваш взгляд, может выступать предметом коррупционных отношений в избирательном процессе? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Деньги	427	79,7
	2. Подарки	202	37,7
	3. Услуги	221	41,2
	4. Личные отношения (дружеские, семейные, корпоративные и иные близкие)	249	46,5
	5. Иное	11	2,1
Всего		1110	207,1
<i>5. Кто, на Ваш взгляд, может совершить коррупционное ПРАВОНАРУШЕНИЕ в избирательном процессе? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Председатель, заместитель председателя, секретарь избирательной комиссии	280	52,2
	2. Член избирательной комиссии с правом решающего голоса	211	39,4
	3. Член избирательной комиссии с правом совещательного голоса	92	17,2
	4. Зарегистрированный кандидат	257	47,9
	5. Избирательное объединение, выдвигавшее список кандидатов	164	30,6
	6. Доверенное лицо и уполномоченный представитель кандидата или избирательного объединения	178	33,2
	7. Лицо, замещающее государственную (муниципальную) должность либо находящееся на государственной (муниципальной) службе и НЕ являющееся	164	30,6

	членом избирательной комиссий или зарегистрированным кандидатом		
	8. Организация, осуществляющая выпуск СМИ	93	17,4
	9. Главный редактор организации, осуществляющей выпуск СМИ	72	13,4
	10. Наблюдатель	93	17,4
	11. Избиратель	161	30,0
Всего		1765	329,3
<i>6. Кто, на Ваш взгляд, может совершить коррупционное ПРЕСТУПЛЕНИЕ в избирательном процессе? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Председатель, заместитель председателя, секретарь избирательной комиссии	290	54,1
	2. Член избирательной комиссии с правом решающего голоса	197	36,8
	3. Член избирательной комиссии с правом совещательного голоса	84	15,7
	4. Зарегистрированный кандидат	260	48,5
	5. Избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов	158	29,5
	6. Доверенное лицо и уполномоченный представитель кандидата или избирательного объединения	150	28,0
	7. Лицо, замещающее государственную (муниципальную) должность либо находящееся на государственной (муниципальной) службе и НЕ являющееся членом избирательной комиссий или зарегистрированным кандидатом	165	30,8
	8. Организация, осуществляющая выпуск СМИ	81	15,1
	9. Главный редактор организации, осуществляющей выпуск СМИ	68	12,7
	10. Наблюдатель	80	14,9
	11. Избиратель	123	22,9
Всего		1656	309,0
<i>7. На каком этапе избирательного процесса, по Вашему мнению, чаще всего совершаются коррупционные преступления? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Назначение выборов	35	6,5
	2. Образование избирательных округов, избирательных участков; составление списков избирателей	44	8,2
	3. Выдвижение кандидатов и их регистрация	195	36,4
	4. Предвыборная агитация	292	54,5
	5. Голосование, подведение итогов голосования (результатов выборов), их опубликование	281	52,4
	6. Формирование и представление финансовой отчетности	143	26,7
	7. Реформирование избирательного законодательства в межвыборный период	39	7,3
Всего		1029	192,0

8. Представьте ситуацию. После завершения избирательной кампании председатель избирательной комиссии сообщил членам избирательной комиссии недостоверную информацию о том, что выборы прошли с нарушениями, в связи с чем дополнительная оплата за активную работу по их организации и проведению будет выплачена в меньшем размере. После оформления финансовых документов невыплаченные средства были использованы председателем избирательной комиссии в личных целях для погашения потребительского кредита			
8.1. Имеются ли в приведенном примере признаки КОРРУПЦИИ?	1. Да	444	82,8
	2. Нет	92	17,2
Всего		536	100,0
8.2. К какой ответственности, по Вашему мнению, должен быть привлечен ПРЕДСЕДАТЕЛЬ?	1. Общественное порицание (председатель нарушил нормы этики)	24	4,5
	2. Дисциплинарная ответственность	41	7,6
	3. Административная ответственность	204	38,1
	4. Уголовная ответственность	251	46,8
	5. Ни к какой ответственности, так как председатель не совершил этического проступка или правонарушения	16	3,0
Всего		536	100,0
9. Представьте ситуацию. В период организации и проведения выборов председателю избирательной комиссии были переданы денежные средства, предназначенные для оплаты труда членам избирательной комиссии. Поскольку большинство членов комиссии высказались за организацию «общего стола» в день голосования, председатель решил использовать часть выделенных средств на приобретение продуктов питания, но не уведомил об этом других членов избирательной комиссии и самостоятельно расписался за них в платежной ведомости			
9.1. Имеются ли в приведенном примере признаки КОРРУПЦИИ?	1. Да	313	58,4
	2. Нет	223	41,6
Всего		536	100,0
9.2. К какой ответственности, по Вашему мнению, должен быть привлечен ПРЕДСЕДАТЕЛЬ?	1. Общественное порицание (председатель нарушил нормы этики)	114	21,3
	2. Дисциплинарная ответственность	101	18,8
	3. Административная ответственность	170	31,7
	4. Уголовная ответственность	78	14,6
	5. Ни к какой ответственности, так как председатель не совершил этического проступка или правонарушения	73	13,6
Всего		536	100,0
10. Представьте ситуацию. Председатель избирательной комиссии получил под отчет денежные средства в сумме 5 000 руб. на заправку топливом автотранспортных средств, используемых при проведении выборов, о чем с водителем автотранспортного средства был составлен соответствующий договор. Однако фактически в процессе подготовки и проведения выборов на бензин было потрачено 2 000 руб. Зная об этом, председатель избирательной комиссии не стал вносить изменения в официальные документы, а потратил оставшиеся 3 000 руб. на приобретение продуктов питания в личных целях			
10.1. Имеются ли в приведенном примере признаки КОРРУПЦИИ?	1. Да	417	77,8
	2. Нет	119	22,2

Всего		536	100,0
<i>10.2. К какой ответственности, по Вашему мнению, должен быть привлечен ПРЕДСЕДАТЕЛЬ?</i>	1. Общественное порицание (председатель нарушил нормы этики)	45	8,4
	2. Дисциплинарная ответственность	95	17,7
	3. Административная ответственность	243	45,3
	4. Уголовная ответственность	125	23,3
	5. Ни к какой ответственности, так как председатель не совершил этического проступка или правонарушения	28	5,2
Всего		536	100,0
<i>11. Представьте ситуацию. В период избирательной кампании к председателю избирательной комиссии муниципального образования обратился зарегистрированный кандидат с просьбой оказать содействие в проведении публичного агитационного мероприятия и в качестве благодарности предложил ему бутылку коньяка стоимостью 2 500 руб.</i>			
<i>11.1. Вправе ли председатель принять подарок?</i>	1. Да	38	7,1
	2. Нет	498	92,9
Всего		536	100,0
<i>11.2. Вправе ли председатель принять подарок, если он замещает в соответствующей комиссии муниципальную должность?</i>	1. Да	10	1,9
	2. Нет	526	98,1
Всего		536	100,0
<i>12. Представьте ситуацию. После избирательной кампании к председателю избирательной комиссии муниципального образования обратился победивший кандидат и в качестве благодарности за добросовестное исполнение обязанностей преподнес ему бутылку коньяка стоимостью 2 500 руб.</i>			
<i>12.1. Вправе ли председатель принять подарок?</i>	1. Да	154	28,7
	2. Нет	382	71,3
Всего		536	100,0
<i>12.2. Вправе ли председатель принять подарок, если он замещает в соответствующей комиссии муниципальную должность?</i>	1. Да	91	17,0
	2. Нет	445	83,0
Всего		536	100,0
<i>13. Что, на Ваш взгляд, относится к основным причинам коррупционной преступности в избирательном процессе? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Несовершенство избирательного законодательства	116	21,6
	2. Высокая социальная стратификация (расслоение) российского общества	149	27,8
	3. Распространение коррупции в системе органов власти	357	66,6
	4. Отсутствие соответствующей политической воли	88	16,4
	5. Лоббирование интересов субъектов финансово-экономической деятельности	143	26,7
	6. Недостатки в деятельности правоохранительных органов	93	17,4
	7. Недостаточный профессиональный уровень организаторов выборов	85	15,9

	8. Низкий уровень доверия граждан к результатам выборов	230	42,9
	9. Иное	0	0,0
Всего		1261	235,3
<i>14. Что, на Ваш взгляд, является наиболее эффективной мерой предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе? (возможно несколько вариантов ответа)</i>	1. Совершенствование законодательства	182	34,0
	2. Повышение уровня жизни населения	264	49,3
	3. Повышение денежного вознаграждения членам избирательных комиссий	184	34,3
	4. Ужесточение ответственности за совершение коррупционных деяний	272	50,7
	5. Повышение открытости деятельности избирательных комиссий	135	25,2
	6. Развитие институтов общественного контроля за ходом голосования и подсчета голосов	78	14,6
	7. Автоматизация процедур голосования и подсчета голосов	183	34,1
	8. Антикоррупционное просвещение участников выборов	125	23,3
	9. Антикоррупционное образование членов избирательных комиссий	105	19,6
	10. Введение ответственности за «продажу» избирателями своих голосов	177	33,0
	11. Введение ответственности за «продажность» зарегистрированных кандидатов	168	31,3
	12. Ужесточение ответственности за «продажность» организаций, осуществляющих выпуск СМИ, и их представителей	135	25,2
	13. Иное	1	0,2
Всего		2009	265,5
<i>15. Укажите занимаемую Вами должность?</i>	1. Председатель, заместитель председателя, секретарь избирательной комиссии	252	47,0
	2. Член избирательной комиссии с правом решающего голоса	207	38,6
	3. Член избирательной комиссии с правом совещательного голоса	77	14,4
Всего		536	100,0
<i>16. Укажите уровень избирательной комиссии, в которой Вы занимаете соответствующую должность?</i>	1. Избирательная комиссия субъекта Российской Федерации	3	0,6
	2. Территориальная избирательная комиссия	72	13,4
	3. Участковая избирательная комиссия	461	86,0
Всего		536	100,0
<i>17. Местом нахождения избирательной комиссии, в</i>	1. Городская местность	366	68,3

<i>которой Вы занимаете соответствующую должность, является:</i>	2. Сельская местность	170	31,7
Всего		536	100,0
<i>18. Укажите Ваш опыт работы в избирательной системе?</i>	1. До 1 года	147	27,4
	2. От 1 до 6 лет	193	36,0
	3. От 6 до 15 лет	150	28,0
	4. От 15 и более лет	46	8,6
Всего		536	100,0
<i>19. Ваш пол?</i>	1. Мужской	84	15,7
	2. Женский	452	84,3
Всего		536	100,0
<i>20. Ваш возраст?</i>	1. От 18 до 23 лет	5	0,9
	2. От 23 до 35 лет	129	24,1
	3. От 35 до 50 лет	281	52,4
	4. От 50 до 60 лет	94	17,5
	5. От 60 лет и старше	27	5,0
Всего		536	100,0
<i>21. Ваш уровень образования?</i>	1. Среднее специальное	135	25,2
	2. Высшее	376	70,1
	3. Высшее юридическое	25	4,7
Всего		536	100,0